

ПОХИТИТЕЛИ ДРЕВНОСТЕЙ

ГОРОД-НЕВИДИМКА

Екатерина Александровна Неволина
Город-невидимка
Серия «Похитители
древностей», книга 3

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4559197
Неволина Е. А. Город-невидимка: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-59813-7*

Аннотация

В затопленном граде Китеже хранится могущественнейший артефакт, и команда ребят отправляется на поиски. Теперь к четверке похитителей древностей присоединился новый участник. На первый взгляд Ян – парень странный и чудаковатый, но, как оказалось позже, весьма опасный противник и опытный маг. С его помощью ребята попытаются разгадать тайну, скрываемую вот уже несколько столетий. Но цена экспедиции окажется слишком высокой...

Содержание

Глава 1	13
Глава 2	29
Глава 3	46
Глава 4	63
Глава 5	77
Глава 6	98
Глава 7	119
Глава 8	141
Глава 9	154
Глава 10	168
Глава 11	190
Глава 12	211
Глава 13	227
Глава 14	241
Глава 15	258
Глава 16	271
Глава 17	297
Глава 18	315
Глава 19	328

Екатерина Неволина

Город-невидимка

Над лесом поднимались дымы пожарищ, пятная черными хвостами зимнее тускло-голубое небо. Люди, нескончаемой вереницей входившие в городские ворота, с тревогой оглядывались на них. Дымы означали приближение смерти, ужаса, врага, с которым не справиться, не одолеть. Пали уже и могущественные князья, и сильные богатыри. Кто же теперь встанет за землю русскую?.. Что остается ее детям? Разве что молиться, поэтому и звенели сегодня колокола – с тревогой и надеждой.

«Беженцы, раненые, женщины и дети, – думал Юрий Всеволодович, Великий князь Владимирский, глядя на людскую змею, исчезающую в воротах Большого Китежа. – И очень мало мужчин, способных держать оружие».

Он стиснул руки, лежащие на парапете башни, не чувствуя холода, исходящего от замороженного камня.

«Должен же кто-то уцелеть, должен кто-то прорваться! Где обещанная помощь от братьев? Да, между нами были и ссоры, и распри, но пришло время забыть их. Иначе все погибнем. Или это кара за грехи

мои...»

Он вспомнил, как осенью, когда поток неведомых завоевателей хлынул на Русь, рязанский князь Юрий Игоревич, на чьи земли пришелся первый удар, просил его о помощи. Тогда князь не стал помогать давнему сопернику, решил, разорят степняки Рязань, она ослабеет, а Владимир за счет этого еще возвысится. Возвысился, как же. Вот теперь до неба буквально рукой подать.

Теперь князь рязанский в раю, как и все, павшие за родную землю, а что ждет его, Юрия?

На лестнице слышались шаги. Не тяжелые, бухающие, как у воинов, легкие и почти неслышные – ее шаги, и сердце Юрия захлестнула волна нежности. Ирина не вошла на башню – взлетела лебедью.

– Они уже здесь, татары? Мне сказали, дозорные зажгли костры. – Юрий молча показал на горизонт. – Но ведь город устоит, у нас каменные стены, у нас много людей. Так? – она просительно посмотрела на него, ожидая слов утешения.

– Большая часть их не сможет драться, – возразил князь, – а любая крепость сильна защитниками, не стенами.

Обманывать ее он не мог. Горька правда, но все же слаще губительной лжи.

– Китеж – святой город, он защитит своих

обитателей, – возразила Ирина. – Тебе ли не знать этого!

Да, Юрий знал. Желая прославиться не только могуществом и ратными делами, он сам возвел в этом издавна почитаемом месте, на берегу озера Светлояр, храмы и стены, украсил их дивным каменным узорочьем. Велик и прекрасен вышел город, не найти подобного во всей Руси.

– Во всех храмах молятся о защите города от врага. Если есть Бог на небе, мы устоим, – снова сказала Ирина, и ее холодные нежные пальчики легли на его огрубевшую в боях руку.

Он не стал напоминать, что так же думали запершиеся в соборе жители Рязани и других городов – сгоревшие заживо, задохнувшиеся в дыму, разорванные ворвавшейся в святое место озверевшей ордой.

– Иди к людям. Ты правительница, княгиня. Ты нужна им сейчас. – Она жалобно смотрела на Юрия, ожидая каких-то других слов. Но он повернулся к ней спиной, снова вглядываясь в горизонт.

Вдруг среди людской толпы князь увидел гонца, пытавшегося протолкнуться к воротам. «Какие бы ни были вести, следует узнать о них первым». И Юрий бросился к лестнице, ведущей вниз, к воротам.

Гонец, с глубоко запавшими глазами, исхудавший,

мля в руках шапку и так внимательно разглядывал носки своих сапог, будто увидел там что-то крайне интересное.

– Ну?! – не выдержал Юрий. – Я не степняк, за дурные вести не казню.

– Владимир пал! – выдохнул гонец и отскочил, будто боясь наказания, так изменилось лицо князя.

«Владимир – стольный град, самый укрепленный город Руси. Теперь негде укрыться, никто не придет на помощь – не захочет связываться с врагом, способным сокрушить такую мощь».

– А моя семья? – он впился взглядом в гонца.

– Не ведаю, княже, может, Бог сохранил, – неуверенно сказал гонец, уставившись в землю.

Значит, надежды нет. Семья погибла. Князь понял это с отчаянной очевидностью.

Что-то оборвалось внутри Юрия. Он обвел взглядом высокие стены и купола храмов, неведомо когда собравшуюся толпу людей вокруг и потребовал коня.

Оставшиеся от княжеской дружины воины располагались на подворье храма Святой Софии. Битые, потерявшие всех родных, но все еще не сломленные. Юрий обвел взглядом людей, вставших, когда он вошел в горницу.

– Братья, – начал он. – Владимир пал. – И, не

давая разгореться отчаянию, продолжил: – Но не все еще потеряно. Здесь, в Китеже, крепкие стены и достаточно припасов. Люди со всей округи сходятся сюда. Здесь, в безопасности, мы оставим наших раненых, а сами пойдем по Владимирской земле, соберем всех, кто может носить оружие. И дадим татарам бой. Да такой, что они кровью умоются, сами себя проклянут за то, что пришли на Русь войной. Отомстим за смерть, за кровь, за поругание земли нашей. Победим или падем с честью.

– Мы с тобой, княже! – нестройным хором отозвались воины. В их глазах впервые за все это долгое, полное напряженного ожидания время появилась надежда.

В ночь перед отбытием Юрий долго не мог уснуть. Он тяжело, словно огромный зверь, ходил по горнице, вглядываясь в окно, в освещенную далеким заревом ночь. Свеча погасла, но князь не стал ее зажигать.

«Что будет со мною, с Ириной? Ждет ли меня победа, или смерть, или, хуже того, рабство?». Почувствовав в комнате чье-то присутствие, Юрий стремительно развернулся, нашаривая рукой меч. Посреди комнаты стояла женская фигура, озаренная неярким серебристым светом.

«А ведь я видел ее раньше, – с удивлением вспомнил Юрий. – На иконе, в здешнем храме Святой

Софии, она еще считается чудотворной».

– Не печалься, Юрий, – тихо произнесла женщина. – И тебе, и Ирине уготована иная судьба. Вы сможете жить долго и счастливо.

– Я разобью татар? – князь подался вперед. Уже предвкушая ответ, слыша рев победных труб: ведь как иначе им жить с Ириной долго и счастливо?..

Словно отвечая на его мысли, женщина покачала головой.

– Все будет не так. Я защищу свой город, скрою его от этого жестокого мира. Ты останешься в Китеже. Здесь вы с Ириной проживете долгую и счастливую жизнь.

– Но как же мое княжество, моя земля?.. – он подался вперед, позабыв о почтительности.

– Твоя земля теперь здесь. Прочие же земли предоставь их судьбе, – грустно покачала головой покровительница Китежа.

– Я князь и должен быть со своими людьми, судьба моей земли – моя судьба.

– Если ты покинешь Китеж, то погибнешь. Решать тебе...

Последние слова Юрий едва расслышал, и неведомая фигура растаяла в темноте.

«Святая? Или дьявол приходил искушать меня».

Князь потер рукою лоб и... проснулся.

Занимался рассвет – Юрий понял, что сам не заметил, как заснул, сидя на лавке. «Странный сон...» – князь почувствовал, что его рука что-то сжимает, и с удивлением уставился на зажатую в кулаке рукоять меча, которым он хотел попотчевать ночную гостью.

Князь вздохнул. Теперь он точно знал, что ему делать.

И вот уже Юрий, облаченный в доспехи, вооруженный, стоял посреди горницы. Со двора доносились людские голоса, ржание коней – дружина собиралась в поход. Кто-то постучал в дверь.

– Княже, я слышала о беде, постигшей твою семью, плачу об этом вместе с тобой. – Ирина смотрела на него глазами, полными сочувствия и печали, и вдруг обняла его.

Юрий прижал княгиню к себе, чувствуя, как проходит тоска и безнадежность, наливается силой тело. Так они стояли, и ему казалось, нет ни города, ни татар, ни бремени власти, а есть только они двое – он и она, та, что стала теперь единственной его семьей. Как он был слеп и не видел этого раньше?! Его место с ней, здесь. Не нужно никуда идти, потому что она, Ирина, – и есть единственная его родина...

– Княже! – позвал кто-то снизу, и Юрий вздрогнул. Он едва не поддался соблазну, не согласился с таинственной ночной посетительницей.

«Изыди!» – мысленно велел он и с сожалением отвел руки Ирины:

– Мне пора, береги себя.

Он вышел из горницы, так и не услышав брошенные ему вслед тихие слова: «Живого или мертвого, я буду ждать тебя всегда».

...Солнце весело играло на снегу, на замерзшей глади реки Сить. Въехав на невысокий холм рядом с лагерем, Юрий смотрел на пестрые цвета шатров. «Еще не все потеряли голову от страха или от ордынского меча. Есть еще воины на Руси». Каждый день к лагерю выходили люди: дружинники, потерявшие своих князей, но не честь, заросшие бородой мужики, злые на татар за разоренные села. Пришел и кое-кто из князей, забыв старую вражду.

«Еще немного, и их будет достаточно, чтобы дать орде настоящий бой. Месяца хватит, и поганые степняки будут выметены с Руси железной метлой».

«Господи, помоги! – взмолился князь. – Не дай, чтобы нас обнаружили раньше времени».

К Китежу татары пока не вышли, заплутали в бескрайних лесах, но князь беспокоился. Слал гонцов. Вот и сейчас один из них прибыл, спешит к нему прямо на холм. Сердце Юрия кольнуло.

– Княже, татары осадили Китеж!

Юрий едва не схватился за голову. «Почти не

защищенный город. Надо было оставить дружину там».

– Что далее, говори! – велел он.

Гонец сбивчиво поведал, что первый штурм горожане с трудом отбили, но когда стало ясно, что следующего городу не пережить, княгиня Ирина собрала всех горожан и, взяв икону из собора Софии Китежской, пошла с ней на стену. Юрий как наяву увидел длинную процессию. И юную княгиню впереди, держащую образ перед собой, как оружие. Услышал протяжное церковное пение. Почувствовал, как злобно зашевелились татары, увидев на стенах блистающее золотом и яркими тканями шествие.

– Что же было дальше? – он знал ответ, но правду следует выслушивать до конца, какой бы горькой она ни была.

– Город тогда будто дымкой подернулся и исчез, а озеро на землю хлынуло. Многие татары потопли. Истинное чудо, княже! – ответил гонец, крестясь.

«Я защищу свой город, скрою его от этого жестокого мира», – прозвучал в ушах князя тихий голос. Но он помнил и продолжение. Что же, значит, смерть уже совсем близко...

Следующий рассвет был невероятно, обжигающе красив... Возможно, его самый последний, самый важный рассвет...

Глава 1

Ночной гость

Люблю серьезных девушек! У них бывает такое... одухотворенное выражение лиц – как будто они съели что-то не очень съедобное, а теперь прилагают все силы, чтобы удержать желудочные колики!

Сказав эту фразу, черноволосый парень с наглыми серыми глазами, полужанавешенными асимметричной рваной челкой, покосился в сторону Александры, весьма недвусмысленно намекая, кто именно является объектом его неуклюжей и весьма спорной шутки.

– Спасибо. Все было очень вкусно, – красивая девушка с каштановыми густыми волосами аккуратно сложила крест-накрест приборы и поднялась из-за стола.

– Саш, да не обращай на него внимания! Разве не видишь, что он к тебе специально цепляется? – подала голос еще одна сидевшая за столом девушка. Вернее, даже девочка, потому что лет ей на вид было не больше четырнадцати – еще неуклюжая, уже вытянувшаяся в длину, но еще не успевшая приобрести плавные женственные формы.

– Я и не обращаю, – холодно отозвалась Александра и, так и не взглянув на черноволосого, вышла из столовой.

За столом остались трое ребят. Кроме уже описанных двух, здесь находился шестнадцатилетний или семнадцатилетний парень. На фоне подчеркнуто неформатного черноволосого, похожего, скорее, на героя аниме, он казался образцом аккуратности и элегантности. У него были правильные, красивые черты лица, волевой подбородок, внимательные спокойные глаза. Сейчас он, похоже, столь погрузился в собственные мысли, что разыгравшаяся сценка прошла мимо его внимания, а в тарелке остывал едва тронутый ужин.

– Глеб! – позвала его девочка, и парень вздрогнул, прогоняя задумчивость.

– Да, Дин? – он вопросительно взглянул на девочку.

– Глеб, а как же мы поедем без Северина? – спросила она и одним большим глотком допила добрую половину налитого в стакан густого мангового сока. После сока вокруг рта остались оранжевые разводы, однако она совершенно этого не заметила.

– Понимаешь, – Глеб вздохнул, – мы не можем заставить его вернуться. Только он сам способен принять это решение.

– Ага, – хмыкнул черноволосый, – уговорить

еще можно, а вот попробуй найти! Вы когда-нибудь пробовали ловить в лесу волка? И, заметим, вовсе не факт, что он нам обрадуется. А если и обрадуется, то именно в том смысле, в котором ты ждешь, а не в гастрономическом!

Глеб бросил на говорящего короткий пронзительный взгляд:

– И почему ты, Ян, такой умный?..

– А почему вы все такие скучные? – парировал тот. – Я-то думал, что у вас весело, а тут просто похоронное бюро. Все серьезные и правильные, даже шуток не понимают. Тоскливо мне с вами, ребята, – он демонстративно широко зевнул.

Глеб тоже отставил свою тарелку и поднялся.

– Шел бы лучше в цирк. Там весело, – сказал он сухо и вышел из столовой.

Черноволосый тем временем спокойно доел свою порцию мяса с картошкой и долил в стакан колы.

– Ты зачем их все время дразнишь? – спросила Динка, разглядывая последнего оставшегося собеседника.

Ян беспечно пожал плечами.

– «Умное лицо – это еще не признак ума. Все глупости в мире совершаются именно с этим выражением лица... Улыбайтесь, господа, улыбайтесь!» – так говорил Тот самый Мюнхгаузен, –

процитировал он.

– А мне кажется, ты просто в коллектив вписываться не умеешь! – заметила Динка, наматывая на палец кончик своей косички.

– Конечно, деточка, – Ян встал и, наклонившись через стол, небрежно потрепал ее по голове. – Сама придумала или умница Глеб подсказал?..

Александра сидела на кровати в своей комнате и расчесывала волосы. В последнее время она избегала делать это перед зеркалом. Если не видеть своего отражения – как-то... спокойнее.

Только сегодня они получили новое задание, задание более необычное и, казалось, гораздо более трудное, чем предыдущие. Их, как и прежде, четверо. Только состав группы немного изменился. Вместо Северина этот Ян, которого нельзя и близко поставить рядом с Северином. Тот – сильный, спокойный, стремительный. Этот – наглый, наглый и еще раз наглый. За короткое время знакомства Ян успел надоесть Александре хуже горькой редьки. Ну как можно находиться с ним в одной группе? Тем более задания у них сложные и опасные. Когда риску подвергается твоя жизнь, все зависит не только от тебя, но и от твоего товарища, от того, насколько ты ему доверяешь. Нужно доверять другому как себе... нет, даже больше, чем себе, –

иначе настоящей, способной к действию группы никогда не получится. Неужели директор школы этого не понимает? Нет, Евгения Михайловича никак нельзя заподозрить в отсутствии ума. Значит, он рассчитывает, что они притрутся с Яном, смогут его понять и с ним подружиться. Но как это возможно, если тот не то что не желает сделать хотя бы один-единственный шаг им навстречу, а напротив, похуже, задался целью показать всю свою неприятную ершистость, сознательно провоцирует их и наблюдает за реакцией. Дрессировщик нашелся!

Негромкий стук отвлек девушку от этих мыслей.

Очень странный стук.

Не в дверь – а в окно! А ведь здание школы находилось на охраняемой территории, к тому же вокруг столько видеокамер, что подобраться кому-то чужому почти невозможно.

А свой, конечно, не станет стучать в окно. Тем более сейчас, посреди ночи.

За стеклом было темно. Луна сегодня пряталась среди туч, да и сосны давали тень. Поэтому Саша не сразу разглядела смутный человеческий силуэт.

На улице кто-то стоял.

Сердце тревожно забилося. «Может, просто не реагировать?» – мелькнуло в голове Александры.

Но стук повторился. Осторожный, словно бы

вкрадчивый. Кто-то привлекал ее внимание, но не хотел, чтобы его услышали остальные. Тем более странно.

С минуту Саша вглядывалась в смутно белеющее в темноте лицо, сомневаясь, не видит ли перед собой призрак, а потом встала на подоконник и решительно распахнула форточку.

– Это ты? – тихо спросила она в темноту.

– Да, открой, пожалуйста, – послышался не менее тихий, едва различимый ответ.

Этот ответ и знакомый голос окончательно убедили Александру. Она распахнула окно и протянула руку, помогая войти ночному гостю.

Теперь, когда он оказался в освещенной электрической лампочкой комнате, можно было разглядеть, что это молодой парень. У него были взлохмаченные темно-русые волосы и ярко-синие пронзительные глаза. Кроме того, так и казалось, что он побывал в нелегких передрыгах: бровь рассечена, щека грязная, на локте ссадина, а одежда и вовсе столь грязная и мятая, что трудно поверить, что она достигла такого рекордного состояния естественным путем.

– Ты вернулся!.. – прошептала девушка, глядя на своего нежданного гостя. Похоже, его вид вовсе ее не отпугивал. – А Глеб знает?

Тот покачал головой, тихо вздохнул.

– Можно я сяду? Я устал, – пробормотал он.

– Да, да, конечно! – Саша придвинула ему удобное кресло, куда посетитель тотчас опустился.

– И... ты не принесешь мне что-нибудь поесть. Я голоден... как волк, – сказал он и вдруг покраснел.

– Конечно. Жди меня и никуда не уходи! – девушка на всякий случай выглянула во двор, словно проверяя, не ждут ли там другие незваные гости, затем закрыла окно и даже на всякий случай задернула плотные шторы. – Я сейчас вернусь!

Она выскочила из комнаты и бегом бросилась в столовую. Еду уже убрали. Ну что же, придется идти на кухню. Скорее всего обслуживающий персонал уже ушел, и можно без лишних вопросов взять что-нибудь из холодильника.

В холодильнике нашлась буженина, и Александра быстро соорудила несколько больших бутербродов, сложила их на тарелку и направилась обратно, очень надеясь никого не встретить.

Ей сопутствовала удача, и девушка уже облегченно вздохнула, взявшись за ручку двери своей комнаты. Еще шаг – и она в безопасности. И тут, конечно, позади раздался знакомый насмешливый голос.

– Подкрепляешься?

Саша обреченно обернулась. Ян стоял за ее

спиной, глядя на нее своими наглыми глазами.

– Да, подкрепляюсь, – ответила она, стараясь держаться как можно равнодушнее.

– Хорошо, когда у девушки отменный аппетит, – он внимательно оглядел ее бутерброды. – Солидные куски мяса, прямо как для мужика. Буду знать, если вдруг надумаю пригласить тебя на романтическое свидание.

Александра почувствовала ярость.

– Если вдруг надумаешь пригласить меня на романтическое свидание, – сказала она холодно, – можешь сразу рассчитывать на отказ. Спокойной ночи.

Девушка проскользнула в комнату, стараясь не открывать дверь слишком широко, чтобы Ян не заметил ее ночного гостя. Надо же было встретить в коридоре именно Яна! Вот ведь не повезло!

– Ты с кем-то разговаривала? – синеглазый парень поднялся с кресла, настороженный, готовый чуть что броситься прочь.

– Да это не важно, я потом расскажу. Ешь, пожалуйста, – Александра подала ему тарелку с бутербродами и села на кровать.

Он действительно был так голоден, что не стал настаивать на ответе, а принялся с жадностью поглощать хлеб и мясо. Саша терпеливо ждала,

пока парень насытит, прикидывая, как повести дальнейший разговор, чтобы, не дай бог, не спугнуть гостя. Она уже придумала несколько удачных ходов и подходящих фраз, когда все пошло шиворот-навыворот.

– Я чувствую знакомый запах, – сказал вдруг парень, отставляя тарелку. – Ты с ним встречаешься?

Саша смутилась. Она не ожидала, что разговор повернется таким боком, а ситуация будет истолкована столь превратно.

– Ну... приходится, – призналась она, – как и другим.

– То есть?

Ее гость напоминал загнанного зверя. Хищного зверя, тем более опасного. Его ноздри раздувались, а синие глаза беспокойно смотрели то на девушку, то на дверь.

Девушка вздохнула. Придется говорить ему вот так, без подготовки.

– Ян теперь в нашей команде, – произнесла она. – Евгений Михайлович уверен, что он будет нам полезен.

Парень нахмурился.

Честно говоря, Александра разделяла его чувства, а еще она вдруг поняла, что это прекрасная возможность вернуть беглеца в группу.

– Северин, ты окончательно вернулся? – прямо спросила она.

Он задумался:

– Я еще не знаю...

Примерно этого Саша и боялась. Поэтому она придвинулась чуть ближе, заглянула во встревоженные синие глаза. Говорят, с паршивой овцы хоть шерсти клок. Настало время и Яну принести хоть какую-то пользу. Пусть даже непосредственно не участвуя в этом.

– По правде говоря, я не очень доверяю этому Яну, – тихо произнесла Александра, – и мне бы хотелось, чтобы в команде был человек, способный ему противостоять. Мне страшно. Он может подвести нас – и меня, и Глеба, и Динку...

Северин потер лоб, продолжая хмуриться.

– Я понимаю, – Саша мягко коснулась его руки, – ты не хочешь больше рисковать...

– Нет, не понимаешь! – он резко вскочил, опрокинув опустевшую тарелку на пол. – Я больше не хочу никого терять! И ты, и Глеб, и Дина... Вы не можете рисковать!

Александра улыбнулась.

– А что ты предлагаешь? Кто бы мы были без школы и без Евгения Михайловича? Обычные ничем не примечательные подростки. Никто! А теперь... И мы

привыкли к риску, подсели на него, если угодно. Разве можно забыть, отказаться от всего этого? Для каждого из нас выйти из группы – все равно что оглохнуть или ослепнуть – потерять полноту восприятия.

Парень медленно кивнул.

– Ты, пожалуй, права... – Он поднялся с кресла. – Пойду к себе в комнату, спасибо тебе.

Девушка улыбнулась.

* * *

Вот и его старая комната. В точности такая же, какой он оставил ее, казалось, уже целую жизнь назад. Северин изменился, комната – нет. Даже брошенная футболка свернулась на спинке стула обаятельным привидением.

Комната показалась парню чужой. Каково ему, побывавшему в шкуре зверя и едва не позабывшему человеческую речь, возвращаться к обыденной жизни? Каково ему, потерявшему все, снова ходить, сидеть за столом, делать тысячу обыденных жестов, говорить простые слова?.. Весь путь до школы он преодолел в обличье волка. Так теперь было легче, удобнее. Мелкие зверьки служили ему пищей. Он хотел настоящей стычки с кем-то из крупных хищников, но те, видно, чувствовали его природу

и спешили укрыться. Нигде, где бы он ни был, ему не встретилось ни одного соперника. Он был самым сильным, он был царем и богом всего природного мира. Вот и сейчас Северину хотелось изогнуться дугой, сбрасывая с себя узы неуклюжего человеческого тела, снова стать могучим и опасным, чтобы хоть немного заглушить боль, что живет в сердце, мысли, что круг за кругом бродят в голове – застилая глаза кровавым туманом, лишая рассудка.

Искушение оборотиться было столь велико, что Северину пришлось приложить громадные усилия, чтобы успокоиться. Он не может навсегда оставаться волком. Может быть, потом, когда дело окажется сделанным.

А сейчас нужно подумать о друзьях. И о мести. Это то, что еще держит его в человеческом мире.

Парень вошел в ванную и встал под ледяную струю душа. «Арина, Арина...» – шептала вода, ударяясь о стеклянную стенку кабинки и растекаясь по ней каплями. На секунду Северину показалось, что она стоит там, за мутным стеклом. Смотрит на него и улыбается.

Он резко рванул стеклянную дверцу, отодвигая ее в сторону.

Увы – снаружи никого не было.

Из горла Северина вырвался глухой вой, и за окном

испуганно заскулила собака.

Парень сжал зубы. «Я не позволю себе сойти с ума. Только не сейчас», – повторял себе он, яростно намыливая плечи. Если бы он мог точно так же отмыть свою душу, свою память...

Закончив с мытьем, парень вытерся и лег на кровать, удивляясь этому полузабытому ощущению – спать не на земле, а на кровати, и на него тут же навалилось тяжелое спасительное забытие, лишенное даже малейших намеков на сновидения.

* * *

Проводив гостя, Саша посмотрела на часы: пожалуй, пора ложиться, завтра рано вставать.

– Алекс!.. Алекс!.. – прошелестел в ушах голос.

Александре показалось, что в комнате стало темнее. Она зажала уши руками, легла на кровать, отвернулась к стене и принялась вслух читать стихотворение.

«Послушай: далёко, далёко, на озере Чад изысканный бродит жираф», – повторяла она строки Гумилева, стараясь заглушить призрачный шепот.

Когда стихотворение было дочитано, в комнате стало тихо, но Александра так и не решилась отвернуться от стены. Зажмурив глаза, чтобы ничего

не видеть, девушка лежала и никак не могла заснуть. Сейчас она согласилась бы на любое общество, только бы кто-нибудь оказался рядом, только бы разделил с ней тягостное одиночество. «Скорее бы закончилась ночь», – думала она, сжав зубы и не решаясь пошевелиться. Страх впивался в душу сотнями маленьких коготков – навязчивый, противный, липкий.

Заснула Саша под утро, когда уже начало светать. Словно бы и не заснула даже, а провалилась в бездонную яму. Девушке казалось, что она падает и летит, летит... Очнувшись от звонка будильника, она почувствовала облегчение.

Страх немного отступил, и Александра минут десять стояла под холодным душем, стремясь прийти в себя, а потом долго приводила себя в порядок, глядя в собственное отражение. Утром зеркало почти ее не пугало – как свидетельствовала практика, опасность обычно приходила под вечер, когда дневной свет угасал, сменяясь неверным электрическим освещением, а комната наполнялась густыми тенями. Это была как раз та темнота, что рождает чудовищ.

Когда Саша вышла к завтраку, выглядела она абсолютно так же, как всегда: невозмутимой и аккуратной.

Северин появился минут через пять после нее. Встретили его все по-разному: Глеб пожал руку с таким видом, словно ничуть не удивился появлению друга; Динка с воплем, похожим на боевой вопль индейцев племени команчей, бросилась ему на шею; Ян иронично приподнял бровь и при этом так взглянул на Александру, что она почти не усомнилась: он отчего-то знает о вчерашнем ночном визите.

За завтраком тема отсутствия Северина дипломатично не поднималась, говорили о предстоящем путешествии, и Северин, вначале настороженный, заметно расслабился, даже немного повеселел.

После завтрака в школу прибыл директор, Евгений Михайлович.

– Ты вовремя! – приветствовал он Северина. – У меня есть для вас новое задание, но сперва расскажи, как ты там.

– Нормально, – бросил парень, отводя глаза. – Со мной уже все в порядке, я вас не подведу.

– Понятно.

Евгений Михайлович смерил его пристальным взглядом, но требовать подробностей не стал.

– Я приготовил кое-что полезное для новой экспедиции, – обратился он уже ко всем, а потом поманил к себе Яна. – Вот, возьми, – директор

протянул маленький серебряный колокольчик, деформировавшийся и истончившийся от времени, – говорят, это из самого града Китежа. Он поможет тебе открыть ворота.

– Спасибо! – Ян бережно принял этот странный ключ и завернул в черную бархатную тряпочку.

Александра невольно поморщилась: вот ведь позёр! Даже тряпочка у него как театральный атрибут.

– Ну, присядем на дорожку, – Евгений Михайлович тяжело вздохнул. – Очень вас прошу, будьте внимательны и осторожны. Каждый из вас для меня дорог и ценен, к тому же каждый из вас нужен другим членам группы. Держитесь друг друга и помните: иногда отступить – не значит сдаться. В общем, не рискуйте зря.

– Мы знаем, – серьезно кивнул Глеб. – Я постараюсь больше не допустить... ошибок.

Саша бросила быстрый взгляд на Северина. Тот молчал, глядя в пол. Несмотря на крайнюю худобу и ввалившиеся щеки, он возмужал и повзрослел за истекшие дни, и сейчас лицо его оставалось бесстрастным. Возможно, нанесенная ему рана была слишком болезненна и сильна, и теперь ничто уже не могло его ранить.

– Ну тогда с Богом! – директор встал.

Поднялись и ребята – путь предстоял неблизкий.

Глава 2

На пороге

Дорогу они осилили достаточно быстро – всего часов за пять. Ехали обычным порядком: Динка с Глебом, Северин и Саша на своих мотоциклах. Присоединился только Ян. Он и здесь умудрился выделиться, заявив, что не переседет на мотоцикл и не изменит любимому скутеру. Все ожидали, что новый член команды будет тормозить продвижение, однако ничего подобного: скутер несея, как бешеная табуретка, так что последней в процессии все равно почему-то оказывалась Саша, самая неопытная из мотоциклистов.

– Резвый у тебя конь. Не ожидал, – сказал Яну Глеб, когда они, усталые и пыльные, зашли в придорожное кафе. – Проаппгрейченный?

– А то! – Ян с жадностью глотнул кофе и, явно наслаждаясь напитком, прикрыл глаза. – Видел на руле символ начерчен? Работает!..

Глеб взглянул на собеседника искоса, не до конца понимая, шутит тот или говорит правду, но Ян больше не собирался ничего объяснять, а смаковал кофе и в данный момент слизывал с ложечки пенку с таким

видом, словно это был невесть какой деликатес.

Александра промолчала, сосредоточившись на своем кофе – весьма посредственном, между прочим.

В кафе благодаря полузакрытым тяжелым шторам царил полумрак. Посетителей было немного, а вся обстановка с высокими бархатными стульями и круглыми мраморными столами казалась слишком выпендренной для обычного придорожного заведения. Ну кто сюда заходит? Разве что дальнобойщики. Но они вряд ли оценят этот налет декадентства и готичности.

– Саша, может, что-нибудь все-таки поешь? Ты выглядишь усталой, – обратился к Александре Глеб.

– Нет, не хочу пока, – она принужденно улыбнулась.

– Саша?.. Вы Алекс, да? – за барной стойкой сидела стройная черноволосая девушка, и теперь она оглянулась, с интересом уставившись на Александру.

Та поспешно замотала головой. Этим именем ее называл только один человек на всей земле.

– Нет, вы ошиблись.

Черноволосая всматривалась в нее, словно не веря.

– Нет, мне кажется, вы все-таки Алекс. Ваша сестра просила передать...

Александра вскочила, не замечая, что стоявшая перед ней чашка опрокинулась и остатки кофе

медленно растекаются по бордовой скатерти темным, будто кровавым пятном.

– Вы ошиблись! У меня нет сестры! – в панике повторяла она. Тело сотрясала лихорадочная дрожь.

– Да?.. Странно, – незнакомка пожала плечами. – Значит, и вправду ошиблась, но та девушка была очень на вас похожа, мне кажется, она ваша точная копия. И она просила передать вам, чтобы вы никуда не ездили. Вот и все.

С минуту Александра стояла, словно пораженная громом, а потом выбежала из зала.

– Вы кто? – Глеб, нахмурившись, разглядывал девицу у стойки, и она ему категорически не нравилась: как раз под стать этому кофе – вся такая роковая, драматичная.

– Нина, – представилась она, будто не понимая сути его вопроса.

– Я не об имени, – Глеб досадливо поморщился.

– Да медиум она, медиум, – слышался рядом насмешливый голос. Ян уже досмаковал свой кофе и теперь с любопытством поглядывал то на Глеба, то на черноволосую.

Девушка отреагировала совершенно странным образом.

– Вот видишь, – повернулась она к официанту – тоже, кстати, черноволосому, похожему на нее,

как родной брат. – Я тебе говорила, что вижу иногда духов, а ты смеялся! Вот и молодой человек подтвердил.

– Конечно, подтвердил. Еще бы не подтвердил, если вы с ним договорились! – буркнул стоящий за стойкой парень и, взяв полотенце, принялся наводить зеркальный блеск на висящие на кронштейне бокалы.

– Не договаривались мы! – воскликнула черноволосая обиженно. – В первый раз эту тусу вижу!

Но Северин уже вскочил со своего места и, схватив Яна за ворот очередной черной рубашки, вытащил из-за стола.

– Послушай, – произнес он глухо, – ты хоть понимаешь, что за такие шуточки я размажу тебя по стенке!

Глеб с беспокойством посмотрел на друга: под футболкой у того ходили мышцы. Еще не хватало, чтобы парень окончательно потерял над собой контроль и обратился в волка прямо здесь, на радость местным готам или кто там основал это кафе. Ведь сомневался же, стоит ли идти в кафе под названием «Роза и крест», но все так устали и проголодались...

– Оставь его, потом спокойно во всем разберемся, – попросил Глеб, успокаивающе кладя руку на плечо Северину. Даже сквозь футболку ощущалось, каким

жаром веет от его кожи. Не к добру, честное слово, не к добру.

– Эй, вы здесь не подеритесь! – обеспокоился парень за стойкой. – За все это такие бабки заплачены, что вам и не снилось!

Северин сглотнул, хватка его слегка разжалась, и на пол упали несколько пуговиц с рубашки Яна, вырванные с мясом при вытаскивании последнего из-за стола.

– Мне, конечно, никогда никто не верит, но эту очаровательную леди я, как и вы, вижу впервые. Но не могу не почувствовать силу ее дара. – Ян изобразил полупоклон в сторону девицы, и, несмотря на роковой готический имидж и порядочный слой белой пудры, та смущенно порозовела.

– погоди, – нахмурился Глеб, глядя на Яна, – ты хочешь сказать, что Нине встретился призрак?

– С чего ты взял? – Ян поднял брови в преувеличенном изумлении. – Я сказал то, что сказал, а именно, что чувствую в ней дар медиума. А уж кого она видела, я не знаю. Прости, с прорицанием у меня туговато. Не моя специализация.

– С чьей же подачи ты придумала эту шутку? – спросил тем временем у девушки Глеб. – Кто-то рассказал тебе о нас?

Девушка расправила складки длинной черной юбки

и посмотрела Глебу в глаза.

– Я не знаю, что за дела между вами, – проговорила она медленно, – и не собираюсь ни во что вмешиваться. Шутка – значит шутка. Вчера, было уже поздно, ко мне подошла брюнетка. Она сказала, что завтра сюда должны приехать ее друзья, среди которых будет ее сестра по имени Алекс, и попросила меня передать ей то, что я передала. Вот и всё.

– А разве у Саши есть сестра? – встряла Динка, с любопытством крутящаяся подле разговаривающих.

Глеб покачал головой:

– Насколько я знаю, нет... Но все это очень странно...

Александра вытерла лицо салфеткой и, бросив ее в унитаз, спустила воду. Девушку по-прежнему била крупная дрожь. Никогда еще ночные кошмары не всплывали на поверхность и не тревожили ее при свете дня. Вот ведь занес их черт в это дурацкое кафе! Лучше бы они проехали мимо.

– Саша! Ты здесь?! – прокричал из-за двери бодрый Динкин голос. – Меня послали спросить, все ли у тебя в порядке.

Девушка подняла взгляд к небольшому овальному зеркалу в массивной пышной, как и все в этом заведении, раме и мельком отметила, что теперь, с размазавшейся под глазами тушью, как нельзя

лучше подходит к готическому антуражу. И бледность соответствующая.

– Спасибо, Дин, скоро выйду, – выдавила она из себя, клацая зубами.

– Ты не переживай, – не отставала Динка. – Там Глеб этой вампирессе допрос с пристрастием устроил. Ты его знаешь: она всё расскажет – и что знает, и что не знает тоже!.. А ты думаешь, это опять проделки наших конкурентов. Ну, тех самых...

Саша не стала отвечать. Она включила ледяную воду и, набрав полную горсть, плеснула себе в лицо.

– Я думаю, это конкуренты, – сделала заключение Динка, – кому еще выгодно, чтобы мы никуда не ездили? Они пытались отнять у нас секиру Перуна, а вот теперь не хотят, чтобы мы добрались до Китежской иконы... Логично? Логично! Но при чем здесь сестра? У тебя же нет сестры?

Александра все плескала и плескала в лицо воду, от холода которой уже ныли покрасневшие кончики пальцев.

– Сестру упомянули наверняка для маскировки, – продолжала размышлять вслух девочка, ничуть не смущаясь, что вместо диалога получается монолог, – ну, чтобы звучало загадочно и таинственно.

Саша взяла новую салфетку и насухо промокнула лицо: ну конечно, это просто совпадение. Происки

тех самых людей, что напали на школу, пытаюсь отбить Книгу, а затем подослали к ним Арину... Если задуматься, она испугалась чучела, приняв его за чудовище. Ничего страшного...

– Принеси, пожалуйста, мою сумочку, – попросила Саша Динку. Придется восстанавливать макияж и приводить себя в порядок. Александра скорее бы умерла, чем показала Глебу в таком виде, как сейчас.

Ровно через пять минут она, тщательно умытая и подкрашенная, уже снова входила в мрачный зал.

Друзья встретили ее вопросительными взглядами. Один Ян невозмутимо попивал очередную чашку кофе.

– Ну как ты? – спросил Глеб, отодвигая для девушки стул.

Александре была приятна его забота, и она, улыбнувшись, совершенно искренне ответила:

– Спасибо, все в порядке. Я плохо спала вчера, должно быть, поэтому отреагировала так неадекватно.

– Не обижайся! – темноволосая официантка поставила перед ней новую чашку кофе и мини-эклер на крохотном блюде. – Вот, за счет заведения. И не бойтесь, мы тут не кусаемся.

– Ребята из местного готического клуба, – объяснил

Глеб. – В основном у них свои клиенты, из их же тусовки. Но Серафим, – он кивнул в сторону бармена, несмотря на ангельское имя, вовсе не похожего на представителя небесных сфер, – взялся за это дело не ради наживы, а по велению души. Они, в общем, неплохие ребята.

– И я бы никогда не сказала тебе ничего подобного, если бы знала, как ты отреагируешь, – поспешно добавила Нина. – Прости.

– Нет, это ты прости, – Саша надкусила пирожное и отпила глоток кофе, – сама от себя не ожидала.

В общем, расставались они почти друзьями, и хозяйева кафе долго уговаривали их остаться на несколько дней или хотя бы заехать на обратном пути.

– Сочтем это недоразумением, хотя и версию про конкурентов нельзя сбрасывать со счета, – подвел итог Глеб, когда ребята садились на мотоциклы. – Хотя откуда бы им знать, где именно мы остановимся перекусить. Сомневаюсь, чтобы они являлись в каждое придорожное кафе на всей трассе от Москвы до Нижнего Новгорода.

Далее они ехали без приключений до самого села Владимирского, что на берегах озера Светлояр. Именно там, в водах Светлояра, по легенде, скрылся старинный град Китеж.

– Во Владимирском только одна гостиница. Нам

точно не стоит взять там комнаты? – спросил Глеб Яна. Задача открыть Врата в Китеж лежала именно на нем, поэтому даже Глеб, оставаясь главой экспедиции, полагался на его мнение.

– Нет, не стоит, – Ян любовно потрепал по боку свой довольно уже не новый черно-желтый скутер, не подведший его ни разу за всю поездку. – Если вы, конечно, не хотите дополнительно привлечь внимание. Тут вообще много сомнительных личностей тусуется. Некоторые даже вокруг озера на коленях обползают, надеясь, что откроется вход в царство небесное, полное молока и меда... Так о чем я? В общем, сомнительных личностей здесь полным-полно, однако если кое-кто из них заселится в гостиницу, а потом исчезнет, оставив все свои личные вещи, это обратит на себя внимание не только администрации, но и местной полиции.

– А почему мы должны исчезнуть? – полюбопытствовала Динка, накручивая на палец прядь своих темных волос.

– Мне казалось, мы собрались в тот самый Китеж, – Ян огляделся, будто ища подтверждение на лицах спутников. – А в Китеже время, как известно, течет по-иному. Мы можем вернуться в ту же минуту, что и стартовали, можем появиться здесь через год или через сто лет, а можем и никогда не вернуться.

Кстати, удобный момент отказаться от экспедиции и повернуть назад, пока не поздно. Никто не хочет?

– А сам-то не хочешь? – буркнул Северин, снимая мотоциклетный шлем. Между ним и Яном все еще ощущалось напряжение. Вряд ли эти двое станут закадычными друзьями в ближайшее время.

– Разумеется, нет! – Ян развел руками. – Ни один хоть немного уважающий себя маг не откажется от подобной авантюры!.. Да и что мне здесь делать? Ни обязательств, ни привязанностей. А вот у кого-то из вас может быть здесь сердечная связка. Вот и подумайте. Самое время, как говорили в какой-то социальной рекламе: «позвонить любимому».

Александра бросила взгляд на Глеба. Тот был очень бледен и, видно, переживал не лучшую минуту. «Интересно, девушка Глеба знает о том, чем он занимается?» – мелькнула в голове мысль. Мысль о той, с кем встречается Глеб, как всегда, оказалась болезненной. Саша нутром чувствовала эту привязанность, хотя никогда не видела Ольгу – ту, которая подчинила себе сердце Глеба. Ей было отчаянно важно знать, какая она, чем лучше самой Саши... И в то же время страшно и совершенно невозможно встретиться с ней лицом к лицу.

– Кто как, а я совершенно свободна! – звонким голосом отозвалась тем временем Динка.

– Я иду с вами, – глухо сказал Северин, и Александра почувствовала стыд, что не подумала о нем в этот момент, не почувствовала, как ему больно. Ведь его утрата была слишком свежа, Арина погибла у них на глазах, защищая того, кого любила.

– Все уже давно решено, – Глеб явно взял себя в руки и говорил уверенно, как и надлежит капитану команды.

Александра поймала на себе взгляды друзей и поняла, что ждут только ее решения.

– Конечно, и я пойду, – пожалала она плечами. – Иначе стоило бы тащиться в такую даль. Или вы думаете, что я – любитель гонок на мотоциклах?

– Вот и хорошо, – Ян довольно потер руки. – Отдыхайте и не трогайте меня. Я тут пока пошляюсь, настроюсь на нужную волну и подготавлиюсь к обряду. Он будет в полночь, самое удобное время, к тому же сейчас полнолуние, я смотрел по гороскопу наилучший для открытия день и час... Кстати... – он оглянулся на Глеба, – твой... м-м-м... хвостик туда не пройдет.

– Какой хвостик? – Глеб искренне удивился.

– Ну та сущность, что за тобой таскается, – беспечно ответил Ян, и Александра испуганно вздрогнула.

– А... – Глеб смерил мага внимательным

взглядом. – И ты его видишь?

– Не вижу, но чувствую, – Ян склонился над рюкзаком, выискивая что-то в его недрах. – Довольно безобидная сущность и жрет немного.

– Что жрет? – переспросил Глеб.

– Как что? – Ян поднял на него честные серые глаза, полускрытые за рваной черной челкой. – Тебя, разумеется. Твою энергию. Стал бы он иначе за тобой шляться. Но понемногу, ничего критического.

Глеб выглядел ошарашенным.

– Что, он тебя не предупреждал? – усмехнулся маг. – Сказать честно – не удивлен. Какой паразит станет предупреждать своего хозяина?.. Впрочем, кто знает, может, от него пользы больше, чем вреда. Вдруг он хороший собеседник?

Глеб закашлялся.

– Ладно, ты, кажется, хотел настроиться на ритуал? – спросил он, отводя взгляд. – Так вот иди настаивайся.

Ян тряхнул челкой и послушно занялся своими делами.

Саша была удивлена. Выходит, тайн у Глеба больше, чем она полагала.

– А что там вообще с этим Китежем, расскажи, – пристала к ней тем временем скушающая Динка.

Александра выбрала солнечное место и, сев на

траву, с наслаждением чувствуя ласковое тепло лучей на своем лице, начала рассказ, не забывая отмахиваться от тучи вьющихся вокруг комаров сорванной веткой. Динка и Северин, еще не знакомые с легендой, придвинулись поближе, приготовившись слушать.

Глеб лег неподалеку на траву и закрыл глаза, думая о чем-то своем, а Саша нет-нет, да и бросала взгляды на его красивый, точно выточенный из мрамора профиль, на каштановые волосы, упавшие на высокий лоб.

— Легенда о Китеже пришла к нам от старообрядцев, — начала рассказ девушка. — Говорят, что князь Юрий Всеволодович... на самом деле имеется в виду Великий князь Владимирский и Суздальский Георгий II Всеволодович, он сражался с Батыем и погиб в неравной битве на реке Сити. Так вот, этот князь приехал сюда, к озеру Светлояру, и увидел место необычайно прекрасное, где сразу же решил заложить Большой Китеж. Закипело строительство, и как говорят в сказках, город рос не по дням, а по часам. И был он велик, светел и прекрасен, — Александра улыбнулась, задумчиво глядя на переливчатую синюю гладь озера, и прихлопнула очередного комара. — А потом на русские земли пришли монголы во главе с

ханом Батыем. Его войска подошли к Китежу и очень удивились: вокруг города не было никаких укреплений, а жители и не думали защищаться – только молились. Сначала монголы растерялись, а затем обрадовались и уже сочли, что Китеж покорился им без боя, когда внезапно из-под земли хлынули фонтаны воды и стали заливать город и самих захватчиков. Те поспешно отступили и со стороны наблюдали, как Китеж погружается в озеро. Вскоре на месте славного города плескались волны, и только где-то в середине озера еще виднелся крест на куполе собора, но потом пропал и он... «И невидим будет Большой Китеж вплоть до пришествия Христова», то есть до конца света, рассказывает летопись. Но все же, согласно легенде, город можно увидеть и сейчас. Человек, в котором нет греха, различит отражение белокаменных стен в водах Светлояра и услышит звон колоколов той самой церкви...

Александра оглядела своих слушателей:

– Ну что, никто не хочет попробовать?..

Северин промолчал, а Динка замотала головой:

– Если тестировать здесь на праведность, думаю, никто тест не пройдет. Типа на каждой улочке свои закоулочки, а в каждой избушке свои погремушки.

– Согласна, – кивнула Саша. – Град Китеж

вообще выступает в этих легендах как символ чего-то недоступного, но желанного. Эдакое райское место, красивая легенда об убежище для всех отчаявшихся.

– Глеб, Глеб, а ты что о Китеже думаешь? – не унималась Динка.

– О Китеже? – откликнулся тот, по-прежнему не открывая глаз. Полчища комаров он то ли не замечал, то ли они отчего-то сами его игнорировали. – Ну, во-первых, это красивая легенда. Кстати, и у нее есть разные версии. Город не обязательно утонул. Одни говорят, что утонул, другие – что провалился под землю, третьи – что стал невидимым... Ученые, конечно, пытались исследовать дно Светлояра, но все дело в том, что озеро необычайно глубокое – глубина его не менее тридцати метров, а то и вообще на этом месте находится щель в земной коре, и точную глубину ее определить не удастся.

– Но, может, хоть что-то находили? – азартно спрашивала девочка.

– В том-то и дело, что нет. Ни единого свидетельства, что в этих местах в домонгольские времена вообще жили люди. Ни одного знака...

– Зато, – подхватила Саша, – говорят, здесь иногда пропадали люди. И некоторые из них, возвращаясь, рассказывали, будто побывали в Китеже. Иногда они приносили с собой какие-то предметы, но они тут

же превращались в камни. Случается и наоборот: в окрестностях Светлояра появляются люди в старинной славянской одежде и расплачивающиеся новыми, не истертыми, серебряными монетами времен татаро-монгольского нашествия. А еще над озером иногда проплывает тихий звон – это звук Китежского колокола...

– Послушайте, – вдруг произнес Северин. – Мне кажется, и вправду что-то слышится...

В зное летнего дня и вправду что-то едва уловимо звенело.

– Или колокол, или комары, – усмехнулся Глеб. – А вообще святое место, которое открывается только праведникам, часто появляется в легендах самых разных стран и религий...

– Но если мы не праведники, то как туда попадем? – Динка, закусив стебелек клевера, с интересом смотрела на друзей.

– А как раз поэтому мы войдем с черного хода! – объявил Ян.

Он подошел совершенно неслышно, и Александра вздрогнула, когда ее вдруг накрыла его черная тень. Забавно, их проводник в священный град Китеж менее всего походил на праведника.

Глава 3

Врата открываются

– Эй, шаман! – позвал в пространство Глеб, уверенный, что тот его прекрасно слышит.

В рощице было тихо, и только со стороны озера доносились голоса.

– Шаман! Если ты не появишься сейчас, можешь вообще не появляться! А еще попрошу у Яна амулет помощнее – и близко не сунешься!

Глеб не был уверен, что угроза сработает, но попробовать, разумеется, стоило.

– Да здесь я, здесь, однако. Чего раскричался? Шумишь, старого шамана пугаешь! А чего кричать? Чего пугать, однако?.. – послышалось знакомое бормотание.

Шаман – все такой же, в меховой парке с капюшоном и с косичками, на концах которых болтались костяные фигурки, – невозмутимо сидел на корточках под березой.

– Появился-таки, – Глеб метнул в сидящего острый, как кинжал, взгляд. – Ну а теперь рассказывай, как на мне вампиришь.

Старик поспешно затряс головой, попутно пытаясь

изобразить на хитром, сморщенном, как грецкий орех, личике выражение святой невинности.

– Что кричишь? Что старого шамана ругаешь? Знать не знаю, ведать не ведаю! Моя – старый, больной шаман! Не злой дух, однако! Злые духи кровь пьют, косточки мозговые глодают, а моя – нет! Никогда!

В ветвях молодого дерева заливисто пела какая-то птица, делая картину и вовсе сюрреалистической.

– Тебе что, нашего колдуна позвать? – спросил Глеб с усмешкой. – Если ты уж со мной разговаривать не желаешь?..

– Почему сразу не желаю! – шаман вскочил на ноги, однако чем больше он пытался изобразить простодушие, тем хуже у него получалось.

– Ну?

– Бедный я, однако! Несчастный! – старик обхватил голову руками и закачался, словно в великом горе. – Мясо-то мое давно сгнило, косточки трухой рассыпались!.. – он бросил быстрый взгляд на Глеба, проверяя произведенное впечатление, и застонал еще жалостливее. – Один был у меня дом – холм, что насыпан на мое бедное тело, да и тот срыли, бубен достали, косточки потревожили... Горе мне, однако, горе!..

Глеб вздохнул. Этот самый бубен и был их первым

заданием, именно после этого старый шаман и привязался к нему, как заметил Ян, хвостиком. Только не похоже, что старик из-за этой утраты страдает. Сразу видно: рад-радешенек, что из-под земли выбрался и пиявкой к живому человеку присосался. А ведь и вправду вроде посвежел даже с тех пор, как впервые Глебу явился.

– Слушай, шаман, – прервал он заунывное нытье, – понимаю, у вас по обрядам нечто вроде театральных выступлений устраивать полагается, а у нас это не принято. В последний раз тебя спрашиваю: жрал ты меня или не жрал?.. Впрочем, можешь не отвечать, я и сам знаю.

– Ну так что, молодой шаман, – старик внезапно прекратил свое сольное выступление и заговорил абсолютно нормально, – ну, брал понемногу. Надо же мне как-то свой дух здесь поддерживать... Так ведь самую малость, тебе ничего, даже не заметно, а мне на пользу. К тому же кто тебе, кроме меня, совет даст?..

– Много ли ты давал мне советов, – махнул рукой Глеб.

– Давал, однако! И про друга, в котором зверь ворочался, предупредил... И про этого... черного вашего... Вот и сейчас совет дам. Хороший совет, дельный, ты послушайся!

– Да ладно торговаться, говори уж! – засмеялся Глеб.

– Не ходил бы ты, молодой шаман, в то место. Нехорошее оно, закрытое. Одно дело туда войти, другое – выйти, – глаза старика смотрели по-молодому пристально и зорко.

– Это и есть твой совет? – Глеб сорвал с дерева листик и задумчиво покрутил его в руках. – А даешь ты его потому, что обо мне печешься, или потому, что тебе туда за мной нельзя, а без меня здесь ты недолго протянешь?

– Умный, однако, – пробурчал недовольно шаман, – очень вы, молодые, умные пошли. Только по какой бы причине я тебя ни предупреждал, исход-то один! Вот и думай, молодой шаман!

Легкий ветерок пробежался по мягкой траве, а старика уже не было. Исчез, словно сквозь землю провалился. Но Глеб не удивился: это было вполне в стиле его спутника.

Парень медленно вышел из рощицы, глядя на собравшихся на берегу друзей.

Второе предупреждение. Все пытаются отвадить их от Китежа. Интересно почему, и только ли из собственных корыстных целей. Может быть, не стоит им туда соваться?.. Но, с другой стороны, и отступить как-то нехорошо. Евгений Михайлович на

них надеется, а Китежская икона – очень мощный охранный артефакт. Она поможет им защититься от нападений врагов. Не только их школе, а всем, кому это понадобится. Люди давно мечтали о временах, когда на всей земле прекратятся войны.

Да и ценна ли его собственная, Глеба, жизнь, когда речь идет о жизнях многих и многих людей. Риск вполне оправдан. Вот только бы увидеть на прощание Ольгу... Или хотя бы голос ее услышать... Она вспомнилась ему так ярко, что он словно увидел девушку рядом. Голубые смеющиеся глаза, медь рассыпавшихся по плечам волос. Он знал каждый ее жест, каждый поворот головы, каждую улыбку – то застенчивую и нежную, как весеннее утро, то ослепительно-солнечную, словно июльский полдень. Ему так захотелось хоть на миг стать к ней ближе, что Глеб достал из кармана джинсов телефон, но, покачав головой, положил его обратно. Зачем ее тревожить? Он принял решение держаться от Ольги подальше, чтобы не подвергать ее опасности. Вот и нужно придерживаться этого плана. Уж лучше пусть думает, что он ее бросил.

* * *

– Ну что, никто не передумал? – Ян насмешливо

оглядел своих спутников.

– Переходи к делу, – буркнул Глеб, но Александре показалось, что он чем-то расстроен.

К ночи окрестности Светлояра обезлюдели, ушел даже тощий парень с рамочкой, с достойным лучшего применения упорством пытавшийся отследить здесь энергетические всплески.

– Тогда слушайте внимательно, – голос Яна сделался серьезным. Саша бы даже сказала, что необычайно для него серьезным. – От того, как каждый из вас будет соблюдать правила магической безопасности, зависит не только его жизнь, но и жизнь всех членов группы. Стоит нарушить одному – отвечать придется всем. Я понятно говорю?

Все кивнули. В сгустившейся тьме ребятам стало как-то не по себе, к тому же все они уже на собственном опыте знали, что слова Яна – не просто угроза, они имеют под собой реальную почву.

– Во-первых, – продолжал Ян, – во время обряда никто из вас не должен произнести ни единого слова. Во-вторых, идти точно за мной. Ни шагу с тропинки, что бы вы ни увидели. Даже если перед вами встанет стена огня. Один шаг вбок или назад – и последствия могут быть самыми страшными. То же самое касается того, чтобы оглянуться. Что бы вы ни слышали позади, как бы ни было велико искушение –

не оглядывайтесь. Поняли?

Они снова согласились. Пока вроде все просто. В теории.

– Мы должны трижды обойти это озеро, и если все пойдет правильно, каждый раз будет что-то меняться, – Ян казался очень собранным. Привычная кривоватая ухмылка напрочь исчезла с его лица, а еще Александра чувствовала исходящую от него странную силу – спокойную и в то же время очень мощную. – Не пугайтесь, так и должно быть. Если ворота откроются, мы окажемся в Китеже. Там тоже нужно будет соблюдать некоторые простые правила. Конечно, желательно ничего не пить и не есть, но скорее всего нам придется пренебречь этим запретом – гость, который не берет в рот ни крошки, всегда вызывал у хозяев обоснованное недоверие. Во всякую нежить и нечисть предки верили, и, как мы с вами знаем, не зря. В общем, есть, видно, придется. Ну ничего, думаю, с этим я справлюсь на выходе. Главное – не давайте никаких обещаний, не принимайте никаких предложений. Скорее всего, если нам придется провести там несколько дней, с каждым днем связь с нашим миром будет слабеть. Постарайтесь не забыть об этом мире, и хорошо, если каждый из вас найдет для себя какой-то якорь, какой-то повод вернуться. Человек, который тебе

дорог, незаконченное дело, неосуществленная мечта – все это в какой-то момент станет драгоценным. Я надеюсь, у каждого из вас есть что-то такое?

– Есть, – не задумываясь, хором ответили Глеб и Динка.

Северин и Александра переглянулись. Оба не чувствовали такой уверенности. Ян хмуро посмотрел на них.

– Вспомните, – предположил он, – вероятно, у вас есть и другие стимулы для возвращения. Разве никто не хочет никому отомстить?..

Северин кивнул. Взгляд его ярко-синих взгляд стал жестким. Видно, что аргумент Яна попал на плодородную почву.

– А с тобой... – Ян покосился на Александру, – с тобой мы поступим вот как...

Он полез в карман и достал десятирублевую монету.

– Вот, юбилейная, из моей личной коллекции, – сказал он, отдавая девушке деньги.

Она, поколебавшись, взяла.

– Вот и отлично! – Ян заметно повеселел. – Теперь ты моя должница и, пока не вернешь долг, будешь обременена обязательствами.

– Но это же формальность? – Саша посмотрела на блеснувшую в свете фонарей монетку.

– Зато работает! – гордо отозвался Ян. – Ну что, с инструктажем мы покончили. Можно приступать. И с этого момента прошу считать правило по молчанию вступившим в силу.

Александра наблюдала, как совершает обряд Ян. Делал он все не спеша и так серьезно, словно выполнял будничную работу, требующую необычайного внимания и аккуратности.

Прежде всего маг провел на дороге линию и начертил по обе стороны от нее непонятные Саше символы. Затем, бормоча что-то себе под нос, установил две свечи, достал из черного бархатного мешочка серебряный колокольчик, переданный ему Евгением Михайловичем, и трижды омыл его в воде Светлояра, продолжая свои то ли молитвы, то ли заклинания.

Идемте – сделал он приглашающий жест.

Первым за ним, согласно заранее оговоренной последовательности, шла Динка. Далее – Северин. Затем Александра. Последний – Глеб. Странно, но кое-что уже изменилось. Комары. Они больше не звенели под ухом, не набрасывались стаями на открытые участки тела. Они пропали вот так – в один миг. Кто-кто, а Саша жалеть о них вовсе не собиралась.

Чуть слышно плескались едва видимые в темноте

воды озера, темнели силуэты деревьев, шуршали в траве какие-то ночные зверьки... И вдруг Саше показалось, будто она участвует в дешевом фарсе. Неужели все эти хождения к чему-то приведут? Если посмотреть на них со стороны, выглядят они ничуть не лучше, а скорее всего гораздо хуже того типа с рамочкой.

Девушка с огромным трудом подавила желание оглянуться на Глеба, привычно ища на его лице поддержку. Кстати, а идет ли за ней Глеб?.. Саша прислушалась и с ужасом поняла, что давно уже не слышит его шагов. Что, если он отстал, потерялся, попал в беду?.. Ян запретил оглядываться, однако можно же осторожно взглянуть через плечо – только убедиться, что все в порядке. Если с Глебом случится что-то плохое, она этого не переживет.

Тусклая луна, похожая на данную Яном десятирублевку, хмуро взглянула на нее с неба, напоминая о долге. Александре стало стыдно, как будто она уже нарушила запрет, и Ян знает об этом.

«Ян предупреждал. Должно быть, искушение – свидетельство того, что мы на верном пути», – пыталась успокоить себя девушка, но ей все равно было тревожно. «Скорее бы дойти», – торопила она, снова и снова пытаясь вслушаться в окружающую тишину. И вдруг Саша осознала, что

вокруг необычайно тихо. И плеск, и шелест вдруг исчезли. Тишина была необычайно плотной, точно ватной. Ни скрипа веточки, ни шороха листьев... Девушка бы обрадовалась сейчас любому звуку. Какому угодно. Нет, все-таки не любому...

– Алекс...

Она стояла перед ней на тропинке, отчетливо видимая в свете полной луны. Бледная, с развевающимися под неощутимым ветром каштановыми волосами... Точная копия самой Саши, только полупрозрачная. Сквозь ее силуэт смутно угадывался изгиб тропинки.

– Алекс... не ходи туда!

Саша не слышала голоса, но воспринимала слова всем своим существом.

Девушка остановилась, не зная, что делать.

– Я хочу спасти тебя. Не ходи!

Саша застонала, закрыв руками уши. Сколько она уже стоит здесь, словно мифологическая жена Лота, обращенная в соляной столб?!. Она совсем одна, наедине со своими страхами. Где же все? Ушли, забыли про нее? А Глеб?.. Александра так и думала, он отстал еще раньше, и с ним тоже что-то случилось. Здесь со всеми что-то случается.

– Пойдем, Алекс, я помогу тебе вернуться. Не жалею о них, им нет до тебя дела, и они забыли о

тебе. Да-да, даже Глеб. Он никогда не замечал твоих чувств, а ведь не видеть их мог только слепой! Они все предали тебя, и только я забочусь о тебе. Пойдем, Алекс!..

Каждое слово ядом вливалось в ее кровь, разъедало сердце, как кислота. Кап... Кап... Так вместо сердца в ее груди будет только сквозная дыра.

Саша до боли закусил губу. Это все обман, морок. Надо идти... Но как? Как пройти мимо этого призрачного силуэта, загородившего всю тропинку? Может быть, обойти? Пройти чуть сбоку, по самому краю? Да, Ян говорил, что так нельзя, однако где этот Ян? Ушел и даже не вспомнил о ней! Нужно что-то делать. Что угодно, только не стоять здесь, не оставаться на месте!

Она еще раз посмотрела на едва видневшийся впереди поворот тропинки, на раскинутые в запрещающем жесте руки и летящие волосы и, закрыв глаза, шагнула вперед.

— Нет! — резанул по нервам неслышимый крик. — Ты не можешь так поступить, Алекс! Ты не можешь предать меня во второй раз!

Еще шаг. И еще. Она шла словно через густой туман. Дышать было невозможно, легкие будто опалило огнем... И боль, и страх обрушились на нее, едва не пригибая к земле, но Александра шла, упрямо

сцепив зубы.

И вдруг стало легче. В один миг. Так, что Саша даже не сразу поверила. Затем удивленно открыла глаза.

Темные силуэты друзей были совсем рядом – всего в паре шагов от нее. Как же она не видела их раньше?.. И что же выходит, время текло для нее субъективно: она думала, что простояла на тропинке перед призрачным силуэтом как минимум полчаса, на деле же миновало едва ли больше минуты?..

Чуть впереди тускло светились во тьме огоньки двух свечей, стоящих по обе стороны от тропинки. Получилось, что они завершили первый круг. Она смогла! Она выдержала! Значит, сможет пройти и дальше.

Второй круг по сравнению с первым оказался неожиданно легким, только растянулся он во времени едва ли не в целый год. Александре казалось, что дни проносятся мимо них, а они все идут и идут по местами заросшей бурьяном тропинке, и так будет всегда. Пока они шли, девушка видела, что с деревьев осыпалась золотистая листва. Затем поле вокруг тропинки занесло снегом, затем, видно, наступила весна, потому что снег исчез, а вместо него под ногами зачавкали лужи.

А они все шли. Солнце бешено вращалось, то поднимаясь из-за горизонта, то снова погружая

землю во тьму. Менялся и пейзаж. Постепенно из окрестностей исчезали все признаки цивилизации, место становилось все более диким.

Поставленные Яном свечи приветственно мигнули, обозначая, что пошел третий, последний круг. Александру не удивило то, что они до сих пор горят, – ее уже ничего не удивляло. Усталость давила на плечи, а в голове бессвязно всплывали отдельные воспоминания. Теплые руки мамы... Карусель, где они катаются вместе с Лизой, заливисто смеясь... Соленая морская вода, заполняющая легкие, разрывающая их на части. Александра умирала и рождалась десятки, сотни раз, пока наконец, обессиленная, не упала на землю, точно зная, что не сможет сделать больше ни единого шага. Силы ушли из тела, оставив пустую, как выжатая тряпка, оболочку.

– Мы пришли... – послышался в пустоте хриплый, словно сорванный, смутно знакомый голос.

Саша некоторое время еще лежала лицом в траву, а затем медленно подняла голову.

Перед ней, как видение, был белоснежный город. Ворота оказались призывно распахнуты. За ними виднелся широкий двор с беленым дворцом-теремом, словно родившимся в волшебной сказке. Празднично золотились под ярким солнцем на церквушке купола,

а воздух был напоен тонким колокольным звоном и сладостно-медовым цветочным ароматом. Такого сладкого воздуха она еще не вдыхала.

– Мы пришли... – повторил Ян.

Он тоже лежал на земле, лицо его было бледным и мокрым от пота, а глаза застилала пелена, как у раненой птицы.

Взглянув на него, Александра вдруг подумала, что Яну, должно быть, пришлось тяжелее их всех. Он шел первым, а еще вел за собой их. Что же ему довелось пережить? Даже подумать страшно!

– Было непросто, – отозвался Глеб. Он с трудом дышал, держась за грудь, словно у него были сломаны ребра. – Ты не предупредил.

– Сюрприз, – Ян криво улыбнулся. – А что, знали бы – и не пошли?..

– Пошли, конечно. Все целы? – Глеб оглядел свой небольшой отряд.

– Видели, как солнце вращалось? – Динка выглядела бледновато, но тем не менее не теряла присущий ей задор. – Круто! Должно быть, мы шли назад во времени, отсюда и космические перегрузки.

– Умный ребенок! – Ян закашлялся и вытер с губ выступившую кровь.

– С тобой все в порядке? – спросила Саша, почти забыв об их исконной вражде.

– А что со мной сделается! Зараза к заразе не пристаёт. Но крайне интересный опыт... Прямо скажем, весьма необычный, – Ян с трудом поднялся на ноги. Постоял, покачиваясь. – Ну что, идем? Нас наверняка уже ждут.

Александра посмотрела на него, резкой черной линией выделяющегося на сахарной белизне городских стен, и вдруг подумала, что, в сущности, знает об этом человеке очень мало. Да, он резок и неприятен, но за всем этим чувствуется стальная личность – Ян явно не из тех, кого сломают первые испытания, нет, он будет идти вперед и побеждать, что бы ни случилось. Он из породы борцов, даже странно, что изначально она принимала его за жалкого фрика. Он другой. Какой именно – пока непонятно, но не пустоголовый фигляр – это точно.

Северин потянулся, разминая мышцы, затем помог подняться Саше и Динке. Глеб тоже уже был на ногах и теперь собственной пятерней пытался привести в порядок растрепанную прическу. Между прочим, зря. Александра находила, что легкая растрепанность необыкновенно ему идет.

Они кое-как поправили на себе одежду и двинулись к воротам. В них стоял один-единственный стражник, похожий на персонажа картины Васнецова «Три богатыря» – могучий, в длинной кольчуге и высоком

«башенкой» шлеме.

– Входите, гости дорогие, – сказал он, делая приглашающий жест, – княгинюшка Ирина Алексеевна уже заждалась.

И ребята вступили в легендарный город. В Китеже шла какая-то своя повседневная жизнь. Мимо проходили женщины в широких белых кофтах и длинных юбках, подпоясанных алыми кушаками, с алыми же нарядными платками на головах. Бородатые мужчины, похожие на сказочного Садко, переговаривались на углу.

На гостей никто не обращал внимания, разве что дети. Иногда Александра ловила на себе быстрые взгляды, но стоило взглянуть в ответ – и глаза поспешно отводились. Чужеземцев в странных одеждах старательно не замечали.

– Красиво у вас, – заметил Глеб, пока они поднимались на широкое крыльцо княжеского двора.

– Красиво, – солидно подтвердил их провожатый. – Вот и пришли.

Он остановился, пропуская гостей в просторную горницу.

– Поклониться не забудьте, – прошептал Глеб, ступая под белоснежные своды.

Глава 4

Явление иконы

Они вошли в зал, стены которого были все разукрашены яркими узорами, среди которых пестрели то экзотические цветы, то мифические животные – единороги, птицы фениксы, крылатые львы... Солнечный свет, проникая через узкие слюдяные окна, лился на пол чистым золотом. Казалось, что ребята попали в настоящую сказку, но как главным украшением раковины является драгоценная жемчужина, так и здесь всю красоту затмевала собой княгиня.

Она шагнула навстречу с приветливой улыбкой на губах, и Александра удивилась, до чего же молода Ирина Алексеевна. Навряд ли ей было более двадцати лет. Высокая, стройная, с нежной девичьей кожей, чуть вытянутым иконописным лицом и огромными голубыми глазами, княгиня, казалось, сошла с картины великого мастера. На голове у Ирины Алексеевны красовался убор, украшенный жемчугом и голубой перегородчатой эмалью. Жемчужные же нити спускались вдоль щек, напоминая водопад. Голубое, в тон великолепным

глазам, платье было заткано золотыми нитями и расшито крохотными жемчужинками. Из-под подола кокетливо выглядывала маленькая ножка в мягком кожаном сапожке, расшитом узорами.

– Добро пожаловать, гости дорогие, коли пришли к нам с добром, – сказала княгиня певучим голосом и поклонилась, махнув по полу толстой светло-русой косой.

Ребята, поначалу смутившиеся, тоже, как могли, поклонились в ответ. Александра чувствовала себя странно, а еще рядом с княгиней ощущала себя едва ли не замарашкой, из которой никогда не получится Золушки.

– Мы пришли к вам, высокородная княгиня... – начал Глеб, но Ирина Алексеевна жестом остановила его.

– Оставьте нас, – велела она стражнику и нескольким девушкам, очевидно, служанкам.

Те поклонились и вышли.

– Пожалуйста, не нужно церемоний. Разговаривайте со мной попросту, – попросила Ирина Алексеевна, улыбаясь. – У нас уже появлялись чужеземцы, и я знаю, что вы из... другого мира... Кстати, путь был нелегок, сядьте, передохните с дороги.

Она подвела их к скамьям, стоящим вдоль стены и

покрытым красивыми восточными коврами.

Александра, удивленная любезной встрече, с облегчением опустилась на мягкое сиденье. Оказалось действительно удобно.

Тем временем княгиня хлопнула в ладоши, дверь тут же распахнулась, и появились девушки, несущие ковши.

– Отведайте, гости дорогие, нашего киселька, – потчевала Ирина Алексеевна.

Саша вопросительно взглянула на Яна. Тот пожал плечами и первым принял чашу. Глеб, хорошо зная обычаи предков, тоже не стал чиниться. Пришлось и ей принять питье. Но первый же глоток тут же заставил забыть обо всех сомнениях. Такого киселя Саша еще не пробовала! Он не походил на современные ей кисели, был необыкновенно легким, сладким и ароматным. Казалось, что пьешь волшебный нектар, какой пили на Олимпе сами боги.

– По вкусу ли вам угощение? – заботливо спросила княгиня.

– Очень по вкусу! Спасибо! – ответил за всех Глеб. Девушки, принесшие напиток, тихо удалились, словно растаяли в золотистом воздухе.

– Так вы знаете, откуда мы пришли? – спросил Глеб, когда его чаша опустела.

Княгиня задумчиво провела пальчиком по

слюдяному стеклу.

– У нас уже случались гости... Правда, очень-очень редко, – проговорила она тихо. – Прошу вас, скажите, что творится в вашем мире и нет ли вестей о Великом князе Владимирском и Суздальском Юрии Всеволодовиче?..

В ее голосе звучали беспокойство и давняя боль. Неужели эта женщина который век ждет своего возлюбленного, должно быть, проклиная пространство и время, вставшие между ними?.. Александра почувствовала, как на глаза ее наворачиваются слезы.

– Увы, княгиня, – ответил Глеб, глядя на Ирину Алексеевну, – с тех пор, как славный город Китеж был спасен чудодейственной иконой, в нашем мире прошло не одно столетие. Многое, очень многое изменилось. Мир давно не таков, каким его знали вы. А великий князь... Он погиб в битве, как славный воин.

Княгиня вскрикнула и побледнела, прижав руку к сердцу.

Несколько тягостных минут она молчала, молчали и гости, даже неугомонная Динка притихла.

– Злую весть принесли вы мне, – наконец снова заговорила княгиня, – но невиновно копье – виновна рука, его бросившая. Так и я не держу на вас зла. Прошу вас, будьте моими гостями. Жду вас вечером

на пиру, а сейчас, прошу, оставьте меня.

Ребята поспешно встали. Выходя из зала, Александра оглянулась и увидела, что Ирина Алексеевна стоит, согнувшись, точно сломленное в самом цвету деревце. Юная, прекрасная и такая трагически-трогательная!..

Каждому из них отвели свою комнату. Глядя на расшитые вручную покрывала на кровати, Саша даже боялась предположить, сколько могла бы стоять эта вещь в нашем мире. За прошедшие со дня исчезновения Китежа века ткани ничуть не пострадали, они так и сияли золотым узорочьем, поражали яркостью и богатством красок.

Едва Саша успела осмотреться, как на пороге ее комнаты появилась девушка, державшая в руках какие-то одежды.

— Великая княгиня просила вас надеть вот это, — произнесла девушка с поклоном, — чтобы не смущать китежский люд странным одеянием.

— Да, конечно, — Александра, немного смущаясь, позволила служанке одеть себя.

Прежде всего надевалась тонкая и длинная белая рубаха, затем шло нижнее платье, ярко-красное, украшенное вышивками, и наконец верхнее, синее. Девушка причесала густые волосы Саши, ловко вплетя в них бирюзовые нити, и накинула на голову

полупрозрачную шаль.

– Взгляните, госпожа! – она протянула Александре зеркало, представляющее собой заключенный в ажурную рамку отполированный до зеркального блеска кусок металла.

Саша взглянула на отражение и показалась себе чужой, незнакомой красавицей.

Она еще чувствовала себя немного стесненно.

– Если госпожа желает, она может прогуляться по саду, – предложила служанка.

– А можно?

Девушка удивилась.

– Конечно, госпожа! Госпожа вольна делать все, что угодно.

Выходит, они здесь не пленники, более того, прием оказался столь радушным, сколь и не мечталось. Саша вышла в сад, уже смутно жалея, что вскоре им придется покинуть это действительно райское место.

Сад был напоен ароматом цветов. Их оказалось здесь великое множество. Солнце ласкало пышные соцветия роз; скользило по скромным незабудкам, покрывавшим весь пригорок; зажигало огнем ярко-красные маки... Пели птицы, шелестела мягкая, шелковистая трава...

– Дивное место, не правда ли? – послышался позади Александры знакомый насмешливый голос.

Саша резко обернулась. Ян, одетый в соответствии с местными обычаями, в штаны, длинную рубаху и короткий византийский плащ, сколотый на плече удивительной красоты витой булавкой, смотрел на нее чуть прищурившись.

– Здесь и вправду хорошо, – подтвердила она и отвернулась, не желая вступать в разговоры. Сейчас было достаточно просто дышать этим сладким воздухом, просто молчать.

– Вот это и плохо, – непонятно заметил он, – не увлекайся, помни, что нам еще назад.

Александра почувствовала досаду. Ну что за человек! Надо ему испортить каждое светлое мгновение! О возвращении можно будет подумать как-нибудь потом. А сейчас... К тому же и ей, и Глебу наверняка будет полезно и интересно познакомиться с живой историей, посмотреть на быт тех далеких, еще домонгольских времен... и книги... Тут же могут найтись очень ценные книги – и русские, и византийские, и греческие. Среди них, вполне вероятно, такие раритеты, что не дошли до наших дней, погибнув в пожарищах и горнилах бесчисленных войн. Нет, спешить с возвращением нельзя – когда еще представится такой удивительный шанс!..

Она хотела ответить Яну что-то резкое, но золотой

волшебный день навеивал приятную истому, Саша только махнула рукой и пошла в глубь сада.

Ближе к вечеру их позвали в покои к княгине. В одной из зал дворца, расписанной яркими райскими птицами и сплетающимися причудливыми узорами, были установлены столы, накрытые белоснежными скатертями с ярко-красными вышивками. На столы слуги приносили серебряные блюда с разнообразными кушаньями. Саша заметила здесь запеченного целиком румяного поросенка с краснобоким яблочком во рту, здоровенных рыбин – щук и осетров, закуска тоже оказалась богата и разнообразна – белела прозрачная, казалось, хрустальная засоленная капуста, в которой рубинами вспыхивали ягодки клюквы; золотилась наваристая каша; сверкала в свете множества свечей свежая зелень. А уж о разных пирогах, пирожках и кулебяках и говорить нечего – их здесь было без счета!..

Княгиня, переодевшаяся к пиру в нарядные красные одежды, еще более подчеркивающие ее красоту и свежесть, сидела в центре стола. По левую руку от нее расположились доверенные люди. Видимо, бояре. По правую она посадила гостей. Ближе всех к себе – Глеба. Он был ослепительно хорош – так, что даже больно смотреть. Белая вышитая красными нитями рубаха и алый плащ с

золотой вышивкой необыкновенно шли ему, а в лице появилось нечто особенное, благородное, словно княжеская одежда и в самом деле сделала его князем. Саша не смотрела на Глеба, уставившись на стол, но всем телом, всей душой чувствовала его присутствие, несмотря на то, что от Глеба ее отделяли Динка и Северин.

Как-то получилось, что в иерархии их группы она оказалась едва ли не последней, дальше нее от княгини сидел только Ян. Зато не пришлось участвовать в разговорах. За столом было шумно, поэтому Александра и не слышала, о чем разговаривает с гостями княгиня, но, кажется, Ирина Алексеевна была очень добра и к Глебу, и к Динке.

Угощение оказалось очень вкусным, и Саша, собиравшаяся из вежливости едва притронуться к кушаньям, сама не заметила, как съела все, что ей предложили. Возможно, дело было и в свежести продуктов, и в каких-то необычайных пряностях, а может, в искусстве княжеских поваров. Девушка покосилась на Яна. Вот он, кажется, почти ничего и не съел, словно местные деликатесы не имели для него никакой цены.

Когда гости утолили первый голод, Ирина Алексеевна сделала знак, и в зал вошел высокий худощавый человек в длинной полотняной рубахе, с

гуслями в руках. Гуслияр занял свое место, закрыл глаза и ласково дотронулся до струн. Струны так и льнули к его тонким сильным пальцам, звук их оказался глубоким и мелодичным. Саша никогда не слышала такой прекрасной и легкой мелодии. Потом гуслияр запел. Это была баллада о женщине, ждущей своего возлюбленного и каждую ночь зажигающей на окне лампадку в надежде, что ее свет привлечет желанного гостя. Ее тоска, ее голос, зовущий далекого любимого, вливался прямо в сердце.

Волком ли, ветром, орлом златоглавым,
Шелестом трав и закатом багровым,
Умирающим, больным иль здоровым —
Я узнаю и приму любого...

Александра посмотрела на княгиню. Та сидела, чуть наклонясь вперед, словно впитывая в себя каждое слово, а в глазах Ирины Алексеевны, затмевая сверкание драгоценных камней на богатых ее уборах, сверкали слезы.

«Это же про нее!» – догадалась вдруг Саша, и ей стало страшно.

Тем временем утихли в замершем зале последние звуки песни, и пальцы гуслияра бессильно скользнули со струн. Воцарилась тишина. Не было слышно ни единого звука.

Потом Ирина Алексеевна вдруг встала. Бледная и, хотя это казалось нереальным, еще более красивая.

– Спасибо, гости дорогие, – сказала она, низко кланяясь, – что почтили нас своим присутствием. Настал час показать вам главное сокровище и достояние Китеж-града. Прошу вас пойти за мной.

«Неужели икона?» – обрадовалась и удивилась Саша. Она почему-то боялась, что икону будут от них скрывать, догадываясь о цели прибытия незваных гостей. Неужели не догадываются? Может, считают, что они попали сюда случайно? Были же люди до них, недаром княгиня сразу догадалась, что они из другого мира, и, судя по всему, она даже не так удивилась, услышав, сколько времени прошло вне стен Китежа.

«Русичи» вслед за княгиней вышли из пиршественного зала и направились к церкви. Церковь была белой-белой, со стенами, покрытыми разнообразными узорами. Среди них Саша заметила грифонов и львов, и воинственных вздыбленных барсов, и дев со строгими скорбными ликами, а окаймляющий выступы орнамент казался кружевом, по какому-то могущественному волшебству вдруг застывшим и ставшим камнем.

У входа Александра остановилась и перекрестилась. В ней всегда было мало веры, но сейчас в этом необыкновенном месте

она чувствовала что-то особенное, какое-то необыкновенное умиление и радость, смешанную с легкой тихой грустью. А может, все дело в еще продолжавшей звучать внутри нее балладе?..

Внутри церковь тоже оказалась нарядной, торжественной и вместе с тем нежной.

– Наша Святая София... – тихо произнесла Ирина Алексеевна.

Посреди храма, метрах в трех над землей, в воздухе разливалось мягкое серебряное сияние, и в этом сиянии, словно в оправе, была икона. Она не опиралась ни на что – просто парила в воздухе, и Саше вдруг показалось, что Святая София видит ее, девушка почувствовала на себе добрый всепрощающий взгляд святой и вдруг упала на колени. По щекам сами собой заструились слезы.

Да! Это было поистине святое место! Святое и прекрасное! Различить во всех деталях лицо на иконе было нельзя, но этого и не требовалось. Святая София казалась живой. Ее присутствие в небольшой вытянутой вверх, словно устремленной к небу, церкви не вызывало сомнений. Она говорила, что есть на земле царство добра, уголок покоя и мира, осененный высшей благодатью. Она обещала, что теперь все будет хорошо, и горести пройдут стороной, затмятся светом великой радости.

– Плачь... Это хорошие слезы, – произнес рядом с Александрой приветливый тихий голос.

Девушка вздрогнула. Под взглядом святой она забыла обо всем мире, забыла, что в нем еще существуют люди...

Рядом с ней стояла княгиня и смотрела светло и благостно. Серебряный свет коснулся ее русых волос, озарил глубокие голубые глаза.

– Я... – Саша не знала, как выразить весь свой восторг, свою радость.

– Да, я знаю, – Ирина Алексеевна мягко улыбнулась, – это особенное место. Когда ты пришла, я увидела за твоим левым плечом тень, но теперь она исчезла. Не бойся больше. Здесь нет места страху. Здесь она никогда до тебя не доберется.

Саша, не удивляясь тому, как княгиня может знать то, что лежит глубоко-глубоко на сердце, что скрывается не только от других, но и от себя, потянулась к Ирине Алексеевне, как тянутся к матери, и та обняла ее, прижала к себе, защищая от всех неприятностей.

– Все будет хорошо, – пообещала княгиня, глядя девушку по волосам, – вот увидишь.

Александре и вправду стало легко и спокойно, словно исчезла вся тревога.

Княгиня подняла девушку с колен, отерла со щек

еще не высохшие слезы и заглянула в глаза.

– Тебе нравится здесь? Ты останешься на службу? – спросила она все так же по-матерински.

– Да, – ответила Александра на оба вопроса, и княгиня улыбнулась.

Потом началась служба. Очень красивая, хотя и немного странная, ведь вела ее сама Ирина Алексеевна. И во время этой службы икона Святой Софии сама собой спускалась вниз, еще сильнее озаряя церковь своим светом. Это было непередаваемо, потрясаяще прекрасно: и серебряное сияние, наполняющее собой весь воздух; и красивый голос княгини, и пение невидимого хора; и трепет свечей. Прекрасно и возвышенно.

После службы Саша почувствовала, что душа ее освободилась от всего груза, словно она снова очутилась в далеком детстве. Девушка нашла глазами своих друзей. И Глеб, и Северин, и даже Динка выглядели взволнованными и просветленными. Только Ян был все так же замкнут и холоден и как нельзя больше напоминал востребованную непогодой ворону, но сегодня Саша не чувствовала зла и была готова простить даже его.

Глава 5

История любви

– Увы, мы встретились слишком поздно, – рассказывала Ирина Алексеевна, грустно глядя в окно на розовеющее закатной дымкой небо.

Вся команда собралась вокруг нее в небольшой уютной комнате с высокими распахнутыми в сад окнами. Где-то там, в пышных кронах деревьев, мелодично и негромко пел соловей, словно аккомпанировал рассказу княгини.

– У него уже была семья, – продолжала она после грустного вздоха. – Я, княжеская дочь, тоже была уже просватана. Но едва взглянула на Юрия, как поняла, что лучше умру, бросившись в русалочий омут, чем отдам свою руку нелюбимому.

Она опять замолчала, теребя одну из спускающихся на грудь жемчужных нитей.

– Ну а дальше?.. – Динка нетерпеливо заерзала на неудобном стуле с очень прямой жесткой спинкой.

– А дальше... Он построил для меня этот город и увез меня сюда. Тайком, несмотря на гнев моих родителей. Здесь, на пороге этого дворца, Юрий в первый и в последний раз коснулся устами моих уст...

И уехал. А я осталась ждать его, потому как нет без него для меня жизни...

— Но он же... — Динка не договорила, получив от Александры хороший тычок в ребра.

Княгиня взглянула на девочку с улыбкой.

— Китеж — удивительное место, — проговорила Ирина Алексеевна, — и я всегда думала, что все же дождусь своего князя. Однажды Юрий обязательно вернется. Он не может не вернуться в свой город. Ко мне. Моя свеча укажет ему путь.

Соловей за окном разразился новой заливистой трелью, на этот раз Саше казалось, что в ней звучит нотка надежды. Вероятно, Китеж существует в особом времени и пространстве, и кто знает, возможно, в одном из странных витков истории князь сможет вернуться к той, что так преданно его ждет. «Пусть будет так», — пожелала она мысленно.

— Но что же я все о своем да о своем! — всплеснула лебедиными руками княгиня. — Лучше расскажите, дорогие гости, о себе, о том, как живете...

— Даже не знаю, с чего начать, — задумался Глеб. — В мире многое изменилось. Хотя, конечно, изменилось скорее внешне — чувства остались прежними.

— Это хорошо, что прежними! — живо откликнулась Ирина Алексеевна, и на свежих девичьих щеках вспыхнул легкий румянец.

Глеб, удивленный ее реакцией, слегка смутился, но рассказ тут же подхватила Динка, которая совершенно точно знала, о чем нужно рассказать княгине прежде всего.

— Появились машины. Они как повозки, но без лошади и гораздо быстрее, — заявила она. — Но самое хорошее, что изобрели компьютер и Интернет... Эм-м... Как бы это получше объяснить... — девочка нахмурилась. — Ну, в общем, это такое устройство, которое может обрабатывать, принимать и передавать информацию. Например, по сети... ну, через Интернет... можно пообщаться с человеком, который далеко от тебя, и даже увидеть его, если у тебя есть Скайп и камера... Это все технические устройства...

— Как же это сложно! — покачала головой Ирина Алексеевна. — Да, мир изменился. У нас все гораздо проще. Если хочешь увидеть кого-то, не нужно так много... как ты там сказала?.. устройств. Можно просто посмотреть в блюдечко.

— Это как?! — не поняла Динка.

Даже Александра, рассеянно слушавшая беседу, с удивлением взглянула на княгиню.

Ирина Алексеевна улыбнулась.

— Ну, не знаю, как объяснить. Может, хотите посмотреть? — предложила она.

– Конечно, хотим! – дружно отозвались все «русичи».

Княгиня дважды хлопнула в ладоши. Дверь открылась так быстро, словно служанка стояла под ней, ожидая приказа своей госпожи, а может, так оно и было.

– Принеси-ка блюдечко и яблочко, – велела княгиня.

Девушка ушла и вскоре вернулась, неся требуемое, и с низким поклоном вручила это Ирине Алексеевне.

– Ну вот, – сказала та, глядя блестящий бок наливного красного яблочка, лежавшего на небольшой серебряной тарелочке. – Если хочешь что-то или кого-то увидеть, подумай об этом, покати яблочко по тарелочке и слова нужные скажи:

Катись, яблочко, катись,
О чем думаю, явись...

– А можно я попробую? – не выдержала Динка и протянула к тарелочке руки.

– Дина, – укоризненно одернул ее Глеб, но княгиня улыбнулась ему:

– Не мешай девочке, ей же интересно, – сказала она и протянула Динке блюдце и яблоко.

Динка, как компьютерный и технический гений,

а следовательно, закоренелый материалист, прежде всего внимательно осмотрела и блюдо, и яблочко. Видимо, в поисках скрытых микросхем. Яблоко она даже долго нюхала и, кажется, едва удержалась от того, чтобы попробовать на зуб.

– Хочешь яблочка? – заметила эти манипуляции Ирина Алексеевна. – Ешь, я другое велю принести.

– То есть работает не именно это яблоко? – уточнила Динка, но кусать плод не стала.

– Конечно, – удивилась княгиня, – любое. У нас в саду полным-полно яблок.

– Понятно, – хмыкнула девочка, хотя, кажется, ничего не поняла. Еще покрутила в руках блюдо и наконец решилась на следственный эксперимент.

Она опустила на тарелочку яблоко, покатила его и, зажмурившись от усердия и еще детского желания чуда, забормотала магическое заклинание.

Саша с интересом наблюдала за происходящим и видела, как блюдечко едва заметно засветилось, а потом в середине его появился словно бы экран. На этом экране был кабинет директора школы, сам Евгений Михайлович оказался на месте. Он сидел, склонившись над какими-то бумагами, и вдруг вздрогнул и поднял голову, словно почувствовав, что за ним наблюдают. С минуту он хмуро оглядывал комнату, ища источник непонятного раздражения,

а потом вздохнул и снова принялся за бумажную работу.

Яблочко остановилось. Изображение погасло.

– Вот это да! – выдохнула восторженно Динка. – Это же в чем-то даже круче Интернета!

– Тогда возьми. Пусть это пока побудет у тебя, – предложила княгиня.

На Динкином лице промелькнула целая череда разнообразных эмоций: недоверие, счастье, смущение...

– Я... я, наверное, не могу это взять... Это, наверное, очень ценная вещь, – пробормотала девочка, тем не менее прижимая к груди драгоценность и явно не собираясь с ней расставаться.

– Не бойся, – успокоила ее княгиня, – я даю тебе это только на время. Потом вернешь.

– А тут можно увидеть только настоящее или прошлое тоже? – вдруг спросил Северин. Он сидел дальше всех и до этого, казалось, даже не слушал, думая о чем-то своем.

– Почему же только настоящее?.. Что хочешь – то и увидишь, – объяснила Ирина Алексеевна.

Северин кивнул, жадно уставившись на серебряное блюдо, а Саша догадалась, что именно он собирается смотреть на нем, и, кажется,

впервые за этот необыкновенный и прекрасный день действительно расстроилась. Смерть Арины была еще слишком свежа в памяти, слишком болезненно воспоминание о том дождливом дне, темном небе, вспоротом молниями, и о бледном лице, разом потерявшем все живые краски. Слишком больно. Зачем же все время растравливать собственное сердце?..

Похоже, Глеб тоже подумал о том же, поскольку нахмурился, кинув быстрый взгляд в сторону друга, а потом посмотрел на княгиню.

– Ирина Алексеевна, спасибо за такой радушный прием, – решительно произнес он, – собственно, мы прибыли сюда, чтобы...

Княгиня смертельно побледнела, и алый платочек, который она вертела в пальцах, упал на пол, показавшись Александре вдруг лужицей крови.

– Прошу вас! – она выставила вперед ладонь, словно стараясь защититься от неведомого зла. – Прошу, не говорите так! Неужели я плохо вас приняла? Может быть, наши кушанья для вас недостаточно изысканны? Или... да... мне не следовало рассказывать эту печальную историю!.. Простите!..

– Но... Видимо, я сказал что-то не то, – Глеб смутился. – Простите мое невежество и... незнание

здешних обычаев.

– Нет, ничего, – княгиня вынужденно улыбнулась, но улыбка вышла напряженной, примерно так же могла бы улыбаться мраморная статуя. – Простите меня, мне пора.

Она вышла из горницы, а на полу так и остался лежать тоненький алый платок.

Глеб задумчиво поднял его и беспомощно оглянулся на друзей.

– Зря я заговорил о деле. Она решила, что мы хотим покинуть Китеж, и, похоже, обиделась. Признаться, это я виноват, – сказал он, – в прошлом дела действительно не делались так скоро, нужны были длинные предварительные церемонии. Похоже, нам придется задержаться. Надеюсь, никто не против?..

– Уж точно не я! – хмыкнул Ян. – Мне пока... гм-м... есть чем заняться. Любопытно здесь все устроено.

– Я тоже хочу пока что остаться! – Динка мертвой хваткой вцепилась в серебряную тарелочку, и было ясно, что так просто девочка с ней не расстанется.

– И я бы еще побыл, – подтвердил Северин. – Мне кажется, лес здесь совершенно... волшебный...

– Ну, раз все остаются – я тоже, – Саша почувствовала облегчение, что все так легко и хорошо решилось. Ведь ей на самом деле вовсе не хотелось покидать Китеж так скоро. Она еще не ознакомилась

с книгами, а потом... потом, признаться, ей ужасно хотелось вернуться в церковь и еще хотя бы раз поприсутствовать на службе, почувствовать на себе теплый, оберегающий взгляд, ощутить защищенность и безмятежный покой, которого не посмеет коснуться ни один страх.

– Значит, решено, – подытожил Глеб. – Мы останемся в Китеже еще на какое-то время. Когда еще представится возможность изучить историю так близко!..

В этот момент Александра взглянула на Яна, и ей показалось, что парень усмехается.

Ночь прошла быстро. Саша едва опустила голову на подушку, как глаза сомкнулись, и казалось, не прошло и получаса, а в окно уже заглянуло солнце. Девушка проснулась, чувствуя себя необычайно бодрой и полной сил.

Она поспешила одеться и отправилась в церковь, где уже слышался звон колокола, собиравшего людей на утреннюю службу. Все это, как ни странно, казалось Александре простым и привычным, словно девушка так и жила с самого рождения. Службу опять вела княгиня, и Саша, как и в первый раз, чувствовала умиление и восторг.

Потом они позавтракали, за одним столом с Ириной Алексеевной. Княгиня выглядела безмятежно

и приветливо, очевидно, простив гостям вчерашнюю ошибку.

После завтрака ребята решили прогуляться по городу.

Все здания, кроме дворца и церкви, были деревянными, но аккуратными и красивыми.

Александра знала из истории, что жители Древней Руси любили украшать свои дома и росписью, и резьбой по дереву, но то, что они увидели, превосходило все ожидания: вдоль воротных столбов карабкались сине-зеленые змеи и драконы. Казалось, будто их гибкие тела замерли лишь на мгновение, но вот-вот они оживут, моргнут выпученными глазами, раскроют зубастые пасти. На коньках крыш пели резные птицы и склоняли головы киноварно-красные кони. А над дверью одного из домов, корчмы или трактира, судя по доносившемуся изнутри веселому шуму, призывно улыбалась пышнотелая русалка с чаркой в руке. Вокруг домов зеленели тенистые сады. Мостовая, собранная из круглых деревянных плах, приятно пружинила под ногами. Одна из улиц, на которую забрела компания, оказалась ремесленная. Здесь нашлась и кузница. Высокий мускулистый кузнец ловко махал молотом, выковывая что-то ажурное и необыкновенно красивое. Он улыбался, приветствуя гостей, и даже на время уступил свое

место Северину, подсказывая, что и как лучше сделать.

А сосед его, уже выбеленный сединой оружейник, хотя и не допустил визитеров к работе, буркнув: «Тут сноровка нужна», но с радостью продемонстрировал Глебу и Северину свой товар.

– И в закатные страны купцы мечи мои возят, и в полуночные. – Он взялся одной рукой за рукоятку, другой – за лезвие меча, раз, и согнул казавшееся несокрушимым оружие дугой.

Динка только ахнула. Старик довольно улыбнулся, отпустил лезвие, и стальная полоса вернулась в прежнее положение.

– Такой меч в бою не подведет, не сломается. Девять раз прокован, в девяти водах закален, с наговорами. А этот нож, – оружейник поднял с прилавка нож с украшенной резьбой костяной рукояткой, – что ни режь, не иступится, тут посередине твердое железо, а по краям мягкое, сам себя точит.

Каких только чудес не навидались они в этот день! Наблюдать за этим было все равно что прикасаться к живой истории, но больше всего Александре понравилась ювелирная мастерская, где двое – седобородый старец и еще безусый юноша, его подмастерье, – создавали удивительные по красоте

и сложности вещи. Они напаивали на кольца тончайшие золотые пластиночки, затем заливали их цветной смолой, создавая необыкновенно изящную мозаику.

– Перегородчатая эмаль, – с гордостью пояснил Глеб. – Гордость русских мастеров. Ее секрет был утерян. Знаете же, что русские ювелиры славились по всему миру!

После прогулки каждый занялся своим делом. Александра направилась в княжеское книгохранилище, где с замиранием сердца прикасалась к бесценным книгам в тяжелых кожаных окладах, украшенных серебром и золотом, эмалью и драгоценными камнями. Перелистывая тяжелые, пахнущие кожей страницы, каждая из которых казалась произведением искусства благодаря тщательно выписанным красным буквицам, золотым виньеткам и от руки сделанным миниатюрам, она чувствовала, что наконец-то попала домой. Кстати, у княгини оказалась прекрасная коллекция книг – и латинских, и византийских, и русских.

Религиозные книги, жития, летописи, сказания... большинство из этих текстов действительно не сохранилось до нашего времени, некоторые из них перекечевали в легенды, а о других и вовсе забыли.

Александра только вздохнула, листая богато

иллюстрированный изображениями чудовищ и диковинных существ «Физиолог»: старославянский, точнее, древнеболгарский язык, не позднее начала XIII века, ранее неизвестное науке, нашей науке, издание. Сюда бы профессора Олега Семеновича. А вот настоящее сокровище Китежа – «Слово о полку Игореве», оригинал. Тут бы и отпали все вопросы о подлинности этого произведения. Первые не дошедшие до наших времен русские летописи. Сколько ответов они дают на вопросы, по поводу которых ученые до сих пор ломают копья. Ах, если бы можно было забрать хотя бы часть этих бесценных книг с собой или хотя бы скопировать, княгиня вряд ли будет против. Александра вспомнила про камеру в мобильнике и привычно потянулась за ним, но вместо кармана джинсов рука коснулась струящегося шелка платья. Собралась было сходить за телефоном, но почему-то мысль использовать современное устройство для копирования книг показалась девушке кощунственной. Воздух в книгохранилище сгустился, тяжелые тома словно осуждали ее намерение.

– Ну и ладно, в конце концов, у нас есть немного времени. Дела здесь делаются небыстро, пока получится поговорить с княгиней, – сказала девушка сама себе. Мысль о разговоре почему-то беспокоила, и Саша отмахнулась от нее, словно

от докучливой мухи. – Есть дела и поважнее. Как хорошо, что не нужно покидать Китеж сейчас!

Нет, она бы ни за что не согласилась на это. Не раньше, чем удастся изучить все это богатство! И девушка вновь погрузилась в книгу.

Размеренная, спокойная жизнь Китежа казалась Александре теперь настоящей и единственно правильной, а суетливая Москва, запыленная, стоящая в бесконечных пробках, перенеслась в область сказочную. Саша уже сама едва верила, что спешила куда-то, толкалась в душном вагоне метро, слушала не пение птиц, а музыку, доносящуюся из плеера, смотрела странный ящик под названием «телевизор». Все это стало вдруг ненужным и ненастоящим. Без всего этого оказалось очень легко обойтись. Настоящая жизнь была только здесь, в Китеже.

Вечером ребята снова собрались вместе. Каждый из них выглядел довольным. Динка хвасталась освоением прекрасного магического артефакта, Северин с горящими глазами рассказывал о вольном лесе – живом, не похожем на давно исхоженные и испорченные подмосковные леса, Глеб изучал устройство и функционирование города. Только Ян не особо распространялся о своих занятиях, но и без того было понятно, что и для него здесь нашлось

интересное дело.

Ребята проговорили какое-то время каждый о своем и замолчали – общие темы исчезли как-то сами собой.

– Я, пожалуй, пойду, – первым выразил всеобщее устремление Северин, – у меня еще планы были...

– И у меня, – подхватил Глеб, – княгиня обещала рассказать мне о том, как все было устроено в уделе ее отца...

Они быстро, словно неловко, распрощались и вернулись к своим интересам.

Так прошло несколько дней. Александра почти не выходила из книгохранилища и только спустя достаточно продолжительное время осознала, что виделась с друзьями лишь мельком, издали.

«Странно, – подумала она в первый момент, – мы же вроде команда и прибыли сюда за...» Девушка нахмурилась, потому что не могла вот так с налета вспомнить, за чем именно они здесь. «Ну конечно, изучить этот необыкновенный город!» – осознала она и вернулась к своим книгам.

* * *

– У тебя ведь есть тайна, но ничего не бойся. Китеж – особенное место, здесь всех принимают

такими, какие они есть, – сказала княгиня, но Северин ей не поверил. Он не верил в то, что люди могут принять таких, как он. Не верил – вот и все! Из страха ли, из зависти ли их всегда будут гнать хуже, чем прокаженных.

Но странно, слова Ирины Алексеевны подтвердились на деле.

Получилось так, что его обращение видели. Северин сам не знал, как допустил этот промах. Наверное, в нем был виноват свежий, пьянящий пущё вина воздух, а ещё настойчивый призывный шепот деревьев...

В общем, когда Северин, носящийся по всему лесу так, словно у него сорвало крышу, немного пришел в себя и перекинулся в человеческое обличье, рядом оказалась пигалица лет шести.

– Здравствуй, волчок, – сказала она, протягивая к парню руку, – можно тебя погладить?

Он смутился и присел перед девочкой на корточки.

– Никому не говори. Пусть это будет секрет, хорошо? – попросил он.

Малышка кивнула и тут же закричала так громко, что у Северина едва не заложило уши:

– Мама! Мама! Здесь волчок! Иди скорее!

В воспоминаниях Северина разом возник догорающий дом и напиральная толпа – страшная,

непрощающая.

Он вскочил, готовый бежать, но из-за дерева уже появилась молодая женщина с длинной каштановой косой.

– Устал? – она улыбнулась ему! Северину! – Хочешь молочка? Я только корову подоила.

– Этот дядя волчок! – продолжала донос несносная девчонка.

Северин вздрогнул.

– Вы уж ее простите, – молодая женщина посмотрела на Северина, – она очень животных любит. Лучше не попадайтесь ей в волчьем обличье – затискает.

Это было нечто невероятное. Его не боятся?..

– А вы знаете, кто я? – растерялся парень.

Собеседница пожала плечами:

– Вы уж простите, у нас тут все рядом... видели...

– И... – Северин не мог поверить собственным ушам. – И вы не боитесь?

– А нужно бояться?

Похоже, женщина кокетничала с ним, и Северин еще больше растерялся.

– Нет... – пробормотал он.

– Вот поэтому и не боюсь! – она рассмеялась. – Ну, пойдем молоко пить, остынет!

Возвращаясь в палаты, которые княгиня отвела

им для жилья, Северин прошел не через главные, выходящие на рыночную площадь ворота, а через другие. Там, подальше от покоев княгини, чтобы не тревожить ее шумом и молодецкими криками, тренировались гриди – младшие дружинники.

– Эй, чужестранец, хочешь поборемся? – весело, но без насмешки крикнул один из них, молодой и вихрастый.

В любое другое время Северин бы отказался. В памяти еще жив был тот зверь, что иногда просыпался в нем в самые неподходящие моменты. Но сейчас, после леса и встречи с девочкой, он чувствовал себя так хорошо, что казалось, ничего дурного не может произойти.

– А давай! – задорно ответил парень, перемахнув через ограду.

Они разделись до пояса и стали кружить друг против друга, высматривая слабинку в обороне противника. Остальные гриди с радостью включились в поединок в качестве зрителей, подбадривая противников криками. К удивлению Северина, кто-то «болел» и за него.

Вихрастый дружинник бросился вперед, желая схватить противника, но Северин быстро отскочил в сторону, подсечка, бросок. Он даже придержал парня, боясь ушибить слишком сильно, но тот все равно

перелетел вверх тормашками и плюхнулся на спину.
– Силен! – только и сказал дружинник, потирая ушибленное при падении плечо.

Зрители разразились радостными и насмешливыми криками. Но вовсе не зло, скорее добродушно подшучивая над неудачливым товарищем.

– А со мной попробуй. – Новый желающий показать свою молодецкую удадь был высок, черноволос и худ. Он двигался плавно, словно танцор, но Северин знал, что означает эта плавность. Опасный противник.

Черноволосый оказался гибким как угорь и таким же вертким. Чувствуя, что проигрывает Северину в технике, он старался держаться подальше, не давая ухватить себя, осыпая юношу частыми, раздражающими ударами.

Кулак Северина в очередной раз пронзил пустоту, глухо зарычал и вдруг с ужасом почувствовал, как изнутри поднимается красная пелена ярости.

«Нет, только не сейчас», – взмолился он про себя.

– А ну хватит!

Чьи-то тяжелые руки опустились на плечи Северина. И зверь внутри сжался и исчез, будто испугавшись чего-то. Парень тряхнул головой, окончательно приходя в себя, и посмотрел на своего спасителя.

Это был огромный чернобородый мужчина. В памяти Северина почему-то всплыло словосочетание «дядька Черномор». Богато расшитая рубаша, меч на поясе... Похоже, тоже дружинник, но старший.

– Я Мирослав, – представился чернобородый, – смотрю за тем, чтобы они, – кивок в сторону гридей, – учились воинскому делу достойно... Ты, Горимир, – обратился он к противнику Северина, – помни, увертками да хитростью всего не добьешься, воин должен грудь в грудь с противником сходиться. А ты, чужестранец, не напрягайся так, а то, глядишь, хвост из штанов полезет.

Кто-то из гридей захихикал, но никто не казался испуганным или шокированным.

«Да что это за день такой! Они что, все издеваются надо мной? Ведут себя как будто у них тут оборотни каждый день ходят?!» – возмутился Северин.

– А вы видите... – он не окончил фразу.

– Что ты волк? Да вижу я, вижу. В воинском деле полезное умение. Но только полностью на него полагаться не стоит. – И, словно услышав мысли Северина, добавил: – Есть и у нас такие. Вон смотри, Велеслав, – он указал на здорового парня с жесткими темными волосами и низким тяжелым лбом. – Медведем по лесу бродит. Иной раз зимой беда... – чернобородый замолчал, оборвав речь чуть

ли не на полуслове.

– Мое имя Северин, – юноша протянул руку.

– Ну, что ж, будем знакомы, Северин, – дружинник тщательно выговорил непривычное имя. – Ты вот что, сделай милость, приходи сюда еще. Посмотрел я, как ты дерешься, больно ухватки у тебя ловкие. Глядишь, и мои олухи у тебя чему научатся.

– Я приду, обязательно приду, – пообещал парень, чувствуя внутри какую-то странную легкость. Сейчас он был совершенно уверен: ничего плохого здесь с ним не случится. Такое чувство, будто он наконец-то вернулся домой. В тот настоящий дом, откуда он родом, а прошлое – всего лишь сон. Да и было ли оно, это прошлое?.. Пожалуй, что и не было...

Глава 6

Странный предмет

– Сашенька, просыпайся! – позвал над ухом ласковый голос.

Девушка открыла глаза и в первый миг удивилась присутствию в комнате незнакомой женщины, а потом устыдилась этого удивления, узнав маму.

– Вставай, красавица моя, – ласково повторила та, – я тебе сама косыньку заплету.

В окно светлицы заглядывало солнце.

– Проспала! – Александра потянулась и вынырнула из-под одеяла.

– Ничего. Небось не осерчает твой Павел, – мама укоризненно покачала головой, помогая дочери надеть нижнюю полотняную рубаху – совсем простую, украшенную лишь необходимой вышивкой. – Учение, конечно, хорошо, но уж слишком много времени ты над книгами проводишь. Вот и княгинюшка сетовала, что не бережешь ты себя.

Саша вздохнула. Сказать откровенно, она вовсе не испытывала раскаяния, а занятия по каллиграфии доставляли ей огромное удовольствие. Павел, пиисец и хранитель библиотеки, взялся ставить Александре

руку, и она уже делала успехи в традиционном уставе¹, которым писались книги. Заточенное гусиное перо уже не оставляло некрасивых клякс и подчинялось набирающейся умения руке.

«Ладно, – хвалил Павел, оглядывая тщательно выписанные и украшенные буквы, – скоро и киноварь для буквиц освоишь, а там уже сможешь «Житие» переписывать».

И Саша довольно улыбалась, гордая похвалой мастера.

Тем временем мама уже расчесала ее волосы и принялась заплетать аккуратную тугую косу.

– А... Лиза где? – вдруг спросила девушка, чувствуя при мысли о сестре какое-то странное беспокойство, словно бы с Лизой было связано что-то нехорошее...

– Встала уже, играет. Сейчас позову!

Александра не успела воспротивиться – мама хлопнула в ладоши, и тут же в комнату вбежала хорошенькая десятилетняя девочка, удивительно похожая на Сашу. Можно было бы поспорить, что Александра была в точности такой в свои десять лет.

– Привет, Алекс! – крикнула девочка с ходу. – Я пойду поиграю в саду, можно?

– Конечно, деточка, – мама надела на голову Саше

¹ Устав – тип рукописного почерка, отличающийся особым начертанием, применялся в книжном деле Древней Руси.

украшенный камнями обруч и с удовольствием оглядела результат своей работы. – Иди же, Лиза, не мешай сестре, – обратилась она к младшей.

Девочка засмеялась, кивнула и устремилась к двери.

– Не подходи к воде! – крикнула ей вслед Александра.

Мама посмотрела на дочь с удивлением, да Саша и сама смутилась: интересно, при чем тут вода?..

Тем временем девушки уже накрыли на стол, и Саша с удовольствием позавтракала теплым, только что из печи, хлебом, запивая его молоком. Такой простой, не боярский завтрак нравился ей больше всего, но мама никогда не спорила, а отец был слишком занят делами, чтобы следить за тем, что ест его дочь.

После завтрака Александра поспешила в писчую палату, где Павел уже действительно ее ждал.

– Ну что, начнем, боярыня, – приветствовал ее он, и день пошел по накатанной, ничем не отличаясь от многих других дней.

Однако после обеда произошло странное событие. Павел попросил Александру сбегать за свечами к Федору, свечных дел мастеру.

Федор, единственный в Китеже свечник, жил неподалеку от княжеских палат, и Саша уже бывала в

его доме. Вот и сейчас она, накинув на голову платок, поспешила выполнить поручение.

– Входи, – приветствовал девушку Федор, невысокий темноволосый мужчина лет за тридцать. – За свечами небось? Садись-ка в горнице, сейчас принесу.

Он ушел, а Саша села на деревянную скамью и от нечего делать принялась крутить на руке браслет. Она забавлялась с ним до тех пор, пока не уронила. Украшение закатилось под лавку, так что пришлось лезть за ним туда.

Под лавкой вовсе не было пыли, зато рядом с браслетом лежал странный предмет. Девушка вытащила его на свет и принялась разглядывать. Он был черным, сделанным из какого-то непонятного материала – не дерево, не камень, не металл, – с выступом, напоминающим маленький рог, цифрами и буквами, написанными на самом предмете.

Предмет был донельзя странным и вместе с тем напоминал Александре что-то забытое, что-то, относящееся, кажется, к прошлой жизни.

Девушка повертела находку в руках, и та внезапно ожила, засветилась. «Введите пин-код» – показалась надпись на одной из ее сторон.

Пин-код – это тоже нечто смутно знакомое. Саша нажала четыре единицы, и аппарат довольно принял

их. В верхнем окошечке появилось слово «Меню». При открытии его обнаружился список контактов, в котором значились несколько ничего не говорящих девушке имен.

«Телефон! – вдруг поняла Александра. – Как же я могла забыть, что это телефон! Когда-то и у меня был почти такой... Только этот какой-то странный... Старый, наверное... Сколько же он у Федора под лавкой валяется?! Нужно вернуть».

И тут странная мысль заставила Сашу замереть. Что же получается, мобильники были в Китеже еще со времен домонгольской Руси?! Нонсенс! Чушь! Но тогда откуда пусть и устаревший, допотопный мобильник в доме свечных дел мастера Федора?!

Она полистала меню, отыскиала эсэмэски. В телефоне их было несколько штук. Последняя – от абонента, обозначенного как жена: «Возвращайся скорее, Федечка. Ждем и целуем».

Аппарат едва не выпал из ослабевших рук.

Как раз в это время в дверях появился Федор, неся завернутые в небеленый холст свечи.

– Вот, – протянул он их девушке. – И кланяйся от меня Петру.

Саша не взяла свечей, а вместо этого протянула телефон мастеру.

– Что это? – спросила она дрожащим голосом.

Федор посмотрел на аппарат и равнодушно пожал плечами:

– Знать не знаю, боярышня.

– Знаешь! – крикнула Саша, наступая на него. – Вы же... Вы же не из Китежа! Вы из другого времени! Ну, вспоминайте же! Вероятно, вы поехали на Светлояр, а потом что-то случилось, и вы оказались здесь! Ну, вспоминайте же! Я сама обо всем забыла! Это... какое-то колдовство!

Ей хотелось потрясти его за плечи, чтобы пробудить от странного сна, но мужчина испуганно отпрянул и перекрестился.

– Бог с вами, боярышня! Что же вы такое говорите! Это же никакому сказителю не приснится!

Он казался испуганным.

– Ну вспомните! – умоляла Александра, едва не плача. – У вас же есть семья! Жена, которая вас любит и, наверное, до сих пор ждет! Вспомните!

Мужчина покачал головой.

– Не бойтесь, боярышня, отмолит тебя святая София! – жалостливо произнес он. – Исцелишься.

И Саша поняла. Поняла, что этот человек, давным-давно позабывший обо всем мире, что лежит за пределами Китежа, считает ее больной, сумасшедшей.

Она и была больной. До сих пор. А теперь вдруг

исцелилась. Случайно. Как же случилось так, что она позабыла обо всем и считала, что родилась и прожила всю жизнь в этом самом Китеже?!

«Глеб! Северин! Динка!.. Ян!» – вдруг вспомнила с ужасом девушка. Странная магия Китежа поразила их всех, и в отличие от нее друзья еще не проснулись! Надо отыскать их и помочь! Немедленно! Пока не поздно!

Она выскочила из дома и бросилась к кремлю, судорожно размышляя, где могут быть сейчас друзья.

– Сашенька! – окликнул ее чей-то голос.

Александра оглянулась и увидела маму... Нет, это была не мама, а вовсе не похожая на нее чужая женщина, которую до момента прозрения Саша отчего-то принимала за свою маму. «И сестра! – обмирая, подумала она. – Мне же казалось, что с нами живет Лиза, только не взрослая, а десятилетняя, как тогда... Выходит, Лиза тоже не Лиза! Боже! Что же делать?!»

– Ты бледна, Сашенька. Все ли в порядке? – спросила незнакомка, выдававшая себя за ее мать.

Нельзя показывать, что ты обо всем догадалась. Ни в коем случае нельзя. Иначе... Что будет иначе, Саша не стала додумывать. Она сглотнула тугой комок, перекрывший дыхание, и попыталась принять как можно более равнодушный и отвлеченный вид.

– Нет, все в порядке. Ходила за свечами к Федору. Сейчас возвращаюсь в книжную палату, Петр меня ждет, – сообщила она, – извини, побежала, мне некогда!

– А свечи-то где? – плетью ударил в спину голос «матери».

– Ах, свечи... – Саша больше не оглядывалась. – И точно, свечи. Совсем забыла! Сейчас принесу.

Она шла очень быстро, почти бежала, слыша за спиной чужой ласковый голос, сетовавший, что доченька совсем себя не жалеет, света белого не видит. Как страшно! Как дико и страшно!

* * *

– Послушай меня, светлейшая княгиня, – Глеб взглянул на Ирину Алексеевну, сидевшую на своем обычном месте, – для процветания Китежа нам необходимо привлекать сюда гостей². Пусть город стоит не на торговых путях, но давайте придумаем что-нибудь, чтобы они сами устремлялись сюда. Скажем, не будем пока брать серебра за торговлю. Пусть торгуют вольно. И им прибыль, и нам выгода.

– Не люблю купцов, – покачала головой княгиня,

² Гостями в Древней Руси называли самых богатых купцов, в том числе ведущих международную торговлю.

теребя тонкой белой рукой алый платочек, – они только о деньгах и думают. А наш город Китеж – особенный. Светлый. Святой...

– Знаю, – Глеб кивнул. – Слава нашей покровительнице и защитнице святой Софии... Но... – он опустил глаза, глядя на свои сафьяновые сапоги, – пойми же, Ирина, город развиваться должен, расти. А к тому же у нас есть мед, есть мастера знатные, но ты ведь ходишь в дорогих византийских материях. Тебе наши купцы их из самого Царьграда привозят, а дорога долгая, полная опасностей. Пусть бы царьградские купцы сами к нам приезжали.

Объяснять женщине, как правильно устроить все, было тяжело – не поймет она, не для того создана. Но уж раз Глеб занимает свое высокое положение, то не может бездействовать и не делать ничего для родного Китежа. Сколько здесь простора для деятельности! Порой Глеб и сам удивлялся, какие странные и смелые мысли приходили ему в голову. Например, что хорошо бы устроить так, чтобы вода сама попадала в каждый дом, или придумать какие-нибудь особо хитрые свечи, чтобы светили ярче и горели дольше, но при том не были бы такими дорогими. Разумеется, он не рассказывал пока об этих мыслях никому, даже Ирине. Как-нибудь потом, когда придет подходящее время. Он не сомневался, что ему удастся убедить

княгиню, она, даже если начинала было спорить, в итоге всегда с ним соглашалась. Вот и сейчас Ирина Алексеевна улыбнулась и кивнула.

– Ну хорошо. Будь по-твоему, – подтвердила она. – И не сердись, что я с тобой спорю, – я на обычаи, что были у отца моего, все оглядываюсь, его жизнь принимаю за первооснову.

– И я следую заветам предков, – согласился Глеб, – только, пойми, время не стоит на месте, и нет у меня другой мечты, кроме счастья и благоденствия Китежа!

– Знаю, – княгиня отчего-то тяжело вздохнула и вдруг устремила на него внимательный, пристальный взгляд: – Скажи лучше, неужели ты меня совсем-совсем не помнишь?..

Глеб удивился. Вопрос выходил за все рамки странности. Как можно не помнить свою княгиню?..

– Ты о чем, Ирина? – удивился он.

А она в ответ закусила губу и взглянула так, словно была глубоко несчастна. Взглянула и тут же отвела взгляд.

Почему? Что он сделал не так? Может быть, обидел? Зря, зря вообще завязал этот дурацкий разговор о купцах. Ну пусть себе сидят в своем Царьграде – это лучше, чем видеть блеск невыплаканных слез в этих глубоких голубых глазах.

– Я виноват! Прости! – он упал перед ней на колени,

желая умереть сейчас, у ног этой святой женщины.

– Нет, ты ни в чем не виноват... – легкая рука опустилась ему на голову, тонкие пальцы скользнули, перебирая пряди его волос. – Ты ни в чем не виноват. Забудь...

«Неужели не помнишь», а потом сразу же «забудь». Должно быть, в этом все женщины, даже лучшие из них.

* * *

В княжеском дворце выяснилось, что Глеб ужасно занят, решая какие-то важные государственные дела, и никак не может принять ее, несмотря на все просьбы и заверения в срочности вопроса. Саша, столкнувшись с таким отпором, несколько растерялась, но все же пошла искать Северина. Комната его стояла пустой, и, расспросив слуг, Александра выяснила, что парень давно уже не появлялся во дворце. «В лесах, – ответили ей, – ему там лучше всего».

Уже опасаясь, что и тут ее будет ждать очередной неприятный сюрприз, Саша направилась к Динке. Как ни странно, та оказалась у себя.

Девочка сидела в комнате и увлеченно гоняла по тарелочке яблоко, витая где-то далеко.

– Дина! – окликнула ее Саша.

– Да, – отозвалась та, даже на миг не поднимая взгляда. Точно так же было, когда Динке попадалась новая компьютерная игрушка или интересный, трудный для взлома сайт.

– Дина! Послушай меня! Это очень важно! Этот мир, в котором мы оказались, затягивает в себя! Понимаешь! Мы все забыли, зачем сюда пришли!.. Ты меня слышишь?!

– Да, – девочка продолжала заниматься своим делом. Ну точно, чем не компьютер?

Поняв, что попытки привлечь к себе внимание мирным путем обречены на провал, Александра схватила с тарелочки яблоко и запустила им в стену. Спелое яблоко треснуло и разломилось пополам, сверкнув маленькими глянцевыми косточками.

Динка наконец подняла на свою гостью глаза, и Саша решила применить ошеломляющую тактику.

– Вот, видишь! – сунула она под нос девочке найденный в горнице у Федора телефон.

Динка взяла аппарат, повертела в руках, понажимала какие-то кнопки и передала обратно.

– Так лучше, – сказала она и нырнула куда-то под лавку.

Саша ожидала, что оттуда сейчас появится как минимум ноутбук, но девочка вытащила всего лишь

тарелку с яблоками, выбрала одно из них и снова запустила на серебряную тарелку.

– Ты что, так и не поняла, что здесь происходит? – спросила Александра, едва не плача.

– Не мешай, – наморщилась Динка, – я занята. Шла бы ты, боярыня... в сад погулять...

Это сочетание старинного обращения и вполне современного хамства окончательно добило Сашу. Чувствуя себя так, словно на нее вылили целый ушат с холодной водой, к тому же кишасей лягушками, она вышла из горницы и побрела куда-то, не различая дороги.

Что же это за магия такая? Как они все, даже не заметив этого, умудрились попасть под ее воздействие? И что ждет их впереди? Зачем все это? Боже, до чего же глупо оказаться в этой западне! И до чего же страшно!.. Саша вспомнила, как к ней прикасались руки чужой женщины, которую она почему-то считала своей мамой, и вздрогнула от ужаса и омерзения. Теперь так называемая семья напоминала присосавшихся к ней жирных отвратительных пиявок.

– Куда идешь, боярышня? – окликнул Александру знакомый голос.

Она словно очнулась и только сейчас заметила, что, оказывается, действительно забрела в сад.

Ян стоял у молодой яблони, насмешливо глядя на девушку из-под густой неровной челки. Внешне казалось, что он совершенно не изменился, но вот внутренне... Неужели и он под властью Китежа? Судя по тому, как он к ней обратился, так и есть. Скорее всего и до него никак не докричатся. На что можно рассчитывать, если ее не вспомнила даже Динка?!

– Я... – Саша посмотрела на зажатый в руке мобильник и немного приободрилась, – я нашла вот это. Мне кажется, ты предупреждал, что нужно быть внимательными, и вроде даже сравнивал Китеж с холмами сидов³, где человек способен забыть о своем родном мире...

– С чем, боярышня? – парень озадаченно уставился на нее. – Какие такие холмы?

На телефон он не обратил никакого внимания.

Безнадежно. Хотя Александра с самого начала подозревала нечто подобное, удар все равно оказался болезненным. Никто из ее друзей не может вспомнить свое прошлое или, что вероятнее, никто из них не хочет этого делать. Их устраивает нынешнее положение. Глеб, похоже, стал

³ Сиды – волшебный народец, называемый также эльфами. По преданиям, в их волшебных холмах можно остаться навсегда, отведав предложенной воды или пищи. Это другой мир, в чем-то похожий на царство мертвых.

доверенным лицом княгини; Северин резвится в волшебных и совершенно чистых в экологическом плане лесах; Динка, как всегда, сидит в виртуальном мире: ей все равно – что ноутбук, что яблоко; Ян радуется магическому раздолью. И только она, как несчастный Нео, неожиданно проснулась и поняла, что служит лишь батареей для вездесущей Матрицы⁴. Ложь. Кругом только ложь...

Пытаться убедить Яна в чем-либо было бессмысленно. Они и раньше плохо ладили. Александра вздохнула и, отвернувшись от него, побрела дальше по дорожке.

– Да пошутил я! Куда ты побежала! – слышалось за спиной. – Помню я все, помню!

Девушка, еще не понимая, оглянулась.

Ян улыбался так довольнo, что ей захотелось треснуть его по башке.

– Ах, помнишь, – зло процедила она, – но решил надо мной поиздеваться!

– Было любопытно, как ты на это отреагируешь. Я вообще очень любознательный! – охотно сообщил Ян, предусмотрительно отступая, чтобы она его все же не треснула.

Однако Саша была так рада тому, что не осталась

⁴ «Матрица» – культовый фильм про псевдореальность, где люди служат элементами питания для глобальной компьютерной сети.

одна, что тут же простила Яна.

– Это место как-то странно воздействует на разум, – торопливо сказала она, – оно словно поглощает тебя. Я только что была у Динки... Она не хочет вспоминать все, что было до Китежа! Даже мобильник не помог.

– Конечно, не помог, – кивнул Ян, – тем более она его уже не в первый раз видела.

– То есть?

Ян засмеялся, сорвал с дерева яблоко и с хрустом откусил кусочек.

– То есть она видит его во второй раз. Первый раз вот этот самый мобильник ей притаскивал я. Там была какая-то проблема с аккумулятором, аппарат не работал, а еще, конечно, был защищен каким-то сложным паролем. Так Динка умудрилась починить и взломать его совершенно автоматически, даже не осознавая, что делает! Вот это уровень! Вот это специалист!

– Ничего не понимаю! – Александра почувствовала, что голова у нее плывет. – А как этот аппарат попал к тебе?

– Нашел его в княжеской сокровищнице, – глумливо усмехнулся Ян, продолжая с явным наслаждением уплетать яблоко. – Валялся себе бесхозный, а тут, глядишь, на пользу пошел.

– На пользу... – машинально повторила Саша. – Но,

значит, этот телефон принадлежал не Федору?

– Федоры тоже разные бывают. Знаешь же, говорят: «Федот, да не тот». В общем, мобильник определенно принадлежал какому-то Федору. Но их здесь несколько. Свечник. Пастух вот тоже Федор. И купец такой есть, а если покопаться...

– Но как...

– Элементарно, Ватсон! – выдал знаменитую фразу Ян. – Кстати, яблочка хочешь? Что, нет? Зря! Вкусное! Так вот, после того как Дина телефон починила и разблокировала, я задействовал свой мощный аналитический ум и решил подкинуть аппарат свечных дел мастеру. Ты туда регулярно таскаешься, а к пастуху или, скажем, купцу и носа не кажешь. Вот я и решил, что появится хороший шанс, что ты найдешь у Федора мобильник, осилишь введенный мною простенький пароль и вспомнишь, как оказалась в Китеже! Вуаля! – он шутовски поклонился. – И ведь сработало!

– Но почему так сложно? Зачем идти таким запутанным путем? – продолжала недоумевать Александра. – Почему бы просто не подойти ко мне и не поговорить?

– А ты бы мне поверила?

– Конечно! – запальчиво сказала Саша, но потом задумалась и покачала головой. – Конечно, нет.

– Вот и я о том же! – Ян закончил с яблоком и запульнул огрызок в кусты. – Думаешь, я не пытался достучаться до Глеба? Он у нас вроде самый умный-разумный. Так что же?..

При упоминании Глеба Саша снова напряглась.

– И что? – спросила она, видя, что Ян замолчал.

– Ничего твой Глеб вспоминать не хочет! Он слишком занят воображаемым управлением воображаемым государством. Стратег! Тактик! Финансовый гений!

Саша покраснела от злости и досады.

– Да много ли ты о нем знаешь! Он в тысячу раз лучше тебя, понятно?!

– Мне-то понятно, – снова усмехнулся парень, – куда уж мне со свиным рылом в калашный ряд. Только я, пока более умные, даровитые и... обаятельные играли в князя, к окружающему присматривался. Никто из вас не заметил, что здесь ничего не меняется, даже девушки-вышивальщицы трудятся над одним и тем же каждый день, и их работа ни капли не движется. Одна вот уже сколько петушиный гребень вышивает! Каждый день заново! Так вот, никто из вас этого не заметил, а я заметил!

– А почему так происходит? – спросила Александра, чтобы скрыть свое смущение.

– А потому, что город застыл, как муха в янтаре. Он

не живой и не способен создавать что-либо. Девушки вышивают одно и то же и никогда не закончат свою работу. Кузнец ежедневно стучит своим молотом – и где, позвольте спросить, результаты его трудов?.. А византийские ткани? Видела, какие платья на княгине? Она носит их, по нашим меркам, далеко не первое столетие, а ткань как новенькая – ни на день не постарела с тех пор, как Китеж сюда провалился.

Вот теперь Саше стало по-настоящему страшно. Она зябко повела плечами и оглянулась, словно опасаясь, что сзади приблизится нечто ужасное.

– И... и ты знал, что так будет, с самого начала? Еще когда мы только собирались в Китеж? – спросила девушка тихо.

Ян сплюнул себе под ноги.

– Нет, не знал. Я тебе не какой-нибудь провидец. Говорю же, что предсказания – это не мое. Только когда попал сюда, во всем разобрался...

Он потерял руку, и Александра вдруг заметила на запястье парня след от свежего ожога.

– Что это? – спросила она, кивнув на болячку.

– Это стигмат. Знак, чтобы не лез куда не следует. Иначе говоря, щелчок по носу или первое предупреждение: не влезай – убьет!

– Кто убьет?.. – почему-то шепотом, еле слышно, спросила Саша.

– Известно кто, – туманно ответил Ян, взглянув на небо, словно оттуда на них был устремлен внимательный взгляд незримого и всесильного существа.

Девушке стало еще более не по себе.

«София!» – вспомнила она. Именно эта святая хранит Китеж! Значит, именно она сделала его таким, каким он сейчас стал! Но это невозможно, немыслимо! Разве может святость привести ко злу?..

Саша поплотнее закуталась в платок, стараясь отогнать от себя самую мысль, такой страшной она ей показалась.

– И что теперь будем делать? – спросила она.

– Ну, теперь нас хотя бы двое, – беззаботно отозвался Ян, и Саша вдруг поняла, что именно он оставался совершенно один, принимая на себя весь груз ужаса. – У меня тут пока... гм-м... вооруженный нейтралитет. Лучше не беспокоить местный астрал раньше времени, а потихоньку приводить славную непобедимую команду в сознание!

Александра нахмурилась. Ну почему этому человеку всегда нужно все испортить? Только начнешь проникаться к нему если не добрыми чувствами, то хотя бы сочувствием, как он обязательно брякнет что-то уж совсем непотребное!

– Да, – Ян развел руками, совершенно верно

истолковав ее гримасу, – я – не идеал. Но что делать – идеалов ныне не завезли... В общем, придется тебе запастись терпением и сотрудничать с тем, кто есть под рукой. То есть со мной.

– Всю жизнь мечтала, – буркнула Александра уже беззлобно. – Я сама попробую поговорить с Глебом, все-таки я знаю его немного дольше, чем ты.

Глава 7

Переговоры

Глеб стоял во дворе, держа за повод гнедого коня.

На парне была богатая княжеская одежда, и он сам, казалось, так прочно принадлежал этому миру, что у Саши от ощущения безнадежности сжалось сердце. Она должна убедить его во что бы то ни стало!

– Глеб! – окликнула его девушка.

Он оглянулся и чуть заметно нахмурился, словно не узнавая.

– Нам нужно поговорить! – решительно заявила Александра и шагнула к нему.

– Нужно? – он приподнял идеально очерченную бровь. – Я собираюсь на охоту. Можешь подать свою челобитную у церкви.

Он потрепал коня, нетерпеливо прядущего ушами, по гриве. Вот-вот вскочит в седло и умчится. Ждать больше Саша была не в силах. Она схватила Глеба за плечи и решительно изо всех сил его встряхнула.

– Ну проснись же! Проснись, пожалуйста! Разве ты меня совсем не помнишь?

В холодных серых глазах не мелькнуло и искорки чувства.

– Глеб! – снова крикнула Саша и вдруг, не выдержав, разрыдалась.

Она не могла видеть его таким чужим, далеким.

– Глеб, пожалуйста, – повторяла она, не стирая со щек дождем струящиеся слезы, – вспомни, ну, пожалуйста! Помнишь нашу школу! Евгения Михайловича, уроки... А наше первое настоящее задание? Помнишь, как мы ездили в Александров и искали в подвалах пропавшую Библиотеку Ивана Грозного? Помнишь, как сражались с мертвыми опричниками? Ну неужели ты все это позабыл! Быть не может!

Глеб потер переносицу, словно пытаюсь вспомнить, и покачал головой.

– Нет, извини... Не мешай, мне пора ехать.

Он высвободился из рук девушки и легко, словно всю жизнь занимался верховой ездой, вскочил в седло.

Бесполезно.

– А помнишь... Ольгу? – вдруг спросила Александра, глядя на него вмиг просохшими глазами. – Ты же ее любил! Разве нет? Ты и ее не помнишь?

Глеб, уже тронувший поводья, круто развернул коня.

– Ольгу?... – повторил он. – Ты сказала Ольгу?

– Да! – девушка намертво вцепилась в его стремя, не собираясь отпускать. – Она любит тебя! Ты не можешь предать ее любовь! Свою истинную любовь!

Каждое слово давалось Александре с трудом, ей легче было бы броситься вниз с обрыва, чем говорить все это. Но выбирать не приходилось.

Надменно-удивленное выражение на лице Глеба сменилось растерянным, задумчивым, затем стало отчаянным.

– Саша?! Я сошел с ума! – пробормотал наконец он потрясенно. Наклонившись в седле, он отер слезы с еще мокрых щек девушки. – Ты плакала... Знаешь, ты похожа на Герду, спасшую Кая из дворца Снежной королевы. Я думал, все это сказки, а тут – на самом деле...

Александра промолчала. Она могла бы сказать, что в отличие от Кая Глеба разбудили вовсе не слезы, а воспоминания о любимой. Если у Саши еще теплилась надежда, что однажды Глеб забудет о своей Ольге, сейчас она погасла. Это имя пробудило его к жизни, а значит, чувство к этой девушке искреннее и глубокое.

– Это не сказка, Глеб, – произнесла Александра, стараясь придать лицу бесстрастное и деловое выражение. – Теперь нас трое – ты, я и Ян. Нам нужно отыскать Северина и как-то привести в себя Динку...

Мы уже пытались, но пока что не получилось. Ей здесь хорошо, как и тебе...

– Какой же я идиот! – покачал головой Глеб. – Мне стыдно, но я совершенно забыл о задании.

– Ничего, – Саша натянуто улыбнулась. – Главное, что ты вспомнил. Это место, видимо, обладает странной силой туманить рассудок. Лучше бы убраться отсюда поскорее. Забрать то, за чем мы прибыли, и уехать. И... я думаю, лучше не говорить обо всем Ирине Алексеевне или кому-то из местных.

При упоминании княгини лицо Глеба вновь стало озабоченным.

– Но мы же не можем украсть икону и сбежать просто так, даже не попрощавшись с ней! Она была очень добра...

– Нам придется сделать это, если мы не хотим остаться здесь навсегда, как другие пришельцы из большого мира. Пойми, Китеж – это ловушка, мы не знаем, как она действует, но лучше не мешкать.

Парень посмотрел в сторону дворца, туда, где располагались покои хозяйки города, и Саша с горечью отметила, что, кажется, он привязался к Ирине Алексеевне.

– Возможно, ты и права. Я еще подумаю об этом, а пока поедем искать Северина. Садись.

Глеб подал девушке руку, помогая забраться в

седло, а гнедой красавец-конь возмущенно заржал, словно протестуя против двойного груза.

– Давай, Буран, – Глеб направил коня к выходу, и стоящие на страже у выезда из кремля охранники почтительно распахнули перед ним ворота.

Они проехали площадь с торговыми рядами – немногочисленный народ расступался так же почтительно – и через ворота города выехали за пределы Китежа – там начиналось поле, наполовину распаханное под огороды, а на горизонте темнела громада леса, таинственно подсвеченная заходящим солнцем.

Саша сидела, крепко держась за Глеба, и думала, что, будь она книжной героиней, из этой поездки вышло бы что-то романтическое. Можно было бы даже изобразить эту сцену на обложке: герой и героиня на гнедом коне едут в закат, и каждому, глядящему на картинку, становится ясно, что это пара, что они будут вместе до самого конца, пока смерть не разлучит их, а смерть и не разлучит – на то они и книжные герои. На самом же деле ни о какой романтике речи и не шло. Глеб любит другую, а значит, нечего так жадно вдыхать его запах, прижавшись щекой к спине парня. Нечего красть жалкие крохи чужого счастья!.. Но что же тогда остается у нее, у Саши?.. Она нищая, одинокая, со своей никому не нужной

любовью, чувством, которое никогда не выльется в слова, потому что Александра скорее умрет, чем признается во всем этом. Сколько они уже с Глебом знают друг друга?..

Девушка помнила, как Евгений Михайлович впервые привел ее в школу. До того Саша жила у тетки в Москве и часто воображала себя Золушкой. Нет, тетя не нагружала ее непереносимо тяжелой работой – обычные обязанности: сходить в магазин, пропылесосить, иногда, редко, погладить какое-то белье, – но девушка остро чувствовала, что она чужая, лишняя. У тети, конечно, была своя, родная дочь Катя, на два года старше Саши и, разумеется, более красивая и успешная. Близости между девочками не получилось и в силу возраста, и из-за разницы интересов. Катю интересовали парни – и она действительно умела нравиться. Саша просиживала над книгами, полностью погружаясь в их волшебные миры, и отчаянно краснела и смущалась, если кто-то случайно вдруг обращал на нее внимание.

После того, что было в ее прошлом, ей хотелось затаиться, раствориться среди людей, потерявшись в огромном городе.

Точно так же она смутилась, когда после одного из литературных конкурсов, где девушка заняла первое место, к ней подошел немолодой мужчина.

Он представился и рассказал о том, что собирает команду талантливых подростков, чтобы обучать их в своей школе. Сначала Александра не поверила и растерялась. Ей было страшно хоть на миг выделиться из толпы, она не верила в свои силы и свой талант... «Спасибо. Я думаю, вам лучше найти кого-то другого», – ответила она тогда. Но Евгений Михайлович, а это был именно он, проявил настойчивость. Однажды, возвратившись с занятий, Саша с удивлением увидела его у них дома, мирно беседовавшего на кухне с тетей. Она мышкой скользнула в комнату, где у нее фактически был только уголок – большую часть занимали Катины вещи: диски, безделушки, смешные плюшевые игрушки, подаренные многочисленными мальчиками...

Чувствуя, что там, на кухне, решается ее судьба, причем решается без всякого ее, Сашиного, участия, девушка ужасно нервничала. Затем в комнату вошла тетя и остановилась, глядя на племянницу.

«Саша, – сказала она вполне доброжелательно, – мне сказали, что ты отказалась от очень хорошего предложения. Не думай, что я хочу избавиться от тебя и выгнать из дома, однако второго шанса может больше не представиться. Ты сирота, у меня тоже нет подходящих связей, чтобы устроить твоё будущее.

Подумай еще раз. Мы подождем».

И она ушла, тщательно прикрыв за собой дверь.

Саша поплакала, как не плакала очень давно, с момента тех самых событий, и, вытерев глаза, пришла на кухню, где ее терпеливо ждали.

«Я поеду в вашу школу», – сказала она Евгению Михайловичу, даже не глядя в сторону тети.

А тот вдруг неожиданно, по-доброму рассмеялся.

– Ты прямо как жена декабриста! – сказал он добродушно. – Можно подумать, что собираешься в Сибирь, на каторгу. Не бойся, не съедят тебя в нашей школе. Правда, учиться придется по-настоящему. Но ты же это можешь, тебе уже скучно в своем классе. Такие способности к языкам, как у тебя, обязательно нужно развивать.

«Знает, навел справки», – метнулось в голове у Александры.

– И потом. Не понравится – вернешься к прежней жизни.

– Я поеду, – повторила Саша уже спокойнее.

А потом она увидела Глеба. И поняла, что уже никуда не уедет из этой школы, как бы плохо там ни было. А было действительно сложно – потому что, кроме гуманитарных предметов, которые Александре всегда давались удивительно легко, приходилось еще тренировать собственное тело, не привыкшее

к систематическим нагрузкам. Но она преодолела и это. И все это время была рядом с Глебом, ничего от него не требуя, даже ничего не ожидая... Она стала увереннее, спокойнее и почти забыла, как была робкой, потерянной девочкой. Она почти поверила, что сможет жить как все и оставаться Глебу другом, просто другом...

– Ты не уснула?

Александра не сразу поняла, что Глеб обращается к ней. Она так погрузилась в свои мысли, что, похоже, пропустила какой-то вопрос.

– Что? – переспросила она.

Оказывается, они достигли леса, и Глеб остановил коня.

– Я спрашивал, как мы будем искать Северина, – повторил Глеб. – Думаю, Бурана лучше оставить здесь, привязав к какому-нибудь дереву, и пойти в лес, позвать Северина. Мне кажется, пространство вокруг Китежа не должно быть слишком большим...

– Да, давай поступим именно так, – Саша прыгнула с коня первой и огляделась. – Скоро будет смеркаться. Ты не боишься?

– Думаю, бояться здесь нечего. Помнишь, Ян говорил, что Китеж – особое пространство. Кстати, а где Ян? – Глеб тоже соскочил с коня и теперь привязывал его к дереву так, чтобы Буран мог

спокойно пастишь.

– Остался в кремле, – отозвалась Саша. – Ну что же, пойдем. Мне все равно как-то не по себе... Похолодало... – она зябко повела плечами.

– Так вечер уже. Это нормально, – отозвался Глеб.

Они вошли в лес, так не похожий на чахлые подмосковные леса. Деревья здесь были огромные, иные – и не обхватить. При этом лес оказался чистым, без густого кустарника. «Как нарисованный, – подумалось вдруг Саше. – Интересно, почему мне сегодня все сказки вспоминаются?..»

– Северин! – кричал тем временем Глеб.

Никто не отозвался, и они двинулись в глубь леса, все время выкрикивая имя друга.

– Северин!

Наконец, когда они уже почти отчаялись, между деревьями появилась знакомая фигура.

Северин шел к ним, и от него веяло первобытной звериной силой. Казалось, будто он – полноправный хозяин этого могучего леса, казалось, будто он здесь на своем месте.

Александра сглотнула. Похоже, уговорить его будет нелегко.

Они пришли к нему – молодой парень в богатых княжеских одеждах и симпатичная девушка с утонченным и вместе с тем трогательным лицом. Они рассказывали ему о том, кем он был и что делал когда-то. Они произносили странные, будто из другого мира, слова: «школа», «задание», «команда».

Северин слушал их совершенно равнодушно и никак не понимал, почему ради этих непонятных «школы» и «команды» он должен покинуть место, где ему действительно хорошо и идти с ними леший знает куда. Если, конечно, их словам вообще можно верить и все это не ловушка. Впрочем, похоже, и парень, и девушка сами верили в то, что говорили, что, опять же, конечно, не исключает возможности наличия вариантов.

И все же он терпеливо выслушал их и только потом пожал плечами.

– Почему же ты молчишь? – спросила его девушка взволнованно.

От нее пахло пергаменом и чернилами – странный, щекочущий ноздри запах. Северину даже стало немного жаль темноволосую незнакомку, претендующую чуть ли не на роль его лучшей

подруги.

– Мне нечего сказать, – прямо ответил он и ушел, несмотря на все их нелепые попытки его удержать. Разве можно удержать волка?!

И вот он уже бежал по лесу, чувствуя лапами теплую бархатистость и ласковость земли, впитывая шкурой вековую лесную мудрость. Он хотел забыть о пришельцах, но не получилось. Мысль о них саднила маленькой, но раздражающей ранкой, а в голове крутилось смутное осознание какого-то беспорядка, какой-то тревоги.

И Северин решил вернуться. Сделав большой круг, посмотреть, как они там.

Уже на середине круга чувство неправильности усилилось, и он, отказавшись от первоначального замысла, пустился напрямик. Вскоре Северин понял причину своего раздражения. Запах. Чужой навязчивый запах. Не людской, скорее волчий, но тоже какой-то странный...

Припустив быстрее, Северин выскочил на поляну, где разговаривал с незнакомцами, и сразу понял, что те попали в серьезную беду. Они стояли спиной к спине, парень – подняв меч, девушка – всего-то с большим ножом, а вокруг них смыкали кольцо волки.

Разумеется, вовсе не обычные волки. Размером они оказались крупнее Северина, покрывавшая их

шерсть была угольно-черной и вздымалась на загривке, но примечательнее всего глаза – ярко-алые, горящие неугасимой ненавистью и жаждой крови. Волколаки-оборотни. Северин не встречал их раньше на своей территории.

Людам не устоять против них, это совершенно точно. С другой стороны, что ему за дело до этих людей, к тому же таких навязчивых!

Но, не успев додумать эту мысль, он, глухо зарывав, двинулся на волколаков.

– Глеб! Это Северин! Он с ними! Он натравил на нас этих волчар! – вскрикнула девушка.

Он обнажил крепкие мощные зубы: все-таки следовало бы оставить эту парочку на прокорм четвероногим собратам, но тогда волколаки решат, что он позволяет им охотиться на его собственной территории! Нет, такого спустить нельзя! Сначала он разберется с ними, а уж потом решит, что делать с людьми.

И он, легко оттолкнувшись от земли мощными лапами, одним прыжком добрался до ближайшего из волков и вцепился ему в горло.

* * *

Она уже считала, что все пропало. Им не

справиться, не устоять против четверых огромных черных волчар с горящими inferнальным алым огнем глазами. Волколаки. Оборотни. Убийцы. Но хуже всего оказалось, когда на поляне появился пятый, уже не черный, а серый. Не узнать эти ярко-синие глаза Александра не могла. Пятый волк угрожающе рыкнул, и сердце девушки сжалось в крохотный комочек: неужели Северин привел свою стаю для того, чтобы расправиться с ними? Неужели Китеж настолько помутил его разум?!

Она крикнула, предупреждая стоящего спиной Глеба о новой опасности, и до боли в пальцах стиснула нож, готовясь отдать свою жизнь как можно дороже... или просто подарить Глебу хотя бы одну лишнюю минуту.

– На дерево! Живо лезь на дерево! – скомандовал Глеб.

Как бы не так! Послушаться – значит оставить его на растерзание превосходящему силами противнику. Ну уж нет! Пусть, если угодно, они начнут с нее.

И тут пятый волк одним завораживающе красивым прыжком преодолел весьма большое, на взгляд Александры, расстояние, и его мощные челюсти захлопнулись на шее черного.

Брызнула ярко-алая кровь. Волколак по-щенячьи взвизгнул, лапы его подломились, и он тяжело,

неуклюже рухнул на землю.

Это словно послужило сигналом к атаке для остальных волков. Двое из них, передумав нападать на людей, бросились к синеглазому волку, убившему одного из их товарищей. Но четвертый все же кинулся к Глебу. Забыв об осторожности и о том, что их спины остаются беззащитными, Саша повернулась, чтобы помочь человеку, которого любила.

Глеб был уже давно готов к бою.

Дрогнул рассекаемый мечом воздух, но волколак ушел из-под удара, страшные зубы щелкнули в нескольких сантиметрах от плеча человека. Видимо, волк, более рослый, чем его обычные собратья, метил сразу в горло. Саша попыталась ткнуть его в морду ножом, но, конечно, тоже промахнулась. Волколак зарычал. Из его пасти несло непереносимым смрадом, от которого у девушки тут же заслезились глаза.

– Уходи! – снова крикнул ей Глеб и крутанулся на месте, нанося новый удар.

В этот раз он задел нападающего, правда, всего лишь по касательной, не нанеся ему серьезных повреждений. Волк присел и снова прыгнул, и только сноровка спасла Глеба.

Александра кинула быстрый взгляд туда, где Северин сражался сразу с двумя превосходящими

его по размерам противниками, и поняла, что дела обстоят не очень хорошо. Надо что-то придумать. Но что может сделать она, хрупкая девушка? И кому помогать: Северину или Глебу?.. Она снова посмотрела на Глеба и поняла, что выбора больше нет.

Волколак все же достал его, и теперь парень лежал на земле, а лапы громадного черного зверя упирались ему в грудь. Видимо, волк как раз собирался вцепиться в незащищенную шею.

Раздумывать Саша больше не могла. Она кинулась к сражающимся и изо всех сил воткнула свой нож волку в глаз.

От воя, в котором смешались и боль, и изумление, и обида, казалось, дрогнул весь лес. Зато Глеб, воспользовавшись моментом, смог, извернувшись, выкатиться из-под врага и нанести последний удар, напрочь срубая волку голову.

Саша всхлипнула и инстинктивно отпрянула, лишь чудом не попав под целый водопад брызнувшей крови. Ее замутило, и девушка, рухнув на колени, судорожно вцепилась пальцами в мягкую траву.

Итак, противников осталось только двое. И один союзник. Что ни говори, гораздо лучше, чем при первоначальном раскладе.

Тем временем дела у Северина шли не

слишком хорошо. На теле синеглазого волка то здесь, то там виднелись раны. Он яростно бросался в атаку, но оба противника действовали слаженно и неумолимо, словно под их глянцево блестящими шкурами скрывался совершенный, хорошо отрегулированный механизм. Черные, неуловимо-быстрые в сгущающемся сумраке леса, они казались тенями, сгустками тьмы. Их зубы щелкали почти беспрерывно.

Глеб, с меча которого еще капала свежая кровь, двинулся к ним.

Как раз в это время один из волков стремительно атаковал Северина, а другой, воспользовавшись тем, что врага отвлекли, бросился на него сзади и вцепился в шею. Синеглазый волк взвыл.

— Глеб! Быстрее! — закричала Александра испуганно.

Но тот уже и сам видел что к чему и, схватив меч обеими руками, изо всех сил ударил вцепившегося в Северина волка по шее. Страшные челюсти разжались. Волколак упал, захлебываясь кровью. Кажется, у него были перебиты позвонки. А синеглазый волк, несмотря на свою страшную рану, с такой яростью обрушился на последнего выжившего нападающего, что тот предпочел искать спасения в бегстве.

Саша, замороженная ужасом и в то же время какой-то странной красотой стремительной и яростной битвы, наблюдала за всем со стороны.

Когда все закончилось, она кинулась к Северину. Еще мгновение назад он был волком, но теперь на щедро залитой кровью траве лежал парень. Плечо около шеи было разорвано. К счастью, позвоночник был цел, а артерии оказались не задеты. Но и без того кровь обильно лилась из раны.

Радуюсь наличию льняного нижнего платья, Александра, резанув ножом, оторвала от его юбки широкую полосу и принялась накладывать тугую повязку.

— Что с ним? — Глеб с беспокойством наклонился над другом.

— Кажется, обойдется. Но он без сознания, — ответила Александра. — Повезло ему, что у волков шкура толстая, а на загривке густой мех. Еще бы немного...

Она замолчала.

Глеб кивнул и, сорвав пук травы, принялся отирать окровавленный меч.

В лесу было темно и тихо, а над деревьями уже показался тонкий серпик молодой луны.

— Вот сейчас, если что, нас можно брать тепленькими, — заметил Глеб, оглядываясь. —

Интересно, это случайность, что волколаки напали именно в то время, когда мы поняли, что происходит, и собрались выбираться из Китежа?

– Не верю я в случайности, – отозвалась Саша. – Но, кажется, обошлось. Хорошо, рана уже закрылась. Видишь, больше не кровоточит. Что будем делать дальше?

При слабом свете луны лицо Северина казалось белее простыни, однако он был жив. Саша слышала его дыхание и надеялась, что сильный молодой организм сможет справиться. Только бы не началась лихорадка.

– А что делать? – Глеб пожал плечами. – Надо бы добраться до нашей аптечки и подлечить Северина. Я слышал, у... м-м-м... у оборотней хороший обмен веществ и ускоренное восстановление. Будем надеяться на это. Но в любом случае, чем раньше мы покинем это место – тем лучше. Если что, понесем его. Главное, чтобы от тряски рана не открылась снова. Не будем терять времени. Побудь с ним, а я сооружу волокуши.

Пока Александра, склонившись над Северином, прислушивалась к каждому ночному шороху, Глеб соорудил из нескольких связанных между собой веток нечто пригодное для транспортировки. Они осторожно переложили на них все еще не

пришедшего в сознание друга и потащили туда, где ждала лошадь.

Однако и здесь их ждал новый сюрприз: Бурана не было. На дереве остались только обрывки веревки.

– Кажется, четвертый волк, – хмуро заметил Глеб, – он знал, где мы оставили коня, и, не справившись с нами, лишил нас средства передвижения.

Со стороны волокуши послышался стон.

Александра и Глеб, позабыв о своих страхах, кинулись к другу.

Северин пришел в сознание и сейчас уже поднялся на локте, недоуменно оглядываясь.

– Где волки? – спросил он хрипло.

– Погибли. Все, кроме одного. Тот убежал. Мы его упустили, и, кажется, зря, – ответил Глеб. – Лучше скажи, как ты себя чувствуешь?

– Могло быть и лучше... – Северин с трудом поднялся на ноги. – Кажется, вы меня спасли.

– Тебе лучше отлежаться! – живо откликнулась Саша. – Вот доберемся до аптечки...

– Не надо, – прервал ее парень. – Чего вы от меня хотите?

Глеб вздохнул.

– Ничего, – ответил он, – ты помог нам, мы – тебе. Считай, мы в расчете. И если ты хочешь все же остаться в Китеже, не станем тебя принуждать.

Однако просто знай, что твое место не здесь.

Саша в ужасе смотрела на Глеба. Что это такое он говорит? Как это «можешь остаться»?! Довольно того, что они однажды уже чуть не потеряли Северина, но теперь... Как можно оставить его?!

Глеб едва заметно кивнул, показывая, что, мол, все в порядке, а ситуация под контролем. Интересно, под каким это контролем, когда они едва не погибли в лесу, остались без лошади, а в довершение всего Северин, похоже, так и не поверил их рассказу?!

— Значит, я могу уйти? — переспросил Северин, недоверчиво глядя на Глеба.

— Значит, можешь, — тихо ответил тот, — но нам бы этого не хотелось.

«Глеб все же знает, что делает, — подумала Александра, — не зря же Светлана натаскивала его в области психологии».

Но в следующий же момент вспыхнувшие было надежды обратились в прах.

— Удачи вам. И спасибо, — сказал Северин и пропал во мраке. Он двигался еще скованно, но видно было, что раны заживали с невероятной скоростью.

С минуту после его исчезновения Глеб и Александра молча стояли друг напротив друга — словно враги.

— Ну и что ты натворил? — наконец спросила Саша

напряженным, дрожащим от волнения голосом. – Зачем ты его отпустил?! Нужно было заставить его пойти с нами, стукнуть по голове и потащить, наконец. Главное – вытащить отсюда, из Китежа!

Глеб покачал головой. В сумраке ночи разглядеть выражение его лица не представлялось возможным.

– Спроси у Яна, – сказал он, – но мне кажется, вытащить отсюда силой нельзя. Насколько я понял, нужно добровольное желание. А так у нас есть шанс. Не слишком большой, но единственный шанс, что Северин все же опомнится. Иначе – никак.

Возможно, в его словах и был резон, тем более сейчас, оставшись без средства передвижения, они не смогли бы насильно доставить друга в город, к Яну.

– А что, если Динка тоже так и не вспомнит о прошлом и не захочет уходить отсюда? – задала Саша еще один волнующий ее вопрос.

– Не знаю, – Глеб тяжело вздохнул. – Знаю лишь одно: мы попытаемся. Мы сделаем все, что от нас зависит.

Глава 8

Явление князя

Они шли несколько часов при свете тонкого ломтика луны, и больше никто их не тревожил.

Ян уже ждал их.

– Что так долго? И где Северин? – встретил он друзей вопросами.

Глеб коротко рассказал о том, что случилось, и Ян покачал головой.

– Эти волколаки неспроста, – сказал он, – это свидетельство, что Город все знает. Плохо. Вероятно, они не слишком хотят выпускать нас отсюда и сделают еще что-нибудь.

– А как у тебя? Есть идеи, как достать икону? – Глеб не собирался пускаться в ненужные разговоры.

– Есть! – неожиданно ответил Ян и тряхнул густой челкой. – Собственно, я занимался этим вопросом с самого начала, пока вы управляли Китежем, создавали шедевры древнего письменного искусства и самозабвенно бегали по лесам.

Он посмотрел на Сашу с видом превосходства, и ей стало досадно. Конечно, в словах Яна была правда, однако можно было не подчеркивать ее каждый раз с

такой утомительной навязчивостью.

– Я слышал, это ты помог нам вспомнить о прошлом? Спасибо, – Глеб пожал Яну руку. – Ну так что, давайте я еще раз поговорю с Динкой, а вы пока готовьтесь к тому, чтобы взять икону и линять отсюда как можно быстрее.

Он ушел, а Ян с усмешкой покосился на Александру.

– Ну что, подмастерье, пойдем работать, раз начальство велело!

«Не буду поддаваться на его провокации. Просто не стану обращать внимание, и рано или поздно ему надоест дразнить меня», – подумала девушка и отвернулась.

– Кстати, я тут анекдот на днях придумал, – продолжал Ян, доставая из сумки какие-то принадлежности – амулеты, свечи, мел... – Вот представь: встречаются двое. Один говорит: «У тебя есть увлечения?» Второй: «Ну да, секция». – «Какая секция?» – «Вивисекция⁵, конечно».

Саша поморщилась. Анекдот оказался как раз под стать рассказчику. Наивно было бы ожидать от него чего-то более умного или тонкого. Этот человек, похоже, делал все для того, чтобы быть как можно

⁵ Вивисекция – буквально «живосечение», операция на живом животном.

более неприятным и шокировать окружающих. Не дождется. Хотя девушке оставалось лишь смутно надеяться, что анекдот окажется не в руку и для обряда не потребуется замучить какое-нибудь животное.

Они вошли в пустую, темную церковь, и Ян с деловитым видом принялся расставлять свои свечи. Александра искоса наблюдала за ним. Он был серьезен и спокоен, как будто занимался обычной рутинной работой. Станный человек. Очень странный...

Через некоторое время приготовления были закончены, и Ян с явным удовольствием оглядел плоды своей работы: очерченный мелом круг, пентаграмму, в углах лучей которой сияли свечи и были начертаны странные, непонятные девушке символы.

— А вот еще анекдот. Правда, уже не мой, но все равно хороший, — принялся рассказывать парень, словно не замечая молчания своей спутницы. — Нужно студенту сдавать начертательную геометрию, а он в ней ни бум-бум. Значит, начертил студент пентаграмму, вызвал демона и велит ему: «Помоги мне сдать экзамен по начертательной геометрии». А демон: «Ах, у тебя проблема с начертательной геометрией?..» Посмотрел на пентаграмму, а она

действительно криво нарисована. Вот он высунул свою когтистую лапу за пределы не защищающих студента кривых линий, сцапал бедолагу и утащил прямым в ад!..

– А у тебя с начертательной геометрией тоже проблема? – не выдержав, поддалась на провокацию Саша.

– Ну что ты, красавица, – рассмеялся довольно маг. – Я начертательной геометрией лет с десяти занимаюсь. Как раз, помнится, мне книжка хорошая попалась... Вот я над ней все дни и просиживал.

– Хорошее же у тебя, видно, было детство, – хмыкнула Александра, – железные игрушки, привинченные к полу, и, думаю, масса друзей.

– Какое было, такое было, – вот теперь уже Ян отвернулся, и Саша почувствовала удовлетворение от того, что сумела нащупать его болевую точку. – Но, кажется, и ты сама о своем не слишком вспоминать любишь? Разве нет? Что там, интересно, за история с близняшкой?..

Девушка до крови закусил губу, понимая, что торжествовала слишком рано.

– Ладно, не злись, оставим это. Все равно пока, как бы тебе это ни было неприятно, приходится работать вместе, – примирительно произнес Ян. – А вот и наш босс возвращается.

Саша не слышала шума шагов, но слова Яна тут же получили подтверждение: на пороге церкви появился Глеб.

– Все готово? – спросил он, оглядываясь.

– Все готово, товарищ командир! – отрапортовал маг. Любой генерал повесился бы, доведись ему по несчастью заполучить такого солдата.

– А что Дина? – Саша с беспокойством уставилась на дверь, за которой, кажется, больше никого не было.

– Собирается, – устало улыбнулся Глеб. – Честно говоря, пришлось трудновато. Но у нее есть какой-то маячок в нашем мире. Она хочет туда вернуться. Остается только Северин... Надо будет предпринять еще одну попытку убедить его. Но, боюсь, он может просто не захотеть с нами разговаривать, а мы едва ли сможем найти его в диких лесах.

Александра кивнула. Если уж он ушел после того, как они вместе преодолели страшную опасность, надежда, что парень вспомнит о прошлом и очнется, становилась и вовсе призрачной. Но что же делать? На миг Саше подумалось, что, возможно, не так уж плохо для них для всех остаться в Китеже. Если играть по их правилам, бояться тут нечего. Можно жить в собственное удовольствие ближайшую вечность, возиться с книгами, дышать воздухом, напоенным историей... И ни один призрак из

прошлого не решится потревожить ее здесь... Ни один...

– И не думай. Помни, ты мне еще должна, – прошептал на ухо Ян.

Он что, еще умеет читать мысли?! Этого еще не хватало!

– Отдам я тебе твой рубль, – Саша попыталась нащупать карман, но вспомнила, что до сих пор одета в местную одежду.

– Во-первых, не рубль, а десять. А во-вторых, сейчас не возьму, – усмехнулся несносный Ян. – Думаю вообще на будущее этот должок за тобой оставить, чтобы потом, как в «Ералаше», тебя из любого места призывать: «Сашенька-дружок, есть один должок...» Помнишь?

– Обойдешься! – рассерженной кошкой прошипела Саша.

– Если вы закончили секретничать, может быть, начнем? – спросил Глеб, и Саша почувствовала, как у нее зарозовели щеки. Еще не хватает, чтобы Глеб решил, будто ее и этого больного на всю голову чудика что-то связывает!

– Как прикажете! – привычно принялся кривляться Ян. – Отойдите и помолчите немного. Я приступаю.

Бормоча что-то под нос, он зажег лучину и, уже от нее, свечи.

– Именем того, кому ведомы все тайны, повелеваю тебе – спустись, – доносилось до Александры.

Икона, зависшая почти под куполом, едва заметно дрогнула и действительно медленно, словно неохотно, стала опускаться.

Это было и красиво, и страшно одновременно. Сашу пробрала дрожь. Даже странно, почему такое чувство в однозначно святом месте?.. Как может пугать святыня? Девушка еще помнила то чувство умиления и восторга, что охватывало ее раньше, когда она оказывалась в церкви. А что же теперь? Может быть, все дело в том, что они пришли ворами под покровом ночи?.. «А что будет с Китежем, когда мы заберем икону?» – впервые пришла ей в голову простая мысль.

Обдумать ее Саша не успела, потому что икона святой Софии оказалась прямо перед ней, в центре начерченной Яном пентаграммы. Сияние, окружающее артефакт, отступило, и наконец можно было в подробностях разглядеть то, что на ней изображено.

– Не может быть! – воскликнул Глеб. – Этого никак не может быть! Это же...

– Ты прав, – послышался от двери знакомый голос. – Ты совершенно прав. Это я.

Александра медленно оглянулась.

Княгиня Ирина Алексеевна стояла как раз на границе ночной мглы и даваемого свечами неяркого искусственного света. Сегодня на ней были белоснежные одежды, украшенные драгоценными рубинами, похожими на брызги крови. Она казалась даже красивее, чем всегда, и в то же время в красоте ее было что-то запредельное, страшное.

Саша невольно поежилась и вновь перевела взгляд на икону.

Святая София Китежская была точной копией княгини. Те же утонченные, почти детские черты лица, тот же безмятежный и одновременно глубокий, всепроникающий взгляд. Даже одежды на ней оказались точь-в-точь такие же: белое и алое.

– Это же вы! – прошептала девушка, прижимая руку ко рту.

Ирина Алексеевна кивнула.

– Ну что же, вы узнали главную китежскую тайну, и теперь я должна буду вас убить, – произнесла она спокойным голосом.

Александра отпрянула, а Глеб потянулся за висевшим на поясе мечом.

– Шучу! – княгиня рассмеялась. – Неужели вы и вправду считаете меня порождением зла и думаете, что я могу причинить вам вред?

– А волколаки? – напомнила Саша. – Только не

говорите, что ничего о них не знаете.

– Знаю, – Ирина Алексеевна развела руками, так что широкие белые рукава плеснули волной – это тоже было завораживающе красиво. – Они должны были немного напугать вас, но перестарались. Я бы наказала их, но, кажется, они и так оказались наказаны в достаточной мере. Разве нет?..

Саша промолчала, а княгиня шагнула к ним.

– Я мало знаю о том мире, что лежит за пределами Китежа, но из рассказов своих случайных гостей, из ваших же рассказов, понимаю, что жизнь там беспокойна и страшна. Люди боятся и не любят друг друга. Войны, грабеж и убийство... В Китеже такого нет и быть не может. Мой город – оплот спокойствия и счастья. Спросите любого из жителей Китежа – все они по-настоящему счастливы...

– Они просто не видели ничего другого, – возразила Александра, – у них нет выбора.

Княгиня улыбнулась.

– Конечно, видели, – сказала она, – не все были здесь с того самого мгновения, когда мы, спасаясь от дикой толпы убийц, воззвали к святой иконе с просьбой защитить и укрыть город и живущих в нем людей. Иногда к нам попадали странники, и все они оставались здесь, в идеальном и безопасном мире.

– Потому что забывали о своем прошлом! –

напомнила Саша.

– Потому что не хотели о нем вспоминать, – Ирина Алексеевна подошла к девушке, ласково провела ладонью по ее щеке. – Вы бы тоже хотели забыть о нем. Вспомни, что ждет тебя по ту сторону наших стен! Разве ты хочешь жить в постоянном страхе, путаясь в собственных кошмарах и не различая грани между сном и явью? Здесь я дала тебе то, что ты хотела, – семью, покой, любимое дело. Что еще тебе нужно?.. Не бойся, здесь нечего бояться, я защищу тебя! Это мой долг – защищать и стоять на страже!

Глаза княгини вдохновенно сияли. Она действительно казалась святой, так что хотелось поклонить колени и, орошая слезами подол ее белоснежных одежд, молить о прощении.

– А не много ли вы на себя берете? – поинтересовался Глеб, и княгиня повернулась к нему, давая Александре возможность выйти из-под воздействия ее мощной ауры.

– Да, я беру на себя много, Юрий, и только я знаю, как тяжела эта ноша, – проговорила Ирина Алексеевна, глядя в глаза Глебу.

– Юрий? Но почему вы зовете меня так? – удивился он.

– Потому что это твое настоящее имя, – ответила княгиня, – потому что это тебя я ждала все это время.

И вот ты вернулся.

Глеб отступил от нее, потирая ладонями виски.

– Нет, – возразил он, качая головой. – Вы ошибаетесь!

– Я никогда не ошибаюсь, Юрий, – теперь она смотрела только на него, и Александра ощущала, что они – лишь декорация, статисты, основных действующих лиц сейчас двое, и только от них зависит выбор. – Я ждала тебя так долго, что исчезло само понятие о времени, но я ни на миг не переставала верить в твое возвращение. Каждый вечер я зажигала свечу на окошке своей светлицы, чтобы этот путеводный свет привел тебя ко мне, не дал сбиться с дороги. И вот ты здесь. В другом теле и другом обличье, однако я узнала тебя, потому что могла бы узнать любым, каким бы ты ни был!

Волком ли, ветром, орлом златоглавым,
Шелестом трав и закатом багровым,
Умирающим, больным иль здоровым —
Я узнаю и приму любого... —

повторила Ирина Алексеевна слова песни, что слышали они еще в первый вечер пребывания в Китеже.

– Не может быть! Сознайтесь, вы придумали это, чтобы удержать нас здесь! – воскликнул Глеб.

Княгиня покачала головой.

– Неужели ты думаешь, что я могу обмануть? – спросила она с такой горестью в голосе, что даже Саша почувствовала боль и раскаяние. – Мои уста никогда не осквернялись ложью. Я не могу лгать, тем более – тебе. Вспомни, ты же всегда чувствовал смутную тоску, прошлое всегда было в одном шаге от тебя, только протяни руку!..

Глеб опустил голову, лоб его прочертила четкая вертикальная складка, и Александре вдруг показалось, что он стал старше. Что он – не просто мальчишка, пусть и возглавивший их небольшую команду, а настоящий правитель, воин, князь...

Что, если слова княгини правдивы?.. Вот откуда в Глебе и сила, и решительность, и гордость, и то особое обаяние, которое всегда привлекало к нему людей. То, которое словно магнитом манило саму Сашу.

– Почему вы не сказали мне раньше? – спросил Глеб, поднимая взгляд на княгиню.

– Потому что боялась испугать тебя, потому что надеялась, что ты сам все вспомнишь. Ты был от меня так близко и не мог вспомнить, это причиняло мне ужасную муку. Знаешь, я предпочла бы, чтобы в меня вонзилась злая татарская стрела, чем снова пережить такое... Но в то же время я была рада,

я была счастлива. Впервые за минувшие века моя надежда стала превращаться в реальность. Еще немного, и ты бы вспомнил, я чувствовала это! Юрий! Я обращаюсь к тебе! Твоя душа много странствовала и устала! Так приди же в мои объятия! Здесь покой! Здесь счастье! Здесь – твой истинный дом!

Эти слова казались в полумраке церкви закатьем. Голос княгини звучал такой любовью и мукой, что даже свечи плакали своими восковыми слезами. Нет, Ирина Алексеевна не лгала, не притворялась. Так не лгут.

Глеб, глядя в глаза княгини, шагнул к ней, и она, словно обессилив, белой голубкой бросилась в его объятия, прижалась к его плечу...

Глава 9

Зов прошлого

Рассвет был невероятно, обжигающе красив. На синем безоблачном небе поднималось алое пламенеющее солнце, и мартовский глубокий еще снег вспыхивал тысячью искорок.

Он смотрел на эту картину и чувствовал, как сердце замирает от любви и восторга. Тишина казалась такой безмятежной, что на миг – всего лишь на миг – он забыл и о замершем в ожидании войске, и о грядущей битве... Татары во главе с одним из Батыевых полководцев Бурундаем были уже близко. Они могли появиться со дня на день. Может быть, уже завтра...

Завтра... Князь Юрий сжал зубы и вдруг увидел на фоне пламенеющего солнца чей-то силуэт. Всадник из всех сил погонял коня, приближаясь с каждой минутой.

Юрий приставил ладонь ко лбу, чтобы лучше разглядеть скачущего, однако солнце слепило, превращая человека и коня в какое-то странное и страшное фантастическое животное.

Миг – и личная охрана князя сомкнула круг,

защищая своего повелителя. На сердце у Юрия стало тревожно. Видимо, гонец, и с недоброй вестью. К дурным вестям ныне не привыкать.

Вот всадник уже близко – так, что можно разглядеть клоками слипшуюся от крови бороду, знакомое лицо, пересеченное свежей, еще кровоточащей раной.

Юрий пошатнулся, чувствуя, как слабеют его ноги. Воевода Ерофей Семенович, возглавляющий трехтысячный сторожевой полк, никогда не бросил бы свою рать...

– Княже! – еще недавно крепкий и могучий, словно старый дуб, воевода вдруг показался глубоким стариком. Он соскочил, вернее, скорее свалился с коня, упав на землю перед Юрием. – Помилуй, княже! Полк разбит! Татары идут!

Каждое слово звучало тревожным набатом.

– Как же так, полк разбит, а ты еще жив, воевода? – спросил Юрий, чувствуя, как слова застывают в морозном воздухе.

– Вели казнить.

Седая голова склонилась перед ним, а взгляд князя почему-то задержался на выпавшем из прорванной кольчуги массивном нательном кресте воеводы.

Во рту Юрий ощущал солоноватый привкус крови, а грудь болела, словно в нее ударил копытом норовистый татарский конь.

– Живи, воевода, – прохрипел он, сглатывая тяжелую тягучую слюну – как будто и вправду крови испил. – Живи, если сможешь... Братья, – он отвернулся от Ерофея Семеновича, повернувшись к своему отряду. – Не посраим земли русской! Дадим отпор поганым нелюдям!

Войско откликнулось дружным гулом.

Сколько из этих людей доживет до заката? Скорее всего немного. Совсем немного. А ведь добрая половина отряда – плохо обученные и скудно вооруженные ополченцы. Ой, прольется горячая кровушка, растопит снег, ручьем устремится к Ситиреке... Ой, земля русская, сколько крови своих сынов тебе еще предстоит испытать? Сможешь ли ты оправиться, заколосятся ли на белых костях твоих детей тучные посевы? Взойдет ли вновь над тобою солнце?..

Дальше время словно свернулось в огненный клубок. Следующий гонец прибыл от засадного полка. Просили помощи, и Юрий отправил с ними часть своих воинов и часть отряда правой руки. Татарские отряды, похожие на огромные клещи, что используют в своем деле кузнецы, сжимали кольцо. Их было в три раза больше, чем русских. Безжалостные, быстрые, они действовали так слаженно, словно заранее просчитали каждый шаг.

«Предатель! Среди нас есть предатель», – понял князь, но это уже не имело никакого значения, потому что враги были уже подле него, и приходилось безостановочно махать рукой, кося их направо и налево. «Словно крестьянин, выполняющий обыденную работу», – мелькнуло где-то в голове.

Кровь заливала лицо. Ресницы слиплись – так что он едва мог видеть.

Князь знал, что умрет. Смерть дышала ему в ухо, касалась обожженной щеки своим раздвоенным змеиным языком.

«Я за тобой, княс-с-с-с-сь, – шипела она, – собирайс-с-с-ся!»

В голове, казалось, оглушительно бьет тяжелый медный колокол.

«Бом-бом-бом! Час пришел!»

Лед под ногами ломался, растопленный живой человеческой кровью. Река Сить пучилась под толстым настом, как пучит живот после обильной трапезы на пиру. Еще бы: столько кровушки испить – не каждый сдюжит!

Вокруг становилось черным-черно.

День? Ночь? Уже не разобрать.

Ирина... Мысль о ней пронзила сердце князя за мгновение до злой татарской стрелы. Ирина... Значит, так и не суждено им увидеться в этой жизни. Может

быть, там, в чудесно исчезнувшем Китеже, она найдет покой и спасение. Она всегда хотела покоя. А он...

Время словно остановилось. Он не чувствовал боли, но меч почему-то выпал из вдруг ослабевших пальцев.

«Ты мой, княс-с-с-с-сь! Ты навеки мой!» – хохотала смерть, дыша в лицо тошнотворной вонью.

Он упал на лед, а кривая татарская сабля опустилась на шею, отсекая гордую голову.

Говорят, хан Батый принял этот дар от своего верного полководца и объехал с головой князя Юрия вокруг всего своего несчетного войска, похваляясь победой и понося самыми грубыми бранными словами поверженного противника.

Все это было потом и было уже не важно...

* * *

Саша видела, как Глеб покачнулся и закрыл лицо рукой. Его боль ощущалась так остро, словно была материальной, словно вонзалась девушке в душу миллиардами острых осколков.

– Глеб!

Она шагнула к нему, но княгиня вдруг нахмурила тонкие брови, кинув на Александру гневный взгляд.

– Он мой! – сказала Ирина Алексеевна. Странно, ее

слова показались вдруг Саше змеиным шипением. – Я так долго ждала его, и теперь он мой!

– Девушки, а вот и не подеретесь! – слышался насмешливый голос Яна, о котором Александра, признаться, уже позабыла. – Слышал я, конечно, что у нас недостаток мужиков, но чтобы до такой степени...

– Не вмешивайся! – резко сказала княгиня, полоснув взглядом по магу. – Хочешь – убирайся отсюда и ее, – она равнодушно кивнула в сторону Саши, – прихвати.

– Глеб! – снова позвала Александра.

Он казался околдованным, погруженным в странный кошмар, видимый лишь ему одному.

– Он вспомнил! – торжествуя, проговорила княгиня и сухо рассмеялась. – Он все вспомнил! Я знала, знала, что так и будет!

Саша чувствовала дурноту, а в горле стоял ком. Смотреть на Ирину Алексеевну было почему-то неприятно, и девушка уставилась в пол.

– Однако клевое у тебя царство, – продолжал издеваться Ян, – все так гармонично, слаженно. Все счастливы, сыты и довольны. Спасибо тебе, что ты берешь к себе нашего Глеба. А мы с Сашей, выходит, не заслужили? Что, даже в качестве батареек для твоей Матрицы не нужны? А зря! Знаешь, какая из меня хорошая батарейка выйдет?..

Александра слушала этот бред, удивляясь, как Ян еще может паясничать. Ясно же, что они проиграли. Но что сделает княгиня, если ее окончательно разозлить? Может, уничтожит, а может, вышвырнет из Китежа, что для Саши почти равносильно уничтожению. Как можно оставить с ней Глеба, пусть даже она и права, и он когда-то был тем самым князем...

Додумать она не успела, потому что Ирина Алексеевна вдруг с тихим стоном, как-то особенно плавно, по-лебяжьему, рухнула на пол.

За ней стояла Динка с какой-то из своих железок.

— Спасибо, что отвлек! — улыбнулась девочка Яну.

Тот, как всегда иронично, поклонился:

— К вашим услугам, прекрасная госпожа! Вы, надо сказать, просто на редкость вовремя!

— От этого растреклятого яблока тоже прок иногда бывает, — буркнула Динка. — А что это с ним? — она кивнула в сторону Глеба.

— Ностальгические воспоминания! — хихикнул Ян.

— Мне кажется, лучше его сейчас не беспокоить, — Саша прожгла Яна презрительным взглядом. — Ему пришлось очень тяжело, и нужно время, чтобы прийти в себя.

Динка хмыкнула и покосилась на лежащую без чувств княгиню.

– Надо бы... того... побыстрее. А то вдруг она очнется? – опасливо сказала девочка. – Кстати, скажите спасибо, я вам вещи, чтобы переодеться, принесла.

Динка уже вернула свою обычную одежду и была сейчас в джинсах, футболке с черепом и со своим рюкзаком. Распустив завязки, она принялась доставать вещи друзей.

– Вот, – похвасталась она гордо, – раскопала в одном из сундуков. Тот оказался, конечно, закрыт... Ну, я вам скажу, замки они делали примитивные – даже скучно открывать было. Душа просила чего-то такого... волнительного, особенного, а там – легкотня!..

– А что это у тебя? – вдруг спросила Александра, заметившая среди вещей знакомое серебряное блюдо.

Динка покраснела.

– А что, не оставлять же ценный артефакт! Ирина Алексеевна мне сама его, между прочим, дала!

Саша молча смотрела на подругу, и та под ее взглядом еще больше смущалась.

– Мы же икону брать все равно собираемся, я не поняла, почему бы еще блюдечко не прихватить, – она жалобно, совсем по-детски, шмыгнула носом. – Оно ведь княгине все равно не так нужно, как нам!

– Захвати еще золотые украшения и камни со всех здешних женских тряпок, – посоветовал Ян. – Они нам тоже больше, чем княгине, пригодятся. Всегда можно потратить деньги на благородные цели. А что может быть благороднее, чем благоустройство себя, любимого? Ты знаешь? Я – нет! – он повернулся к Саше, словно ища у нее поддержки.

– Ну это же не воровство! – Динка уже едва не плакала. – Почему икону брать можно, а видеодевайс – нет? Откуда такое неравноправие?!

– Потому что икону мы тоже брать не будем.

Александра произнесла эти слова и вдруг почувствовала, что сказала совершенно верно. Это и есть единственно правильное, единственно спасительное решение. Иначе – никак нельзя!

– Что ты сказала? – вот теперь Глеб окончательно пришел в себя и смотрел на Сашу с изумлением.

Впрочем, как и остальные «русичи».

– Я сказала, что икону мы оставим в Китеже, как и серебряное блюдо. Нельзя брать отсюда ничего. Тем более – икону. Вы сами видели, во что она превратила этот город. Это и называется ее защитой?.. Тогда я первая скажу: такой защиты я не хочу! Я не хочу менять свою жизнь на застывшую не-жизнь Китежа!

Мгновение в церкви стояла напряженная тишина, а потом Ян зааплодировал.

– Bravo! – воскликнул он. – Действительно, bravo! Мне кажется, девочка, из тебя будет толк, ты умеешь мыслить... иногда...

– Ты уверена? – нахмурился Глеб. Он не сводил взгляда с Саши.

Она кивнула.

– Но это же будет фейл?! – не сдавалась Динка. – Мы же проиграем, если вернемся без артефакта, за которым и пришли сюда!

– Фейл будет, если мы его возьмем, – твердо проговорила Александра. – Нужно уметь делать выбор. Итак, кто за то, чтобы оставить икону Софии Китежской здесь? – она первая, без колебаний, подняла руку.

Сразу вслед за ней взметнулась рука Яна.

– Я посмотрелся на здешнее волшебство и вовсе не уверен, что оно принесет благодать нашему, так сказать, реальному миру. Видели, что случилось с Ириной Алексеевной? Думаю, это влияние иконы, и оно достаточно сильно, чтобы подчинить любого из своих обладателей.

– Ты прав, – серьезно ответил Глеб и тоже поднял руку. – Княгиня изменилась, и думаю, виновна в этом именно икона. Она опасна.

– Ну вот, опять я в меньшинстве, – Динка снова хлопнула носом, демонстрируя всю трагичность

своего положения. – Ну уж ладно – вы взрослые, умные...

Она вынула из рюкзака блюдо и положила у бессильной руки княгини.

Ирина Алексеевна укоризненно смотрела на них с иконы святой Софии, и от этого взгляда всем было не по себе.

– Отпусти ее, а? – попросила Александра Яна.

Тот кивнул и принялся тушить свечи, а икона стала медленно подниматься на свое прежнее место, под купол белой нарядной церковки славного, давно уже не живого града Китежа.

– Вот и все, – едва слышно сказал Глеб. – Надо уходить, но мы не можем уйти без Северина. Надо попытаться отыскать его, но... быть готовыми к новому нападению волколаков или кого-нибудь похуже.

Саша покосилась на него. Он выглядел таким же, как всегда, может, только немного взрослее, жестче. Интересно, что он все же вспомнил? И останется ли после этого тем Глебом, которого они знали раньше?..

– Нападение волколаков? Превосходно! – Ян сдул с носа закрывшую глаз рваную челку и потер руки. – А я как раз сожалел, что не участвовал в таком прекрасном аттракционе! Пусть уж повторяют на бис!

– Согласна, – тут же заявила Динка. –

Переодевайтесь, и двигаем к лесу. Бросать здесь Северина никак нельзя.

– Вот и не бросайте. Не знал, что я – такой необходимый член команды, – слышалось от дверей.

Северин почти терялся в темноте, но это был именно он.

– Северин! – Динка взвизгнула и с ребячьей непосредственностью кинулась ему на шею.

Саша и Глеб тоже поспешили к другу. Тот казался растроганным, хотя и морщился от боли всякий раз, когда кто-нибудь задевал его раненое плечо.

– И давно ты здесь? Ты, кажется, собирался предпочесть леса? – спросил Глеб, когда с объятиями и дружескими рукопожатиями было наконец покончено.

– Некоторое время, – тот пожал плечами, – достаточное, чтобы разобраться в ситуации. Честно сказать, я сразу пошел за вами... Мало ли что... Вдруг бы еще кто напал...

– Ну... раз счастливое воссоединение произошло, предлагаю, как и советовала юная леди, – Ян небрежно кивнул в сторону Динки, – валить отсюда. Пока не поздно. Или кто-то все же хочет остаться и насладиться властью и преданной любовью?..

Сердце в груди у Александры замерло. Она и

корила Яна за слишком прямой, болезненный вопрос, и жаждала знать на него ответ, от которого зависело если не все, то очень, очень многое.

– Я иду с вами, – сухо сказал Глеб, не глядя на мага. – Никогда не хотел жить в коконе, и знаете что, мне вовсе не нужен покой... – Он улыбнулся и продолжил уже совсем другим тоном: – А теперь что? Нам нужно выйти за пределы города и опять повторить какой-нибудь обряд?

– Ну, если никто не настроен принять ванну, то лучше действительно выйти, – Ян подмигнул. – Если кто забыл, в нашем мире как раз на этом месте прекрасное озеро.

Прежде чем выйти из церкви, Саша оглянулась на княгиню. Она еще была распростерта на холодном мраморе пола. Бледный профиль с легшей на щеку тенью от густых длинных ресниц, белый рукав, расплескавшийся молочной рекой, драгоценное золото волос... Ирина Алексеевна казалась спящей красавицей.

Александра заметила, что Глеб тоже оглянулся на княгиню, освещенную несколькими незагашенными свечами, и замер на пороге церкви.

Сейчас все решится.

Княгиня действительно верила, что Глеб – это вернувшийся к ней Юрий. Она действительно ждала

и любила его... Несколько по-своему, но все-таки... Сможет ли он уйти, оставив ее, такую красивую и беспомощную, словно надломленную жестокой бурей?..

Глеб решительно отвернулся и зашагал в темноту.
Саша перевела дыхание.

Глава 10

Оплата всегда взимается кровью

Город словно вымер, и ребята беспрепятственно добрались до границ Китежа.

За воротами города дул ледяной, пронизывающий ветер. Саша поежилась: майка на тонких лямочках давала немного тепла. Хорошо хоть джинсы не продуваются, иначе вообще задубеть можно. Девушка покосилась на своих спутников, тоже уже одетых в повседневные вещи. Динка нахохлилась и стучала зубами. А вот все трое парней словно не чувствовали холода – им было хоть бы хны. Ну как же, настоящие рыцари, богатыри. Северин – самый сильный из всех, – очевидно, Илья Муромец. Глеб – спокойный, сообразительный – Добрыня Никитич. А уж тощий патлатый Ян, без сомнения, Алеша Попович. Это сравнение рассмешило Александру.

– Долго мы будем здесь стоять? – заныла Динка, стуча зубами.

– Сколько мне потребуется, столько и будем. Или ты, умная, сама возьмешься прокладывать дорогу обратно? – спросил Ян небрежно.

Девочка замолчала и обиженно надулась,

демонстративно скрестив руки на груди и отвернувшись от Яна.

Меж тем маг взялся за свои приготовления.

Саша не следила за его действиями, потому что погрузилась в раздумья.

Легко принять решение бежать из Китежа. Но что ждет их там, за его стенами?.. Вернее, Александра прекрасно понимала, что ждет там лично ее, и это не добавляло ей оптимизма. «Интересно, – размышляла она, – почему всегда приходится выбирать из двух зол? То есть понятно, что выбор между злом или добром, направленным лично на тебя, даже не встает. Но все-таки...»

Саша почти физически ощущала то, что затаилось во мраке, что нетерпеливо ждет ее по ту сторону мира. Хуже всего было то, что Александра остро чувствовала свою вину перед Той и отчасти даже понимала Ее претензии. Там, по ту сторону смерти, очень холодно и одиноко. Девушке виделся безбрежный океан под серым неумолимым тяжелым небом. И отчаяние, бесконечные боль и отчаяние, которые невозможно преодолеть. Каково это: бесконечно тонуть в ледяных волнах, постоянно переживая свою муку и зная, что эта казнь никогда не закончится?.. Смерть – это очень больно и страшно. Саша знала это совершенно точно, однажды заглянув

в ее стылое царство.

Девушка забыла о ветре, ежась уже от другого, потустороннего холода, достигающего самых глубин души, вымораживающих все – даже самые светлые детские воспоминания.

Комната вся напитаана солнечными лучами, словно густым золотистым медом. Пахнет солнцем и, кажется, цветами. Идет поздняя весна или, может быть, лето. Две маленькие девочки, похожие друг на друга как две капли воды, сидят на полу, дружно строя из «Лего» волшебный замок для принцессы.

– Я хочу быть принцессой! – вдруг говорит одна из них и тянет к себе пластмассовую фигурку с увенчанной короной золотоволосой головой.

– Ты же была принцессой в прошлый раз, – робко возражает вторая девочка. – Это нечестно! Теперь моя очередь!

– А вот и честно! – девочка смеется. – Я так хочу – а значит, это честно! Хочешь, будешь играть за принца. Ты сразишься за меня с драконом и освободишь меня из заколдованной башни. Хочешь? Или нет, ты лучше будешь моей служанкой. У каждой принцессы должна быть верная служанка, чтобы говорить своей хозяйке, какая она красивая!

– Я не хочу!

– Хочешь! Хочешь!

– Не хочу!

– Ах так?! Ну тогда...

Кубики «Лего» разлетаются по всей комнате, словно тут только что прошелся торнадо.

– Девочки! Кто из вас это сделал?.. – мама, застыв на пороге, неодобрительно оглядела следы разгрома. – Разве нельзя играть мирно?!

Одна из девочек бросилась к маме, прильнула к ее боку, заглянула в глаза.

– Я не хотела ссориться. Это все она! Она! – тонкий детский пальчик указал в сторону сестры, все еще сидящей на полу с одним из кубиков в руке.

– Нет, это не я! – робко возразила та.

– Она! – настаивала девочка, что была побойчее. – Мама, ну почему она такая врунья?!

Мама нахмурилась...

Александра изо всех сил закусил губу и очнулась от боли.

– Черт! – Ян зло сплюнул.

Деревья в начинающемся почти сразу у ворот лесочке зашелестели под очередным порывом ветра, словно злорадно перешептываясь.

«Не отпущу...» – завыл ветер. Александра могла бы поклясться, что отчетливо расслышала в его гуле эти слова и даже узнала голос...

– Можно я буду держаться поближе к тебе? –

спросила ее Динка, разом растерявшая былую самоуверенность. Ершистый подросток превратился в маленькую беззащитную девочку. Еще бы.

– Конечно, – Саша приобняла ее за плечи, и Дина не стала отстраняться.

Вот так, вместе, было немного спокойнее и, конечно, гораздо теплее.

– Мы чем-то можем помочь? – по-деловому спросил мага Глеб.

Ян задумчиво, оценивающе посмотрел на него.

– Пожалуй, что и можете. Вернее, ты можешь...

Из маленького рюкзака, который Ян всегда таскал с собой, была извлечена чаша и странного вида нож с насеченными на лезвии рунами.

– Сам делал, – похвастался маг, перехватив любопытный взгляд Александры.

Ни Саша, ни остальные члены команды не понимали, что собирается сделать их товарищ, и, только когда он шагнул к Глебу, девушка напряглась.

– Не волнуйтесь, – Ян не смотрел на ребят – только на Глеба. – Возьму немного княжеской крови. Для дела.

– Да, конечно, – Глеб без колебаний подставил руку.

Александра вспомнила, как в прошлый раз, отправившись за секирой Перуна, они попали в небольшую заварушку и оказались заперты в

одинокой бане, где и столкнулись с ее злобным мохнатым хозяином. Тогда, чтобы выбраться, Арина резала свою руку и откупалась собственной кровью. Собственной, а не чьей-то еще. Яну, очевидно, легче использовать чужую. И почему Сашу это совсем не удивляет? Да потому что она раскусила его с самого первого взгляда. Он прежде всего эгоист. И в Китеж потащился не ради школы и общего дела, а ради собственных интересов – из любопытства, из желания продвинуться в своем искусстве. И этому человеку они вынуждены доверять, именно на него им приходится полагаться в самый ответственный момент!

Нож скользнул по ладони Глеба, оставляя за собой тонкую красную нить, и в подставленную чашу упало несколько капель крови.

– Спасибо, княже, – произнес Ян с насмешливым полупоклоном. – А теперь – вторая часть Мерлезонского балета⁶.

С этими словами он с каменным лицом (впрочем, разве разглядишь его, это выражение лица, из-за густой, закрывающей глаза челки?..) резанул этим же ножом себе по запястью. Кровь так и хлынула в чашку.

⁶ «Вторая часть Мерлезонского балета» – цитата из советского фильма «Д'Артаньян и три мушкетера» – переломный момент действия, неожиданные события.

Лес протяжно, долго то ли завыл, то ли застонал, словно испытывая страшную боль.

Динка ахнула и еще плотнее прижалась к Саше. А та была совершенно поражена подобным развитием действий. Как легко обвинять Яна, что он хочет откупиться чужой кровью, и как тяжело осознавать, что ради них он так легко жертвует своей. «Ну почему сразу ради нас. Он тоже хочет выбраться из Китежа», – подумала Александра и сама устыдилась своей гаденькой мысли. Обвинять другого – просто.

* * *

Осень, парк кажется особенно нарядным из-за золотистых, торжественных кленовых листьев. Две девочки качаются на одной качели. У обеих – счастливые, неотличимые друг от друга мордашки. Они кажутся отражением друг друга, словно между ними – зеркало или идеально ровная поверхность воды.

Качели взлетают все выше.

– Мне страшно, давай потише! – просит одна из девочек.

– Трусиха!

– Не надо!

– Надо-надо! Трусиха-трусиха, сиди дома тихо,

гулять не ходи – в окошко гляди!

Всего лишь один короткий миг – и одна из девочек уже на земле, плачет, обхватив рукой разбитую коленку:

– Мама, мама, она меня толкнула!

– Я не толкала ее! Она сама разжала руки!

– Толкала! Мама!..

Теперь девочки кажутся даже не похожими. Одна – вся красная от гнева, другая – заплаканная, беззащитная, с окровавленной коленкой.

Мама поднимает плачущую дочь на руки, целует, утешает:

– Не плачь, не плачь, маленькая. Все заживет. Вот сейчас я подую...

Если бы все раны заживали так легко...

– Юрий! Не уходи! Ты не можешь оставить меня во второй раз!

Саша вздрогнула, освободившись от власти кошмара.

К ним бежала женщина. Княгиня. Ее лицо было залито слезами, волосы растрепались, а широкие белые рукава казались крыльями – вот-вот она взлетит.

Из руки Яна в чашу по-прежнему бежала горячая кровь, и над чашей поднимался пар. А маг, не обращая внимания на окружающее, быстро бормотал

что-то.

– Юрий! – Ирина Алексеевна остановилась, словно наткнувшись на невидимую, но прочную стену. Ее руки были протянуты к Глебу, а на лице застыла мука.

Глеб стиснул зубы и отвернулся, чтобы не видеть этого страшного, полного боли лица.

– Он и вправду тот самый князь? – тихо спросил у Саши Северин.

Она пожала плечами:

– Не знаю, но княгиня в это верит, и этого достаточно.

– Странно, когда мы были там, на Острове, Перун... ну, я увидел его в один из моментов... так вот, он говорил, что Глеб безродный, – сказал парень так тихо, что Александра едва его расслышала.

– Вполне может быть, это не помеха тому, чтобы в его теле жила душа князя. Если, конечно, это и вправду так, – столь же тихо отозвалась Саша.

Оба замолчали. Молчала и по-прежнему жмущаяся к старшей подруге Динка.

И в этот миг с неба вдруг полилась вода. Она хлынула потоком, отсекая их от княгини, от белокаменного Китежа, золотящегося луковками куполов храма Святой Софии.

Ирина Алексеевна страшно, на одной ноте, закричала.

А Саша почувствовала приступ панического безумного страха. Вода! Грудь сдавило болью, легкие засадило. Так уже было, было когда-то, когда смерть заглянула ей в глаза, поманив за собой бледной рукой утопленницы. Вот и сейчас она звала. Александра чувствовала, как радуется смерть ее возвращению. Голова кружилась...

Яркая вспышка боли. Саше казалось, что водоворот тянет ее на дно. Легкие разрывало. Смерть, как всегда, не знала жалости.

Она вынырнула из этой боли, как из реки, и какое-то время не могла отдышаться. Воздух, попадающий в легкие, пронзал их как иголками. Он был холодным... обжигающе холодным. Перед глазами все тоже оказалось белым, словно осыпанным мукой.

Александра моргнула, но картинка не изменилась. Снег. Вокруг них лежал густой снег, а поверхность озера оказалась стянута льдом, в котором кое-где чернели, как свежезатянувшиеся болячками ранки, рыбацкие полыньи.

Изо рта валил пар. Температура была минусовой, а кожа открытых рук и плеч уже пылала от мороза. Как могло случиться, что они из жаркого лета вдруг оказались в зиме?..

Девушка оглянулась на друзей.

— Я же говорил, что время не везде идет

одинаково, – хрипло пробормотал Ян. – «Там мгновения, здесь века»⁷.

Его волосы были покрыты, как сединой, инеем, а с челки свисала сосулька. Парень едва держался на ногах от слабости, но еще пытался шутить.

– Нужно двигаться. Бежать к поселку. Это наш единственный шанс выжить, – сказал Глеб, – Ян, ты бежать сможешь?

Тот кивнул, но первая же попытка провалилась. Его ноги заплетались, и он упал, ткнувшись лицом в снег.

Слишком большая потеря крови. Саша почувствовала стыд за свои недавние мысли. И почему она все время недооценивает этого человека? Почему она чувствует попеременно то неприязнь, то стыд за свои собственные мысли, слова, поступки?..

Но медлить было нельзя. Северин и Глеб с обеих сторон подхватили под руки Яна, и вся компания бросилась бежать туда, где, кажется, находился поселок.

И тут Александра заметила у самого берега синюю бытовку. Примерно такую, в каких живут строители на объекте.

– Туда! – прокричала она.

До одинокого строения и вправду оказалось гораздо ближе, чем до деревни, поэтому вся

⁷ Цитата из кинофильма «Тот самый Мюнхгаузен».

компания, не задумываясь, повернула туда.

Мир проскальзывал перед глазами Саши урывками. Она видела заснеженные колючие кусты, блеск обнажившегося из-под снега льда... А вот и нестерпимо синяя стена... Надпись, которую мозг зафиксировал, даже не осмыслив: «Изыскательская компания «ЗАО РУСИЧ». А потом дверь распахнулась, тепло хлынуло на них беспощадной огненной лавой, и восприятие, кажется, совсем отключилось, не в силах вынести подобных перегрузок.

Возвращалось сознание тоже аккуратно, по кусочкам восстанавливая картину внешнего мира. Дом. Тепло. Толстое синее одеяло, закутывающее ее, Сашино, тело... Крепкая мужская рука, протягивающая алюминиевую кружку с чем-то горячим, смутно знакомый голос: «Пей, тебе нужно согреться...» Друзья, тоже закутанные в разноцветные шерстяные одеяла... Застланный газетами стол. На нем – походная горелка, на которой еще стоит большой котелок, высокая темная бутылка с надписью, от которой так и веет пиратскими книжками...

– Пей! – повторил все тот же голос, и взгляд Саши наконец сфокусировался на лице склонившегося над ней мужчины.

Сергей! Охранник из их школы! Не может быть! Как он вообще оказался здесь, на Светлояре? Сколько времени прошло с того момента, как они попали в Китеж?! Ян, кажется, бормотал что-то насчет веков, но, к счастью, очевидно, по своему обыкновению прикалывался.

Она взяла у охранника кружку, вдохнула бьющий в нос запах и поморщилась.

– Это что, и вправду с ромом?..

– Пей! – в третий уже раз повторил Сергей. – Чай, ром, мед, мята и еще какие-то травы. Вам согреться надо.

Александра глотнула, закашлялась. Но стало легче – тепло заструилось по всему телу, казалось, вымороженному уже до самых костей.

– Я немного растер вас и натер жиром, – объяснял Сергей, переходя к Глебу, для которого у него тоже была приготовлена такая же кружка, как и для Саши, – но все равно кожа кое-где могла обморозиться. Евгений Михайлович везет доктора. Ну и сам он, конечно, едет. Я сразу же оповестил его, согласно инструкции.

Александра оглядела друзей. Динка, уже согревшаяся, дремала на одной из двух имеющихся в домике кушеток. Глеб и Северин только дождались своей очереди выпить горячий напиток, но, похоже,

оба были более-менее в порядке. А вот Ян неподвижно лежал на второй кушетке, и его лицо в свете одиноко горящей под невысоким потолком лампочки казалось изжелта-белым, нездоровым.

– Что с ним? – спросила Саша. После напитка она значительно согрелась и вместе с тем начала дрожать – видимо, тело тоже постепенно согревалась, но пережитый стресс давал о себе знать.

– С Яном? – тут же откликнулся Серега. – Думаю, жить будет. Но, честно сказать, краше иногда в гроб кладут. Вы что, его вампирам скармливали?

Александра промолчала.

– Он свою кровь ради нас отдавал, чтобы мы могли из города-ловушки выбраться, – лязгая зубами о чашку – видимо, его тоже била дрожь, – отозвался Глеб. – Я никогда не встречал такого противоречивого и вместе с тем благородного человека...

Саша была полностью с ним согласна. Противоречивый – вот ключевое слово для обозначения Яна.

– Понятно, – Сергей, закончив с Глебом, занялся Северином. – Я боюсь, как бы он пневмонию какую-нибудь не заработал. Когда организм ослаблен, это легче легкого.

Александре очень не хотелось вставать и вылезать

из-под теплого одеяла, но она тем не менее сделала это. На еще плохо подчиняющихся ногам подошла к Яну и накинула на него свое одеяло.

– Тебе самой побережься надо, – укоризненно покачал головой охранник, – ты сейчас пропотеть должна, отогреться...

– Пусть лучше ему теплее будет, – не согласилась девушка.

Разумеется, оба парня – и Глеб, и Северин – тут же скинули с себя одеяла и стали наперебой натягивать их на Сашу.

– Девушка... – вздохнул Сергей, глядя на Александру с укоризненной обреченностью. – Устроила тут флешмоб...

Но видно было, что он вовсе не сердится.

– Сколько времени прошло с тех пор, как мы пропали? Какое сегодня число? – стал спрашивать Глеб, когда одеяла и прочие теплые вещи были все же поделены, а Саша водворена обратно в теплое кресло.

– Конец февраля уже, двадцать шестое число, – рассказывал охранник, после всех треволнений наливший и себе полрюмочки горячительного. – Когда вы пропали, Евгений Михайлович очень забеспокоился. Там, говорит, может этот... временной парадокс быть. Неизвестно, когда ребята появятся.

Но мы, мол, Серега, должны ждать их и встретить, когда бы они ни вернулись. Приехали мы, значит, сюда, времянечку установили и стали со сменщиком по очереди в ней жить. За озером наблюдали – вдруг вы где покажетесь. Скукота, конечно, особенно зимой. Летом-то повеселее было. Летом здесь комаров тьма тьмущая, может, застали?..

Саша кивнула, подтверждая этот неоспоримый факт.

– Так вот, – продолжал рассказывать Серега, окончательно расслабившийся после выпитого, – сидишь, бывало, и смотришь, как вокруг озера туристы идут. В руках какая-нибудь ветка – и хлещут, хлещут себя, и по спине, и по рукам, и по ногам. Просто самобичевание какое-то. Я слышал, такое у религиозных принято – самого себя плеткой охаживать. А тут недаром говорят, что святое место – здешние комары кого угодно святым сделают! – он довольно захохотал.

– А мог бы посочувствовать, – покачал головой Глеб, впрочем, без особого энтузиазма – было заметно, что он тоже устал, а теперь согрелся и, сидя на своей табуретке, привалившись спиной к стене, борется со сном.

– Чего уж сочувствовать. Сами головой подумать бы могли, куда едут – озеро, местами приболоченное,

лес – самый что ни на есть комарятник. Хотя местные бы, не будь они так ленивы, приработать могли бы на репеллентах... А вообще места здесь хорошие, красивые. И церковь деревянная, и камень со следом ангела... слышали легенду? А уж закаты... лучше нигде не найдешь, ни в какой загранице...

Он говорил, и под этот мерный голос глаза у Александры сами собой закрывались...

– Ну здравствуй, Алекс! Наконец дождалась тебя! – девушка, шагнувшая из тьмы ей навстречу, была точной ее копией, различались только выражения лиц – испуганное у Саши и торжествующее, насмешливое у ее зеркального отражения.

Александра отпрянула, двойняшка протянула к ней руку – тонкую, почти детскую, с узким беззащитным запястьем.

– Ты помнишь, Алекс? Ты, конечно же, все помнишь.

О да, она помнила.

Папа был вполне успешным бизнесменом и в то же время, что называется, не заикливался на работе. Главной ценностью считалась семья. А еще и папа, и мама любили спорт – конные прогулки, пешие походы и, главное, плавание на небольшой парусной яхточке под популярным названием «Ласточка».

Отец, высокий, подтянутый и загорелый, с

широкой белозубой улыбкой, казался ей идеалом, почти что небожителем. Неудивительно, что и окружающие восхищались им, спешили услужить или просто заворуженно оборачивались вслед. Какой же роскошный получился из него капитан, как ловко управлялся он с упрямым парусом!.. Глеб немного напоминает его...

Мама – всегда рядом с отцом, его верная помощница и соратница, разделяющая и дела, и увлечения. Такая же красивая, загорелая и грациозная.

Как было прекрасно, когда они всей семьей отправлялись в плавание на «Ласточке», а затем возвращались – просоленные, счастливые, с кипой самых невероятных фотографий: вот необитаемый остров; вот – огромная черепаха; а это – рыба! Посмотрите, какая гигантская! Мы выловили ее сами!

Им с Лизой завидовали все знакомые дети, и Саша была уверена: тут есть чему завидовать! Она думала так до тех пор, пока не случилось несчастье...

Ветер поднялся внезапно, когда его совсем не ждали. Волны перехлестывали через палубу, волосы липли к пропитанному солью лицу.

– Лиза! Саша! Идите вниз, в каюту, а то смочет! – пытался перекричать вой ветра отец.

– Пойдем! – сестра тянула близняшку за руку. Туда,

в спасительное сухое нутро.

Но уходить с палубы той вовсе не хотелось. Это темное, свинцовое, нахмурившееся тучами небо... Эти высокие волны – и вовсе не синие, скорее серые, гранитные... «Ласточка» казалась маленькой щепкой, затерянной между небом и морем. Было страшно и вместе с тем особенно волнительно и хорошо.

– Пойдем! – тянула за руку сестра, но уйти казалось невозможно.

Из груди так и рвались стихи – мощные, как и сама буря, прекрасные, как ярость океана...

А потом была смерть...

– Оставь меня! Оставь меня наконец! – закричала Александра.

Похоже, ее персональный кошмар никогда не закончится.

Но зеркальное отражение лишь покачало головой – так, что взметнулись ровно подстриженные каштановые волосы:

– Я никогда тебя не оставлю!

* * *

– Все в порядке? Ты кричала, – охранник Сергей с беспокойством склонился над девушкой, трогая обжигающе-горячей ладонью ее лоб. – Ух ты, какая

ты холодная, словно в ледяной воде побывала.

Александра поежилась. Как нельзя более точное определение. Как в ледяной воде.

Оказывается, она задремала в своем кресле, а теперь, из-за приснившегося кошмара, перебудила всех. Вон и Динка проснулась, и Глеб с Северином, улегшиеся на одеялах на полу. Спал только Ян, погруженный в свои собственные горячечные кошмары.

– Все в порядке, – пробормотала девушка и, приняв из рук охранника чашку с водой, жадно глотнула, но тут же отчаянно закашлялась. Ей померещилось, будто проклятая вода проникла в легкие, вновь терзая их болью. И почему Саше показалось, что эта вода – соленая?..

Серегу взял из ее трясущихся рук чашку, похлопал по спине.

– Подавилась? – спросил он сочувственно.

Девушка молча кивнула. Сонливость как отбило.

Меж тем разбуженные ее криком ребята снова улеглись, охранник примостился в углу перед монитором, и в бытовке восстановился сонный покой.

Александра сидела, обхватив коленки руками, и старалась не вспоминать, не думать... Светлана, школьный психолог, в свое время потратила на Сашу уйму времени, чтобы немного привести ее

в себя, хотя бы немного примирить с водой, которую девушка боялась. После того, что случилось на яхте, Александра не могла даже принимать ванну и, теряя над собой контроль, начинала биться в истерику, едва только видела воду... Тетя, единственная родственница, принявшая сироту в свою собственную семью, водила девочку к психологам, но уменьшить водобоязнь смогла лишь помощница Евгения Михайловича.

К счастью, Светлана, несмотря на возраст, оказалась опытной, терпеливой и, безусловно, талантливой. Со временем Саша смогла даже купаться в водоемах, она почти забыла обо всем, и вот теперь...

«Это я виновата, что не рассказала ни Светлане, ни Евгению Михайловичу о своем состоянии, – думала девушка, глядя на тускло мерцающий экран, светлым пятном выделявшийся в полутемной комнате. – Нельзя было ехать в экспедицию в таком состоянии. Надо срочно поговорить с ними, пройти сеансы психотерапии, вправить мозги обратно».

Такие мысли несколько взбодрили девушку. Еще немного – и все наладится. Светлана, как и прежде, спугнет призраки прошлого, и можно будет жить дальше... Саша снова станет той спокойной, уравновешенной, правильной Александрой, какой

она была все это время, и все у нее будет хорошо...

Глава 11

Возвращение

Девушка и сама не знала, как долго просидела вот так, уставившись в пространство, но тут за дверью раздались шаги и послышались чьи-то голоса.

– А вот и Евгений Михайлович пожаловал! – довольно объявил Сергей, открывая дверь.

В бытовку действительно вошел директор школы, а за ним – пожилой добродушный человек, доктор, он уже приезжал к ним, когда Глеба во время одного из опасных рейдов укусила странная подземная тварь.

– Ну, здравствуйте, ребята! – приветствовал их Евгений Михайлович.

От него пахло морозом и чем-то вроде бензина. Выглядел директор так же бодро и подтянуто, как и всегда, словно ему не пришлось внезапно срываться и лететь куда-то за тридевять земель.

Все, кроме лежащего в беспомощности Яна, уже проснулись и теперь откликнулись на слова директора нестройными приветствиями.

– Ведь напугали вы меня на этот раз, по-настоящему напугали, – сказал он, пожимая руки вскочившим со своих одеял ребятам. – Ну а что с

Яном? – директор остановился перед пятым членом команды.

Судорожный хриплый кашель парня, словно ответ на его вопрос, показал, что пациент, конечно, скорее жив, чем мертв, однако нуждается в срочном серьезном лечении.

Евгений Михайлович проследил, чтобы доктор занялся больным, а заодно проверил температуру и давление у остальных ребят и дал им что-то ударно-профилактическое, а затем велел собираться в дорогу.

– Привезли теплые вещи. Дождались вас – можно и свернуть здесь изыскательскую деятельность «Русича», – улыбнулся он.

Александра вспомнила, что действительно видела на двери бытовки такую табличку, и запоздало оценила юмор начальства. Понятно, что Евгений Михайлович придумал эту надпись, чтобы ребята сразу знали, куда идти, но признаться, они так замерзли и устали после бегства из Китежа, что готовы были бежать куда угодно, лишь бы в тепло, под крышу.

Они поспешно принялись натягивать на себя свитера и куртки, Сергей и доктор занялись больным, а Евгений Михайлович, присев на освободившийся стул охранника, наблюдал за подопечными.

– Мы ведь ничего не принесли, – не выдержал Глеб.

– Знаю, – директор взял со стола веселенькую кружку со смеющимся солнышком (из нее Серега только что пил чай), покрутил ее в ладонях и вновь поставил. – Потом поговорим. Сейчас, как говорили чеховские сестры: «В Москву, в Москву!»

Несмотря на беззаботный вид Евгения Михайловича, Саша чувствовала, что тот недоволен, и даже понимала почему – первое проваленное задание... Но несмотря на это, девушка все равно ничуть не раскаивалась в том, что именно она убедила друзей не связываться с иконой. «И директор все поймет, – думала она, – надо только рассказать ему о Китеже». Чем больше Александра думала об этом, тем сильнее убеждалась в собственной правоте. Существуют такие артефакты, которые просто лучше не трогать. Любопытство не всегда приводит к хорошим последствиям. Напротив, скорее наоборот.

Она снова вспомнила бурное море и прыгающую среди волн маленькую яхту. Бывает, что одна любопытная неугомонная десятилетняя девочка становится причиной большой беды.

– Что-то не так? – спросил Глеб, вытаскивая девушку из ненужных воспоминаний.

– Просто задумалась, – привычно ушла от ответа

Саша.

Все-таки нужно поговорить с Евгением Михайловичем и со Светланой как можно скорей. Вот только вернуться в школу – и сразу же поговорит, не откладывая ни на один день!

Через несколько часов они были уже в школе. Яна, постоянно кашляющего и все еще очень слабого, отправили сразу же отдыхать. Остальные собрались в знакомой комнате. В этот раз все «русичи» хранили молчание, даже Динка.

– Выходит, с заданием вы не справились, – покачал головой директор.

– Нельзя было ее брать, – озвучил Глеб Сашины мысли. – Она целый город в безвременье погрузила. Лучше никакой защиты, чем такая.

Евгений Михайлович прошелся туда-сюда по комнате и остановился перед Глебом.

– И ты, значит, так и решил, – сказал он без всякой вопросительной интонации, – ты разбираешься в непознанном лучше, чем мои специалисты.

Глеб медленно поднялся, и опять Александре показалось, что в нем ощутимо чувствуются родовитость, спокойное, несуетное достоинство.

– Икону в этот мир приносить нельзя, – четко повторил он, – и точка. Можете считать, что мы не справились, но лично я сделаю все, чтобы она сюда

не попала!

С минуту он и директор стояли друг напротив друга, ни один не отвел взгляд.

– А ты изменился, – заметил наконец Евгений Михайлович.

Глеб кивнул и так же, не теряя достоинства, опустил в свое кресло.

– Вижу, что вы растете, учитесь мыслить самостоятельно. Молодцы. Вы сделали выбор и, конечно, знаете, что за него нужно отвечать, – сказал директор, оглядывая ребят. – Вы также знаете, что у нас есть враги, пытавшиеся отобрать у нас собранные артефакты. И не буду пророком, если скажу: такие попытки еще последуют. Я планировал защитить сокровища с помощью нового артефакта – иконы святой Софии. Но вы приняли осознанное, – он выделил это слово, обводя каждого из членов группы тяжелым внимательным взглядом, – повторюсь: осознанное решение не брать икону. Значит, у вас есть план, как захватить врагов и обезопасить наши дальнейшие операции. Приступайте.

Динка присвистнула.

– Вы хотите, чтобы мы выследили и нейтрализовали ту группу сами, без помощи ваших сил? – уточнил Глеб.

– Ну почему же, – Евгений Михайлович пожал

плечами, – раз уж вы спросили. Кое-какие материалы мы уже обработали, определенный след нашли. Если вам, конечно, интересно все сделать самим...

– Это не принципиально, – Глеб не давал сбить себя с толку. – Нам понадобятся ваши зацепки и, может быть, помощь определенных специалистов.

– Отлично. А пока отдыхайте, – директор двинулся к двери и уже там, у порога, оглянулся. – И, пожалуйста, не считайте меня зверем. Я хочу, чтобы из вас выросли умные, мыслящие на несколько шагов вперед люди. И я на вас не сержусь. Вы еще только учитесь, хотя делаете так много, что вашим ровесникам и не снилось. Отдыхайте, – добавил он мягче. – Увидимся завтра.

Александра вскочила со своего кресла, но Евгений Михайлович уже исчез в коридоре. Можно было побежать за ним или позвонить на мобильный...

«Не важно, – решила наконец Саша, – завтра будет уйма времени».

А через две минуты в темном дворе вспыхнули глазами чудовища фары, заурчал довольно мотор... директор уехал.

– Вы точно уверены, что икону эту нужно было в городе оставить? – спросил Северин. Он присел на подлокотник Динкиного кресла и смотрел теперь на друзей, ожидая ответа.

– Да! – хором ответили Глеб и Александра и переглянулись.

– Я же говорила, надо было хоть блюдечко взять! – воскликнула Динка. – И Евгений Михайлович бы одобрил. Вот теперь нам этих... нападающих искать надо. А было бы у нас блюдечко, только посмотрели бы в него – и готово!

– А ты в Интернете поищи, – посоветовал Глеб. – Вроде ты им раньше, до блюдечка, обходилась. Наверняка какие-то сведения о проязыческих организациях найти можно. Может, среди них окажется нужная... Никогда не знаешь, какой след приведет к цели!

– Умный! – Динка склонила голову набок и посмотрела на старшего друга. – Ладно, считай, убедил. Пойду порою чего-нибудь.

Она встала, потянулась, совершенно по-кошачьи зевнула, продемонстрировав мелкие белые зубки, и вышла из комнаты.

– Сам нутром чувствую, что вы правы, – вздохнул Северин, – мне все равно до этих гадов добраться надо. И я до них доберусь...

Кулаки парня непроизвольно сжались, и, не говоря больше ни слова, он тоже покинул зал.

Глеб и Александра остались вдвоем, и между ними повисло неловкое молчание.

За окном была ночь. Даже поверить трудно, что уже зима. Неделя, проведенная в Китеже, обернулась в реальном мире почти в полгода. Получается, что один день равен месяцу... Саша думала об этом, глядя на знакомый стеллаж с книгами, и молчала.

– С тобой точно все в порядке? – снова спросил Глеб. – В последнее время ты... странная.

Девушка грустно улыбнулась.

– А кто из нас не странный? – парировала она.

Глеб кивнул.

– Я хочу спросить тебя, – вдруг сказала Александра, быстро взглянув на парня, – там, в Китеже, ты действительно вспомнил?.. Извини, наверное, это очень личное... Мне следовало бы помолчать...

Они сидели почти друг напротив друга – в полутемной комнате, полной ночными тенями. Было тепло и тихо, и Саша вдруг почувствовала, как здесь уютно. Они с Глебом словно очутились в маленьком мирке, закрытом ото всех внешних проблем.

– Да нет, – глубокие карие глаза Глеба взглянули на нее по-домашнему ласково. – Передо мной действительно возникла картинка того, последнего боя. Знаешь, это было очень больно и страшно. Смерть не красива и не носит парадных одежд...

Он замолчал, сосредоточенно глядя на свои

сложенные на коленях руки.

Саша встала с кресла, подошла к Глебу и положила руку ему на плечо. Он едва заметно вздрогнул, но не отстранился.

Слова были лишними. Саша чувствовала тепло его плеча и щедро дарила свое тепло, пытаясь согреть, успокоить, и Глеб, в котором до сих пор словно была спрятана сжатая тугая пружина, расслабился.

– Спасибо, – проговорил он через некоторое время. – Ты необыкновенная девушка, и я хочу, чтобы ты была счастлива.

Из уст другого человека эти слова прозвучали бы злой насмешкой, но Глеб говорил искренне, без всякого подтекста.

– Я тоже хочу для тебя счастья, – отозвалась девушка, отмечая, что обычная тупая боль в сердце словно померкла. Может быть, это временно, и завтра она вернется с новой силой, но сегодня Александра чувствовала скорее легкую грусть.

– Кажется, я сам оттолкнул от себя свое счастье, – Глеб вздохнул. – Не знаю, удастся ли что-нибудь поправить... Я даже благодарен Китежу, после него я вдруг понял давно знакомые строки. «С любимыми не расставайтесь...» Знаешь, это правда. Нельзя оставлять любимых, для этого не существует оправдания.

– Ты же не о княгине?.. – осторожно уточнила Саша. Глеб покачал головой.

«Он действительно любит свою Ольгу, – подумала Александра, – пусть они будут вместе и пусть будут счастливы! Пусть будет именно так, если только в этом мире есть хоть капля справедливости!»

Тишина и покой врачевали сердце, словно укутывая его в толстый слой мягкой облачной ваты...

Вернувшись в свою комнату, Саша еще хранила это ощущение. Она задумчиво подошла к зеркалу, но тут из стекла вдруг возникла рука и крепко схватила девушку за запястье.

* * *

Ему снился лес. Высокие мощные деревья, мягкий мох, пружинящий под лапами, пьянящий запах хвои, земли, спеющих ягод... Северин мчался сквозь лес, а на спине у него сидела девушка с золотистыми, словно налитыми солнцем развевающимися волосами и звонко смеялась.

Где-то между кронами деревьев голубело безоблачное небо, пели птицы, звенел вдалеке ручей... Северин воспринимал все это разом, он дышал в унисон с этим прекрасным миром, он и девушка были его неотъемлемой частью...

Он позабыл обо всех горестях, только восторг бушевал в крови, только счастье стучало в его сердце. И в этот миг послышался крик, разорвавший счастливый сон в клочья.

Северин вскочил на ноги, сожалея, что не смог хотя бы еще минуту побыть там, где рядом все еще была его любимая...

Крик больше не повторялся, однако парень натянул джинсы и, выскочив в коридор, тут же наткнулся на Глеба.

– Кто-то кричал? Ты слышал откуда? – спросил он, чувствуя под босыми ногами холод пола.

Глеб, полностью одетый, видно, еще не ложился спать. Выглядел он озабоченно.

– Мне показалось, кричали из комнаты Саши, – отозвался парень, направляясь к двери девушки.

Северин последовал за ним. Глеб постучал, но никто не отозвался, и тогда он толкнул дверь рукой. Та с тихим скрипом открылась, и Северин увидел, что на полу лежит Александра.

* * *

Девушка оказалась в глубоком обмороке, и лицо ее было бледнее бумаги.

– У меня есть нашатырь, – вспомнил Глеб и, пока

Северин переносил Александру на кровать, сбегал за пузырьком.

Они принялись растирать виски и запястья девушки, и вскоре длинные черные ресницы едва заметно дрогнули. Саша постепенно приходила в себя и вот уже оглядывалась – немного неуверенно и словно бы удивленно. Медленно подняла руку, пошевелила пальцами, потом перевела взгляд на обоих склонившихся над ней парней и едва заметно нахмурилась.

– Лучше позвать врача. К счастью, он из-за Яна ночует в школе, – сказал Глеб, глядя на нее обеспокоенно.

– Н-нет. Не надо! – Александра проговорила это хрипло, словно с усилием. – Со мной все в порядке.

Она попыталась встать, но Глеб поправил под ее головой подушку.

– Не вставай пока. Ты слишком устала, – ласково возразил он.

И Саша послушно кивнула. Она казалась сейчас такой хрупкой, такой беззащитной, что у Северина встал в горле комок. В этот миг ему вдруг померещилось, что Александра чем-то похожа на Арину...

Девушка, поймав его взгляд, робко, едва заметно улыбнулась.

– Почему ты кричала? – спросил Северин. Его мучило смутное беспокойство, и он никак не мог понять, с чем оно связано – то ли с обмороком Саши, то ли с взволновавшим сном. – Тебя кто-то напугал?

– Я... – Саша отвела от лица прядь темных волос (нет у нее ничего общего со светловолосой Ариной, даже странно, с чего это ему вдруг показалось?..). – Я была здесь, в комнате, одна, у зеркала... – девушка нахмурилась, пытаясь собраться с мыслями, но вскоре сдалась. – Не помню...

Парни переглянулись и оба одновременно повернулись к темному окну. Оно было не только закрыто, но и зашторено. Северин принюхался. В комнате, кроме них троих, совершенно точно никого не было. Но это, конечно, не значило, что опасность Саше вовсе не угрожала.

– Мне уже лучше, – голос у Александры действительно окреп и стал теперь таким же, как и раньше. – Не волнуйтесь, не думаю, что что-либо серьезное. Идите спать, уже поздно, а вы тоже очень устали.

– А если... – Северину почему-то было страшно оставлять девушку одну.

– Нет, ничего не случится! – она снова улыбнулась. – Да и что может случиться, когда меня охраняют два храбрых рыцаря!

Слышать такие слова от Александры было непривычно, но, что уж там говорить, приятно.

Оба парня еще немного потоптались в дверях, но все-таки вынуждены были выйти из комнаты.

– Какая-то она немного странная... – пробормотал Северин, когда они с Глебом очутились в коридоре.

– Просто устала, – покачал головой Глеб. – И знаешь, она вообще не такая железная, как хочет казаться...

– Знаю, – кивнул Северин.

Пол был холодным, как лед, и Северину ничего не оставалось, как вернуться к себе.

Лежа в постели, он думал то об Арине, то об Александре и вскоре уснул – как выключился.

В эту ночь ему больше ничего не снилось.

* * *

Солнце тускло-желтым шаром неподвижно висело в зените.

Волны едва плескались о борт яхты, а паруса безжизненно повисли. Полный штиль. И никакой надежды. Застывший без малейшего движения воздух раскалился, словно в печи.

Девушка, окунув пальцы в воду, облизнула их. Одна соль. Соль и горечь. Такой водой не напьешься,

напротив, она вызывает еще более острую жажду. Нужно ждать. Чего именно, девушка уже не помнила, просто знала – нужно ждать, и, может быть, что-то изменится. А может, и нет.

Море лежало, насколько хватало взгляда, во все стороны горизонта.

Кажется, отец учил ее, как можно ориентироваться в море, но она забыла... Странно, она забыла все и не помнит, почему вообще здесь оказалась, куда и с какой целью плывет. Впрочем, это неважно. Главное – плыть...

Девушка закрыла глаза, уставшие от равнодушного, раздражающего сетчатку яркого света, и принялась ждать...

* * *

Завтрак Александра пропустила, и часов в девять к ней в комнату постучали.

– Да, – откликнулась девушка, – там, кажется, не заперто.

Кто может войти к ней, кроме Евгения Михайловича или кого-либо из друзей?..

Дверь приоткрылась, и в комнату заглянул Глеб. Кажется, он немного смутился, увидев, что Саша все еще лежит в кровати.

– Проходи, – пригласила она.

– Как ты себя чувствуешь? – он подвинул стул и сел на некотором расстоянии от постели.

– Очень слабой, – Александра улыбнулась и попыталась поправить растрепавшиеся волосы. – Примерно как новорожденный слепой котенок.

– Понятно, – Глеб поспешно отвел взгляд от ее оголившегося плеча, с которого соскользнула тоненькая бретелька ночной сорочки. – Я принесу чего-нибудь поесть, тебе нужно набираться сил и ни в коем случае не заболеть. Доктору и так хлопот хватает.

– Еще кто-то заболел? – обеспокоенно спросила девушка.

– Нет, только Ян. Но ему до сих пор плохо. Сильная простуда, наложившаяся на общую слабость. Его сейчас интенсивно пичкают всяким... А вот Северин уже в спортзале. Тренируется с таким энтузиазмом, словно его целый год к тренажерам не допускали. И Динка уже в норме – то есть в Интернете, – продолжил Глеб.

Саша приподнялась на постели, с тревогой глядя на парня.

– А ты-то как?

– А что мне сделается, – Глеб пожал плечами, – все в порядке. Сяду сейчас просматривать документы по

конкурирующей организации. Может быть, наткнусь на какую-то ниточку.

– Я не о том, – Саша не отводила обеспокоенного взгляда. – Мы вчера разговаривали... Я ведь знаю, что у тебя есть девушка...

Глеб смотрел на нее удивленно. Скрытная, молчаливая Александра вдруг заговорила так откровенно!

– Ты удивлен? – правильно истолковала его взгляд она. – Знаешь, я изменилась... Думаю, мы все изменились после всего, что произошло... И я очень хочу тебе помочь!

– Не беспокойся, все в порядке, – он встал и отодвинул на место стул. – Сейчас принесу что-нибудь поесть.

Глеб вышел, а девушка усмехнулась. Он такой милый, смешной! Вроде бы уверенный в себе, лидер, а не справляется с самыми простыми вещами! Тем лучше...

Когда Глеб вернулся, неся тарелочку с тостами и молоко, Саша не стала больше расспрашивать его, уверенная, что сейчас самое главное – не спугнуть парня, скорее всего он сам придет к ней. Позже.

Глеб думал об Ольге всю ночь и к утру окончательно уверился, что был не прав, когда оставил ее. То бегство не назвать никак иначе, чем его собственной слабостью, пусть и спрятанной за ложную заботу. Нельзя отказаться от той, которую ты любишь, какие бы препятствия ни готовила судьба. Тогда, испуганный гибелью Арины, он принял решение за обоих – и за себя, и за Ольгу. Теперь придется исправлять, если, конечно, еще не поздно.

Поговорив с Александрой и убедившись, что состояние Яна не вызывает опасений, Глеб решил съездить в Москву, к хорошо знакомому дому. К счастью, верный мотоцикл не сгинул у Светлояра, а был привезен и поставлен в школьный гараж.

– Ты куда? – спросил на выезде охранник, напарник Сереги.

– В город. Надо кое-что выяснить, – уклончиво ответил Глеб. Ему вовсе не хотелось вдаваться в подробности и рассказывать об Ольге кому-либо, даже Евгению Михайловичу.

– Ты там поосторожнее, недавно выпал снег, – предупредил тот, надеясь, что Глеб одумается. Ничуть не бывало.

Дорога действительно была не просто плохой, а отвратительной. Но Глеб не спешил – глупо погибнуть просто так, по неосторожности и из желания полихачить, когда у тебя есть ради кого жить и еще настоящее, увлекательное дело.

Подойдя к знакомому подъезду, Глеб почувствовал, что волнуется так сильно, как не волновался даже на первом задании.

Набрать три цифры на домофоне – дело нескольких секунд. Еще спустя некоторое время, показавшееся парню вечностью, послышался женский голос:

– Да? Кто там?

– Это Глеб, я к Ольге. Она дома? – спросил он.

И тишина. Наверное, связь оборвалась. Он перенабрал цифры. Наверное, целую минуту ничего не происходило, а потом снова послышался голос, на этот раз раздраженный. Ольгина мама, спокойная и интеллигентная женщина, почти кричала.

– Уходи! – сказала она. – Уходи и больше никогда не появляйся! Оля знает тебя не хочет, понятно?!

– Но почему?..

Он растерянно топтался у двери, не чувствуя холода, не ощущая, как крупные снежинки ложатся на волосы, попадают за воротник утепленной кожаной куртки.

– Ты сам знаешь! Уходи! Нет ее здесь, она уехала за границу.

И снова тишина.

– Что, парень, тебя, похоже, отшили? – слышался за спиной насмешливый голос.

Глеб огляделся. Он уже видел этого человека. Память услужливо воскресила тот теплый день, когда Глеб впервые провожал Ольгу, и здесь, на том же самом месте, этот парень и еще два его дружка пытались спровоцировать его на драку. Надо сказать, небезуспешно, хотя и закончилась она вовсе не так, как те ожидали.

– Я вижу, ты сегодня без приятелей? – улыбнулся Глеб.

Парень нахмурился и тут, похоже, узнал его, потому что в глазах зажегся испуг.

Знакомый незнакомец поспешно попятился и только оттуда, с безопасного расстояния, прокричал что-то, по его мнению, оскорбительное, и тут же пустился наутек.

Глеб усмехнулся. Недаром говорят, что одна и та же ситуация, повторяясь, превращается в фарс. Впрочем, думать о трусливом задире он не стал. Гораздо больше его занимали мысли об Ольге. Неужели она обиделась так серьезно, что теперь никогда его не простит?

Что же делать? В тщетной попытке Глеб набрал ее номер и выслушал произнесенное автоматически-бесчувственным голосом сообщение о том, что абонент больше не обслуживается. Концы обрублены? Все закончилось?..

– Я дурак, я полный идиот! – бормотал Глеб. Он опустился на заснеженную скамейку у подъезда, а на волосы все падал и падал снег...

Глава 12

Неожиданные изменения

Море оставалось по-прежнему пустым, девушка не знала, сколько прошло времени – час или целые сутки. Солнце все так же неподвижно стояло в зените, не сдвинувшись по своей орбите ни на миллиметр.

Так же хотелось пить, но не слишком сильно, скорее умеренно. Она даже подумала вдруг, что это не настоящая жажда, а так, просто привычка.

Девушка поднялась, добрела до мачты. Коснулась рукой нагретого солнцем дерева, попыталась расправить грязно-белую простыню паруса. Тщетно. Впрочем, сомнительно, что ткань – ветхая, вся состоящая из дыр – вообще способна ловить в себя ветер.

Девушка вздохнула, вновь взглянула на безоблачное, словно вылинявшее небо. Ничего. Полная, абсолютная пустота. Хоть бы увидеть там облачко или птицу – что угодно, только бы картина хоть чуточку изменилась!

Ничего. Все та же безбрежная неприкаянная пустота.

И тогда девушка снова села на палубу и принялась

ждать, сама не зная чего.

Если бы в бескрайнем небе появилась долгожданная птица, посмотревшая свысока на одинокую яхту, эта птица, возможно, бы удивилась, как вообще плывет это суденышко: корпус проржавел, пробоина на пробоине, даже название стерлось так, что и не прочитаешь. Остались только отдельные буквы: «.АСТ...А» – и всё.

Но птицы, конечно, никогда не залетали в эти края.

* * *

Она хорошо подготовилась к ужину, подобрав самое приличное из имеющихся – черное, красиво облегающее фигуру – платье и тщательно расчесав гладкие длинные волосы.

Из зеркала теперь смотрела красивая девушка с немного бледной, зато безупречно ровной кожей, блестящими каштановыми волосами и большими, очень выразительными глазами.

Капнув на запястья всего лишь каплю духов (в таком деле очень важно не переборщить!), девушка вышла из комнаты.

– Саша! Какая ты сегодня! – Динка, одичавшая в своем Интернете, накинулась на нее и едва не нанесла непоправимый ущерб прическе или

даже платью. Пришлось предпринять стратегическое отступление и, выставив руку вперед, пытаться удержать девчонку на относительно безопасном расстоянии.

Кажется, Динка обиделась, но это было вовсе не важно.

Александра вошла в столовую и сразу отыскивала глазами Глеба. Бледный, серьезный, ни на кого не смотрит. Кажется, хороший знак!

Девушка заняла обычное место, приступили к ужину.

– Тебе уже лучше? – спросил Северин. Судя по еще мокрым волосам и слегка помятой футболке, он весь день провел в спортзале и только-только вылез из-под душа.

– Да, теперь все отлично, – девушка улыбнулась. – А как Ян?

– Врач запретил ему пока вставать, – ответил Северин, – температура держится. Но, в общем, ему уже лучше...

Глеб, словно очнувшись, кивнул.

– Знаешь, мне стыдно, – сказал он вдруг Александре, – мы приняли его очень холодно, а он вывел нас из Города... Ян хороший парень, только маскируется, не хочет, чтобы другие это знали...

Девушка положила себе на тарелку еду – салат:

из помидоров с рукколой, красиво поджаренный кусок мяса. Попробовала понемногу, тщательно пережевывая и наслаждаясь радугой вкусов. И только после этого ответила:

– Ну, он же не только нас спасал! Думаю, в первую очередь он спасал себя.

Динка громко и весьма неодобрительно хмыкнула, а Глеб с Северином удивленно посмотрели на Сашу.

– А что я такого сказала? – она высоко подняла красиво очерченные брови. – Правду и только правду. Мне не нравится эта мода на плохих мальчиков, которые на самом деле хорошие, но в силу каких-то непреодолимых обстоятельств слегка ершистые. Ян эгоист, и не надо делать из него героя.

– Я знаю, ты его не любишь, но все же не понимаю, что с тобой!.. – Глеб поднялся со стула, глядя на девушку.

И та будто очнулась.

– Сама не знаю, что на меня нашло! – Александра виновато развела руками. – Ян действительно очень много сделал и пострадал больше нас всех... Меня просто настораживает его манера держаться, эти вечные шуточки...

– Да, – Северин понимающе кивнул, – они кого угодно с ума сведут. Помните, когда Ян только начинал следить за нами, мы дружно сочли его нашим

чуть ли не главным врагом!..

Девушка подумала, что они, возможно, были и не так уж не правы. Еще неизвестно, каков он, этот Ян, и какие неприятности может принести. Доверять ему она не собиралась – это точно. Однако девушка промолчала, решив, что и так слишком шокировала друзей сегодня. С Яном она и потом как-нибудь разберется, если подозрения действительно подтвердятся... А пока... М-м-м... превосходное, восхитительное мясо!.. Но вот чего ей действительно хочется – это мороженого! Она скучала по мороженому все это бесконечно долгое время. Папа часто покупал им лучшее мороженое. Сестра любила фисташковое, она – со вкусом манго и дыни.

После ужина Динка поспешила вернуться в виртуальное пространство, Северин ушел к себе, а Глеб остался в библиотеке с книгой.

Саша, последовавшая за ним, наблюдала, как он сидит в кресле, держа на коленях толстый том, но не читает. Взгляд устремлен куда-то поверх страниц, на переносице пролегла тоненькая складка, словно парень думает о чем-то беспокоящем, не слишком приятном.

И все равно, даже уставший, даже обеспокоенный, он был, безусловно, красив. Золотистый свет лампы

бликами ложился на его темные волосы, вычерчивал из полумрака твердые скулы и волевую линию рта, делая лицо ярче и контрастнее.

Не в силах противостоять этой завораживающей странной магии, Александра тихо вошла в комнату и остановилась, прислонившись спиной к одному из стеллажей с книгами.

Еще некоторое время Глеб не замечал ее, целиком погруженный в свои мысли, но вот наконец, почувствовав чужой взгляд, вздрогнул, моргнул и вопросительно посмотрел на девушку.

– Извини, что побеспокоила, – Саша робко улыбнулась.

– Да нет, – ответил Глеб слишком поспешно, чтобы этим словам можно было поверить. – Ты хотела со мной поговорить? Или просто пришла за книгой?

– И то, и другое, – девушка присела на подлокотник другого кресла и, положив ногу на ногу, качнула изящной туфелькой. – У меня есть одна идея, но мне необходима твоя помощь.

– Да?

– Понимаешь, мы столько видели в Китеже... У нас в руках оказались ценнейшие сведения о домонгольской Руси, и мы не можем просто предать эту информацию забвению!

– И что же ты хочешь? – Глеб, похоже,

действительно заинтересовался.

– Написать книгу. И мне нужна твоя помощь. Как историка. Я сама не справлюсь.

– Но мы же не сможем представить доказательств! Какой смех вызовет у издателей и читателей, я уж не говорю о научных кругах, сообщение о том, что мы, мол, побывали в городе, застывшем в тринадцатом веке! – Глеб в волнении захлопнул книгу, которую держал на коленях.

– Зачем же писать все? – девушка чуть наклонилась к парню, так что до того донесся запах ее духов. – Это будет книга не о Китеже, а о русских городах вообще. Для каких-то фактов мы можем найти подтверждения, учитывая современные археологические открытия, другие останутся на уровне предположений...

Глеб задумался.

– Ну что же, ты во многом права, идея интересная... Однако...

– погоди! – она вскочила и, подойдя к Глебу, положила руку ему на запястье. – Не спеши отвечать! Подумай, без тебя у меня ничего не получится! Ну пожалуйста! Скажи, я часто тебя о чем-либо просила?

– Нет, не часто, – парень покачал головой. – Возможно, ты права... Только сейчас у меня не слишком много времени. Ты же помнишь о задании

Евгения Михайловича...

– Я уверена, что ты сможешь найти хотя бы чуточку времени! Это не для меня, это для истории! – девушка улыбнулась. Ее пальцы по-прежнему лежали на руке Глеба.

– Ну хорошо, – ответил тот. – Знаешь, ты очень изменилась, но пока я не могу понять, в какую сторону.

– Надеюсь, в лучшую. – Саша отошла к двери и уже там, оглянувшись на Глеба, закончила: – Я научилась ценить время. И свое, и чужое.

На следующее утро у Александры были намечены грандиозные планы.

– Отвези меня в Москву, мне по магазинам надо, – пристала она к охраннику Сергею. Тот как раз вернулся из Светлояра, где ликвидировал следы стоянки ЗАО «РУСИЧ», и был пока относительно свободен от вахт.

– Ну вот, наконец, как нормальная девчонка заговорила, а то книги да книги, – улыбнулся он. – Готовься, через час поедем.

Серый Серегин «Шевроле» достиг Москвы достаточно быстро, а там, протащившись по пробкам, добрался наконец до крупного торгового центра.

– Сама справишься? – спросил охранник. Как и большинство мужчин, он побаивался магазинов.

– Спрашиваешь! – усмехнулась девушка.

В торговом центре она провела ровно три часа, потратив все деньги, которые имелись у нее на карточке, а ведь Евгений Михайлович перевел им денег с запасом, чтобы у всех было достаточно средств на непредвиденные расходы. Остатки денег девушка, не сомневаясь, потратила на мороженое. Оно было вкусным, хотя и немного не таким, как ей помнилось. Итак, через три с четвертью часа Александра вышла из торгового центра. Свою старую одежду девушка запихала в пакеты и появилась перед Серегой уже в новом – миленьком темно-розовом платице с черными кружевами и теплом, но очень коротком розовом же зимнем пальто.

Она подошла к машине, где на водительском сиденье подремывал уставший сопровождающий, и остановилась, приняв кокетливую позу.

Эффект превзошел все Сашины ожидания.

Увидев ее, охранник опешил.

– Ну даешь! – сказал он, когда наконец смог закрыть отвисшую челюсть.

– А что, некрасиво? – Александра покрутилась так, что пальто раздулось колоколом.

– Красиво, конечно, – Серега почесал ухо, – но как-то... совсем по-девчоночьи, что ли. Как для девчонки лет десяти-двенадцати.

Если бы он без предупреждения ударил ее под дых, не было бы так больно. Саша задохнулась. На миг ей показалось, что легкие наполняет тяжелая соленая вода – ни вздохнуть, ни выдохнуть.

– Что с тобой?

Сергеа выскочил из машины и бросился к девушке, но та инстинктивно оттолкнула его, согнулась и сжалась, как зародыш. Больно! Каждый вдох – это удивительно больно! Она хрипло закашлялась.

Кажется, Серега говорил что-то успокоительное, заворачивал в свою куртку, гладил по голове. Девушка почти не осознавала этого.

Перед ее глазами встало штормовое серое море. Мачта, которая прогибается и натужно трещит под порывами злого ветра... И две девочки, две близняшки, похожие друг на друга как две капли воды, их вечно все путали...

– Пойдем! – одна из сестер изо всех сил тянет другую с палубы.

Но вторая стоит, замороженная бурей.

– Саша! Лиза! Ну-ка быстро в каюту! – кричит папа. Но его уже едва слышно за ревом ветра. И уже поздно, потому что на них идет огромная волна.

Поздно, уже давно поздно...

– Саша!

Она пришла в себя на заднем сиденье автомобиля.

Над ней склонилось обеспокоенное лицо Сереги.

– Ну хоть жива! – он вздохнул с явным облегчением. – Ты не представляешь, как меня напугала. Отдыхай пока, я звоню доктору.

– Нет! – Александра вцепилась в его рукав. – Пожалуйста, не надо! Со мной все хорошо, просто в магазине было... очень душно.

Словно в подтверждение своих слов девушка дотронулась до шеи. Дышать действительно было еще тяжело.

– Не обижайся. Мы, мужики, сами порой не знаем, что говорим, – вид у Сергея был явно виноватый. – А ты хорошая девчонка, я тебя всегда знаешь как уважал!..

– Я не обижаюсь... И... спасибо, – она немного натянуто улыбнулась. – Ну что, поехали?..

Всю обратную дорогу Серега ехал так, словно вез что-то очень ценное и весьма легко бьющееся, и то и дело бросал на свою пассажирку обеспокоенные взгляды. В конце концов та совершенно успокоилась и даже развеселилась, смеясь его неуклюжим шуткам.

– А знаешь, ты, наверное, подросла, – сказал охранник, высаживая Александру у школы. – Ты изменилась. Не столько внешне, сколько... – он пощелкал пальцами. – Ну, в общем, словно в тебе

лампочку зажгли.

Теперь Саша улыбнулась гораздо искреннее.

* * *

Старый шаман, скорчившись, сидел в самом углу комнаты и казался ужасно виноватым.

Увидев его, Глеб ничуть не удивился. Собственно, удивлялся он тому, что появился призрачный гость так поздно.

– Явился... – бросил Глеб, закрывая дверь. – Что же ты нормально про Китеж не рассказал?

– Моя твоя предупреждала. Молодой шаман не послушал, – из-под неряшливых косичек, упавших на лицо, сверкнули хитрые лисьи глаза.

А виноватость-то – сплошная театральщина! Ну да, этого и следовало ожидать, ничего удивительного.

– Понятно, и про мое прошлое ты тоже ничего не знал? – Глеб устало опустился на кровать.

Старик затряс головой.

– Моя – бедный старый шаман, – произнес он напевно, примерно так, как тщательно снаряженные профессиональные нищие привычно и мастерски заводят шарманку: «Сами мы не местные...»

Глеб даже удивился: какое дарование пропадает!

– Откуда мне такие умные вещи знать, – продолжал

незванный гость столь же жалобно. – Видел, что ты – шаман сильный, что опытная в тебе душа... И все. Уж прости старика!..

– А теперь проголодался? – Глеб хмыкнул. – Ты нам наверняка благодарен за тот самый бубен – скучно небось в кургане было?

– А то не скучно, – вздохнул шаман. – Молодой шаман сам в пустоте оставаться не захотел. Здесь жизнь, тепло... Вот сюда всякие и тянутся...

Старик громко шмыгнул носом.

– Всякие? – переспросил Глеб удивленно. – Ты это о ком?

– Ни о ком, – глаза у гостя вновь стали хитрыми-хитрыми. – Мало ли что старый шаман скажет, уж сам не знает, что бормочет... Пойду, однако...

– Постой!..

Но тот уже исчез. Глеб нахмурился. Незванный гость явно намекал на что-то. Но на что именно? И отчего этот старик все намеками изъясняется – нет чтобы сказать нормально!..

Меж тем мысли Глеба вновь обратились к Ольге. Уже который день, выкраивая время, он пытался подкараулить девушку у подъезда, но напрасно. Она так и не появилась. Может быть, действительно уехала? Глеб хотел бы думать, что это не так. Терять любимую оказалось больно. Ему было легче, пока

он считал, что все еще можно вернуть, но теперь... теперь счастье водой утекало сквозь пальцы.

Водой... Глеб вздрогнул, вспомнив блестящую под лучами солнца гладь Светлояра и ее – Ирину, ту, перед которой он до сих пор чувствовал вину. Он недостаточно любил ее тогда, в прошлом, она же попыталась сделать из него идола, имеющего мало отношения даже к тому, бывшему Юрию Всеволодовичу, и уж совсем не касающегося сегодняшнего Глеба. Такая любовь хуже кованых цепей.

* * *

Саша придиричиво осмотрела свое отражение. Вот и неправда! Вовсе нет в новом платье ничего детского. Напротив, оно очень хорошо подчеркивает фигуру и почти полностью открывает длинные идеальные ноги. Уж точно лучше, чем унылые тряпки, заполонившие шкаф. Теперь она выглядит гораздо эффектнее и ярче, чем раньше. Недаром даже Серега заметил, что в ней словно зажгли лампочку. Так и есть. Прощай, блеклая моль, здравствуй, новая Александра!

В дверь постучали.

– Открыто! – крикнула Саша, надеясь, что это Глеб. Однако в комнату вихрем влетела Динка.

– Я нашла! – закричала она, радостно прыгая на одной ножке. – Нашла! Отследила этого товарища в сети и взломала его блог!

– Какого товарища? – Александра недовольно вздохнула и нехотя отвернулась от зеркала.

– Ну, того, на которого Евгений Михайлович указал. Он обращался в больницу как раз после нашей поездки, в которой убили Арину, сам с пулевым ранением! Евгений Михайлович его по своим каналам отследил, а я в сети выловила. А заодно весь круг его контактов. Уже смотрела блоги – он там действительно о всякой русской мистике треплется. Зуб даю, один из той организации!

– Береги зубы смолоду, – посоветовала Саша. – Но я рада твоим успехам... А где Глеб?..

– Не знаю, я его не нашла, поэтому и пришла к тебе. Надо же было с кем-то новостями поделиться! – Динка с любопытством оглядела комнату. – Ух, а ты прибрахла! Что это на тебя нашло?

– Имею право, – Александра нахмурилась. – А что, ты уже все об этих товарищах разузнала? И адреса у тебя их уже есть? – спросила она, желая перевести разговор на другую тему.

– Ой! – спохватилась Динка. – И точно! Сейчас айпишниками займусь. Гранд мерси!..

И она умчалась.

– Чем займется?.. – переспросила Саша, но тут же махнула рукой: не важно. Сегодня и так предстоит еще уйма дел.

Глава 13

Знак ночи

За ужином к ним присоединился Ян. Еще слабый, то и дело раздражающийся хриплым сухим кашлем, но все же уже выпущенный строгим врачом за пределы комнаты.

Ему неожиданно обрадовались все, даже Глеб. Александра тоже улыбнулась и под косым недоверчивым Динкиным взглядом сказала, что рада его выздоровлению. В ответ Ян посмотрел на нее косо и как-то колюче, уж он, видно, миндальничать не собирался.

За столом вспоминали пережитое приключение и посвящали Яна в подробности нынешних дел. Он слушал и кивал, почти не задавая вопросов, но Саша так и чувствовала, что он за ней наблюдает, и это было очень неприятно.

Когда с едой покончили, она позвала Глеба, сославшись на его обещание помочь с работой над книгой, и снова поймала на себе испытующий, словно бы недоверчивый взгляд Яна. Вот ведь привязался! Ну что ему стоило поболеть немного подольше! А лучше бы даже не немного...

Впрочем, никто, кроме нее, похоже, не заметил странного внимания Яна, и Александра вскоре забыла о нем, занявшись Глебом.

Они сидели совсем близко, плечом к плечу, и руки их то и дело невольно соприкасались.

Теплый свет лампы заключал их в единый круг, делая единомышленниками и даже сообщниками.

Задавая какой-нибудь вопрос, девушка заглядывала Глебу в глаза и видела, что тот постепенно словно сдает позиции, расслабляется, становится мягче.

«Главное – не торопиться, – думала она, – и все получится, он будет моим, это совершенно точно!»

Глеб говорил о прошлом легко и красочно, будто видел все своими глазами. Впрочем, наверное, и вправду видел, если в нем – душа князя Юрия Всеволодовича.

Они проговорили допоздна, а потом Глеб с явным сожалением посмотрел на часы и сказал, что пора идти. Но перед тем как выйти из комнаты, поблагодарил Сашу и еще улыбнулся – так тепло, согревающе. Казалось, еще минута – и он передумает уходить, а шагнет к ней, обнимет, прижмет к груди...

Но нет – ушел. И Александра сжала зубы, оставшись в тишине.

«Все идет хорошо, – убеждала она себя, – надо

ждать». Но как же было невыносимо ждать! Разве она не заслужила счастье – хотя бы за свое терпение и ожидание, долгое ожидание, такое другим и не снилось!

Девушка подошла к зеркалу, взглянула на себя и вдруг в испуге отпрянула. На миг ей показалось, что отражение шевельнулось, и сердце гулко забилося где-то в горле. Но нет – это только игра ночного сумрака. Поверхность зеркала спокойна, как морская гладь во время штиля.

* * *

В мире по-прежнему ничего не менялось. Все тот же штиль, все та же безмятежно-зеркальная синяя гладь и безжалостно палящее ослепительное солнце.

Кажется, когда-то ее мир был иным. В нем были день и ночь и были другие люди... Но теперь все перепуталось, перемешалось и застыло.

Кожа пропиталась солью и слегка саднила, одежда высохла и застыла колом – неприятная, колючая... Девушка вздохнула и посмотрела в небо. Пустота. Пустота и синева. И вдруг ей показалось, что на горизонте появилось что-то странное, какая-то черная точка...

Изменения? Неужели что-то действительно

меняется? Она встала у мачты, приложив руку козырьком ко лбу, и принялась вглядываться полуслепыми от солнца и соли глазами в горизонт. О, если бы надежды оправдались. Пусть станет даже хуже, только бы что-нибудь изменялось!

Точка росла и становилась больше. Девушке даже показалось, что в небе – птица. Одинокая черная птица, неизвестно что забывшая в этом пустом неподвижном мире.

– Я здесь! Я здесь! – закричала девушка. Она не помнила, понимают ли птицы человеческую речь, но кричала на всякий случай, чтобы только не оставаться в бездействии.

Кажется, птица ее услышала или просто направлялась в ее сторону.

Она была уже совсем близко, когда вдруг, заложив широкую петлю, с хриплым карканьем полетела обратно и вскоре потонула в выцветшем просоленном небе.

Девушка снова оказалась одна, и это было так больно, что она заплакала.

Боль... теперь она вспомнила, что бывает боль...

* * *

Уже с утра было понятно, что день удался.

Во время завтрака сияющая как начищенное медное колечко Динка сообщила новые сведения. Ей удалось найти и вскрыть еще один, уже секретный ящик подозреваемого и, прочтя переписку, выяснить, что через два дня должно состояться собрание общества, в Подмоскowie, на чьей-то уединенной даче.

Это была прекрасная новость. Больше всех обрадовался ей Северин. Александра, взглянувшая на него в этот момент, увидела, как сжались кулаки парня, а синие глаза сверкнули мрачным торжеством. У него имелись личные причины и свой собственный счет, который парень, похоже, собирался предъявить к оплате.

Но вечер оказался даже лучше. По мнению Александры, значительно лучше, по крайней мере до определенного момента...

Они с Глебом вновь обсуждали будущую книгу, а в окно заглядывала луна, серебря на окне снеговую опушку, и тени веток легли на стол, создавая особую атмосферу, полную загадочности и тонкой чувственности.

Глеб то и дело отвлекался, глядя в окно и думая о чем-то своем.

– Что-то случилось? – спросила Саша и коснулась его руки, лежащей на столе.

Парень чуть заметно вздрогнул.

– Нет... – проговорил он неуверенно.

– Ты можешь сказать мне, – Александра сжала его пальцы, заглянула в глаза.

– Я... – Глеб отвел взгляд, но руки не отнял. – Иногда я чувствую такое одиночество, словно остался один на всем свете, – проговорил он. – Будто очутился где-то на Северном полюсе. И пустота... И холод... Знаешь, такой нездешний холод, пронизывающий, вымораживающий до глубины души.

– Не смей так думать! Ты не один! – Саша встала со своего стула и, сев на край стола, схватила Глеба за плечи, чуть ли не силой повернула его голову к себе. – Знай, что я в любом случае буду с тобой! Слышишь?!

Последние слова она выкрикнула почти зло, встряхнула его.

Глеб смотрел на девушку вопросительно.

И тогда она – первая – потянулась к нему губами. В глазах Глеба серебрился лунный свет... Его губы оказались мягкими, податливыми. Их поцелуй, словно тоже наполненный лунным светом, длился то ли мгновение, то ли целую вечность...

Но потом Глеб отпрянул.

– Нет, не надо. Мы не должны... – пробормотал он и поспешно выскочил из комнаты, опрокинув на ходу стул.

Саша закусил губу. Зачем, зачем ему потребовалось портить то, что так хорошо начиналось?! Ясно же, они подходят друг другу, как два элемента одного узора!.. Девушка на миг закрыла глаза, а потом вновь широко распахнула их и осторожно, словно лаская, дотронулась рукой до своих губ – там, где их только что касались губы Глеба. Дурачок, он просто не понимает собственного счастья. Но поймет, обязательно поймет!

На следующий день Глеб явно чувствовал в присутствии Александры неловкость, но все же не мог удержаться, чтобы не бросать на девушку взгляды.

Кажется, это заметили все, кроме Северина, у которого осталось теперь одно стремление, и он напоминал сейчас стрелу, готовую сорваться с тетивы и полететь в цель, невзирая ни на какие препятствия.

Динка удивленно поглядывала то на Глеба, то на Александру, Ян хмурился и кашлял еще больше обычного, и все четверо (исключая все того же Северина) почему-то начали испытывать неловкость в обществе друг друга и поспешили расстаться.

Когда Александра сидела в библиотеке, уютно устроившись в кресле и держа на коленях книгу, делая вид, будто читает, к ней подошел Ян.

– Ты изменилась, – сказал он и разразился глухим кашлем.

– Ты тоже, – девушка усмехнулась, – просто ходячая картина из цикла «Проклятые рудники»! Или всем великим магам полагается жалобно и надрывно кашлять?

Ян не ответил, хмуро разглядывая ее из-под густой и как-то жалко обвисшей сейчас челки.

Саша хмыкнула и подняла книгу поближе к глазам, чтобы продемонстрировать, что разговор закончен.

Но Ян не уходил. Он так и стоял напротив, буравя девушку взглядом. Наконец она не выдержала.

– Ну что? Тебе что-то надо?

Он, словно пай-мальчик, кивнул.

– Надо. Чтобы ты оставила Глеба в покое. Так будет лучше. Для всех.

Саша почувствовала, будто внутри у нее что-то взорвалось.

– Тебя забыла спросить, как будет лучше! – ответила она зло. – Поучил меня, как надо жить, – и иди себе. Ну, что стоишь?

– Книгу переверни, – спокойно сказал Ян и, развернувшись, пошел прочь.

Александра взглянула и зашипела, как обиженная кошка: книга и впрямь оказалась вверх ногами. Но как же ей не нравится этот Ян! И что привязался? Может быть, он сам жаждет ее внимания? Да, точно, так и есть. Может, быть с

ним поласковее?.. Хотя идеальный вариант, конечно, если бы с ним что-нибудь случилось, скажем, во время исполнения следующего задания. Мало ли неприятностей происходит с людьми, которые вечно лезут на рожон? Почему бы кому-нибудь из противоборствующей языческой организации не пристрелить его абсолютно случайно?..

Девушка, забыв о книге, принялась мечтать, мысленно рисуя прекрасные сцены будущей свободы и счастья.

* * *

Глеб чувствовал себя виноватым. Перед Ольгой, перед Александрой, перед ребятами, но, самое главное, перед самим собой. словно тот поцелуй поставил на нем несмываемое позорное клеймо. А ведь ему понравилось, да что там, ему очень понравилось целоваться с Александрой. Она манила его своей яркостью и загадочностью, она была словно неоткрытая новая земля, лежащая где-то посреди белого пятна на карте. После Китежа в ней появилось нечто новое и необыкновенно притягательное. Она сказала, что научилась ценить свое и чужое время, и похоже, это действительно так.

Если подумать, они с Сашей прекрасно подходят

друг другу. У них есть общие интересы, им не требуется ничего скрывать друг от друга, не нужно всех этих мучительных недомолвок и неловких пауз... Если подумать, они идеально подходят друг другу... если подумать... А что же с сердцем? Оно молчало, ведь сердце не признает идеальной, правильной любви, оно всегда любит невпопад.

Глеб представил себе Ольгу. Ее рыжие, с медным отливом волосы, белую нежную кожу, слабо пахнущую чем-то душистым и необыкновенно приятным, голубые, словно небо, глаза... Знать бы только, где она сейчас!.. Знать бы, что все с ней в порядке...

И внезапно Глебу так сильно захотелось постоять перед ее подъездом – даже просто так, без всякой надежды на встречу, – что он натянул свитер, взял куртку и решительно вышел на улицу.

Солнце, наконец выглянувшее из-под сплошной пелены грязно-серых облаков, било в глаза веселыми лучиками, отражаясь от яркого снега.

«Уже весна, – подумал Глеб, – а мы почти не видели зиму. Время пролетело мимо нас, но что еще будет?..»

Он сел на верный Kawasaki, с ревом вылетел на пустую дорогу и вскоре, только чудом избежав несколько раз аварии, оказался в Москве у знакомого дома.

Здесь, у ее подъезда, Глеб остановился и, проведя рукой по перилам крыльца, собрал в ладонь снег и долго смотрел, как он тает, не выдерживая тепла. Вот так и человеческое сердце – оно, как и снег, не может оставаться холодным и отстраненным, а все надеется на что-то и готово растечься жалкой лужицей, если уделить ему хотя бы частицу тепла...

Глеб так задумался, что не услышал скрипа открывающейся двери. Он пришел в себя, только когда понял, что на него кто-то смотрит, и, подняв голову, увидел прямо перед собой Ольгу.

Она была в какой-то черной коротенькой шубке, и густые волосы, рассыпавшиеся по плечам, как и летом, сверкали на солнце золотыми искрами. Глебу показалось, что девушка похудела – скулы обозначились резче, а под глазами лежали тени. Она казалась усталой и очень грустной.

Осознав, что он тоже смотрит на нее, Ольга смертельно побледнела и отступила назад, в подъезд. Дверь едва не захлопнулась перед носом Глеба, но он успел рвануть ее на себя и кинулся за девушкой, перехватив ее уже возле лифта.

– Пусти! – крикнула Ольга, вырывая из его рук свое запястье.

Старенькая, интеллигентного вида консьержка высунулась из своего окошечка и смотрела на Глеба

с выражением ужаса.

– Я не сделаю ей ничего плохого, – объяснил старушке Глеб и снова повернулся к Ольге. – Оля, я не сделаю тебе ничего плохого! Я искал тебя все это время!

Она тихо всхлипнула, но не смогла вырваться и вдруг, ткнувшись лицом в холодную кожанку Глеба, разразилась горькими рыданиями.

– Не плачь, не плачь, теперь все будет хорошо, – бормотал он, глядя ее по волосам, осторожно целуя трогательно беспомощный золотистый затылок.

Консьержка вздохнула, но ничего не сказала и скрылась за своим окошком.

Ольга все плакала, а ее тонкие белые пальчики вцепились в воротник его куртки так сильно, что ногти побелели. Девушка словно боялась, что вот сейчас Глеб исчезнет, уйдет – и больше уже никогда не вернется.

В подъезде хлопнула дверь, Оля вздрогнула и отстранилась, вытирая ладонью мокрые от слез щеки.

Мимо них прошел какой-то мужчина, бросив быстрый взгляд, и скрылся в лифте.

– Прости меня, – Глеб говорил быстро, словно хотел поскорее избавиться от мучивших его слов. – Прости, я говорил тебе о любви, но, наверное, еще не

постиг тогда этого чувства. Смешно, я думал, что без меня тебе будет лучше, что ты забудешь меня...

Девушка покачала головой. Щеки ее покраснели и блестели от еще не вытертых досуха слез.

– Что бы ты ни придумал себе, я никогда тебя не забуду, – раздельно, четко произнесла она. – Ни-когда, понимаешь?

Глеб сжал ее ледяные пальцы, чувствуя, как любовь, восхищение, нежность перехлестывают в его душе через край.

– Я тоже не могу забыть тебя и не могу без тебя – ни в настоящем, ни в прошлом, ни в будущем. Ты сможешь простить меня?..

И она кивнула.

А потом их губы встретились – жадные, нетерпеливые после долгой разлуки, – и Глебу стало окончательно ясно, что он вел себя как последний кретин. Разве что-то еще имеет для него значение, разве есть на свете более высокая миссия, чем посвятить себя той, которую любишь?.. Любовь, если она настоящая, стоит любых жертв, ей не страшны любые, даже самые высокопарные слова, она придает смысл и значение даже пустому, даже сиюминутному. И ему, Глебу, повезло найти свою истинную, единственную любовь. Одну – на все времена. Права была княгиня Ирина Алексеевна –

настоящая любовь не знает времени... только не она была настоящей любовью Глеба.

* * *

Саша поняла, что случилось нечто очень плохое, едва только Глеб вернулся в школу. Его глаза сияли, а в пазуху распахнутой на груди куртки набился снег.

Он прошел мимо Александры, даже не заметив ее, и девушка прокусила до крови губу. Черт! Черт! Черт! Неужели все дело в его клуше? Она вернулась, и сама Саша снова отошла в тень, растаяла как привидение при первых утренних лучах солнца?.. Ну нет, она – не жалкий призрак, бессильный перед жестокостью реального мира. Она способна менять свою реальность, и она сделает все, чтобы если и не заполучить Глеба, то хотя бы развалить этот счастливый союз, не оставить от него и камня на камне! Она еще покажет, что не стоит доводить дело до крайности и загонять ее в угол!

Девушка медленно подняла руку и отерла с подбородка сочащуюся струйкой из губы кровь. Пока еще рано делать выводы. Она еще посмотрит, кто кого.

Глава 14

Нападение

Вечером Евгений Михайлович вызвал Глеба к себе.

– Хочу поговорить с тобой. Этих бандитов вы нашли, молодцы. – Он помедлил мгновение. – Но думаю, вам самим стоит поехать туда.

– На их встречу?! – Глеб недоуменно посмотрел на директора. – Захватить их?!

Мысли юноши смешались. С одной стороны, конечно, лестно, что Евгений Михайлович считает, что они справятся с полудюжиной взрослых и наверняка вооруженных мужчин. С другой – не он ли сам всячески убеждал их избегать напрасного риска.

Директор прервал его размышления:

– Нет, разумеется, захватывать их вам не потребуется. С этим справится и обычный ОМОН. Я хочу, чтобы вы поехали на место захвата по двум причинам. Во-первых, мне удалось добиться, чтобы вам позволили осмотреть дом и вещи задержанных. На предмет чего-то необычного, связанного с тем, чем вы занимаетесь. Насколько нам удалось узнать, организация наших врагов существует довольно давно, и они могли добиться определенных

успехов. Даже, возможно, разыскать какие-то из артефактов. Во-вторых, обратите внимание на все, связанное с неестественными проявлениями реальности, с магией, проще говоря. Нам очень важно знать, насколько они продвинулись на этом пути. Следователи, конечно, будут, как говорится, «носом землю рыть», искать улики. Но то, о чем я говорю, они не увидят и не заметят.

— Я понимаю, — кивнул Глеб. Он представил, насколько опасным может оказаться могущественный артефакт, да та же секира в руках таких людей, и внутренне содрогнулся. — Поедем я, Александра и Ян?

— Ну, поедете вы все, — улыбнулся Евгений Михайлович, и жесткие морщинки в уголках его рта разгладились. — Без вас мы бы вряд ли нашли наших противников. Вы проделали большую работу и заслужили небольшой триумф. К операции привлечены значительные силы. Не думаю, чтобы вам могло что-то угрожать. А увидеть своими глазами, что эти негодяи получили по заслугам и никому больше не причинят вреда... Кое-кому из вас это пойдет на пользу.

— Значит, мы едем все?

— Думаю, да. Поедете на двух машинах, с охраной. Нет, нет, — он поднял руку, видя, что Глеб собирается

возразить. – Безопасность лишней не бывает. Мне не хотелось бы напрасно рисковать вами.

Глеб вздохнул, Евгений Михайлович стал вновь похож на самого себя – умного, осторожного и справедливого. Может, и вправду Северину станет спокойнее, когда он увидит, что виновные в смерти Арины наказаны.

– Еще вот что, – добавил директор. – Люди, загнанные в угол, могут быть очень опасны. Я категорически запрещаю вам приближаться к дому, пока штурм не закончится.

– А если произойдет нечто особенное, требующее нашего вмешательства? Если среди них все же есть люди, обладающие способностями? Такие, как Ян, например. Обычные люди беззащитны перед ними.

– Обычных людей там не будет, дом будут штурмовать профессиональные тренированные бойцы, готовые ко всяким неприятным сюрпризам. Но если все же произойдет что-то подобное, вам следует посмотреть на это, особенно Яну. Если они попытаются скрыться при помощи магии или как-то заморочить омонцовцев, разумеется, вам следует помочь. Но, пожалуйста, с безопасного расстояния.

Все по-разному восприняли поручение Евгения Михайловича. Динка с восторгом, хотя огорчилась, что им придется сидеть «в глубоком тылу». Северин

казался слегка недовольным тем, что им запретили принимать непосредственное участие в штурме. Александра же отнеслась с явной досадой: «Трястись по морозу и колдобинам. Зачем? Все и без нас сделают».

Глеб и сам чувствовал, что вид поверженного врага не доставит ему радости. Разумеется, они поступают правильно, эти люди уже и так принесли немало вреда и получают то, что заслуживают. Но, говоря о триумфе, Евгений Михайлович, пожалуй, перебарщивает. Скорее, это необходимая, но неприятная работа. Глеб вспомнил про икону, и его вновь посетили сомнения. Может, не так уж и правы они были. Не стоило так безоглядно прислушиваться к Александре, надо было попробовать найти другие варианты. Он безжалостно отогнал тягостные мысли: «Что сделано, то сделано. Надо не сожалеть о прошлом, а сосредоточиться на нынешней задаче».

Вместительный внедорожник мягко покачивался на дорожных колдобинах. Деревня, где должна была состояться сходка руководителей неоязыческой организации, находилась в самой что ни на есть подмосковной глуши, среди Мещерских болот. За окном смеркалось, заснеженный лес по обочинам дороги навевал дрему.

Ян сидел погруженный в свои мысли. Сначала

он пытался в своей обычной ехидной манере комментировать их путешествие. Даже стишок прочитал, что-то вроде: «Добро должно быть с кулаками, с клыками, с острыми рогами», – но Саша довольно резко его оборвала.

– Мы, значит, то самое добро? А ты предпочел бы, чтобы мы оказались на месте наших врагов?! Ну так давай, пойд и предупреди их. У нас есть преимущества – и мы их используем. Они поступают так же. Если ты не в курсе, то время рыцарских поединков и вызовов давно прошло! Да и не было его никогда. Это война, и побеждает тот, кто воюет без правил.

Правда, девушка тут же извинилась, сказав, что очень зла из-за того, что случилось с Северином, и свернула разговор на книгу, к большому удовольствию Глеба.

«Как все же Саша изменилась после Китежа, – подумал он мимоходом, – стала гораздо увереннее, не стесняется выражать свое мнение. Как-то ярче стала». Глеб не признавался себе в этом, но беседы с ней теперь доставляли ему гораздо большее удовольствие. Иногда ему казалось, что она понимает его с полуслова.

Они въехали в деревню. Процессия и впрямь была внушительная: несколько грузовиков с ОМОНОм,

пять внедорожников, «Скорая» на всякий случай. Зимой деревня почти необитаема, лишь несколько стариков и старушек доживали здесь свой век, то ли не решаясь уехать в город, то ли не к кому им было и ехать. Сейчас они прятались по домам, запуганные местным участковым историей про страшных бандитов и «специальную операцию», которая будет проводиться в их богом забытом углу.

Это, как и многое другое, «русичи» узнали от Динки, ехавшей с Северином во второй машине. Она пообещала, что, хотя их и не пустят посмотреть, она поможет оставаться в курсе событий. Сейчас девочка – не то подключившись на полицейскую волну, не то еще каким-то закононепослушным образом – прослушивала переговоры полицейских чинов, руководивших операцией, и охотно делилась информацией с товарищами.

«Русичам» отвели место у деревенской околицы. Отсюда единственная улица, застроенная серыми, как будто просевшими под шапками снега избами, изгибалась вдоль берега заболоченного, не замерзающего даже зимой озера. Чуть поодаль, на мысу, стоял большой одинокий дом, бывшее жилище местного лесника, где и должна была проходить встреча. В окнах дома горел свет. Как удалось выяснить Динке, в деревне еще до их приезда

находились наблюдатели. Они подтвердили, что все, кого ожидали, уже приехали и вошли в дом.

Руководители операции, похоже, тоже получили от Евгения Михайловича указания. Ребята могли видеть дом, но их от него отделяло значительное расстояние. Впрочем, сгущавшиеся сумерки делали весьма затруднительным и наблюдение.

– Мы даже и не увидим ничего, – сказала Саша. С озера дул теплый, пахнувший болотом ветер, но она почему-то поежилась. – Пойду в салон. Зря мы приехали.

Динка, возившаяся возле машины с большой радиоуправляемой моделью вертолета, который на глазах обрастал всякими дополнительными устройствами, протянула Глебу извлеченный из недр рюкзака огромный бинокль.

– Попробуй смотреть сюда. Ночной, с увеличением. Он принял к окулярам. Зимние сумерки стали благодаря оптике пасмурным днем, залитым неживым, ярко-зеленым свечением. Глеб увидел, как черные фигуры омоновцев, обвешанные штурмовым снаряжением, плавно и бесшумно, как призраки, окружают дом, перебегают за деревьями, прячутся за покосившимся забором.

Какое-то время ничего не происходило. Вдруг грубый голос закричал в мегафон, призывая

сдаваться и выходить с поднятыми руками. Спустя несколько мгновений тишины зимний вечер взорвался вспышками выстрелов.

– Почему они стреляют? – удивился Северин. – Им же никто не отвечает.

Тем не менее штурмующие, похоже, увидели серьезную угрозу. Дробный перестук стрельбы нарастал. Динка, бросив чудо-вертолет, достала небольшую черную коробочку с антенной, напоминающую обычную рацию, повернула регулятор звука, и тишину разорвали приглушенные расстоянием и помехами крики:

– Нас зажали! Нас зажали! У меня два трехсотых!⁸

– Всем, работаем по целям!

– Их там что, рота, что ли?!

Было ясно, что у атакующих что-то пошло не так.

– Ребята, шли бы вы за машины, – лицо Сереги, охранника, было тревожным. – Вон как палят. Прилетит оттуда какая-нибудь гадость, что я Евгению Михайловичу скажу?

Ветер усилился, загудел в деревьях, повалил снег, и происходящее на дальнем конце деревни скрылось за белесой пеленой. В какое-то мгновение Глебу показалось, что среди выстрелов, криков и воя ветра он различает чье-то протяжное и высокое

⁸ «Трехсотый» – условное обозначение раненого в радиопереговорах.

тение, видит кружащие среди людей белые фигуры с широкими развевающимися рукавами.

Ян, до сих пор не проявлявший интереса к происходящему, уставился в начинающуюся метель так, как будто увидел сквозь снежную завесу что-то необычайно интересное.

Он поднял руки, словно пытаясь что-то нащупать в воздухе, бормоча себе под нос:

– Так, так, кто это у нас такой талантливый?

Из снежной пелены вынырнул какой-то офицер.

– Вы, вундеркинды... – начал он.

Ян изящно поклонился ему.

– Там происходит что-то странное, – сказал маг, улыбаясь, словно сообщал наиприятнейшую новость. – Вы не понимаете, но жаждете понять. Сегодня ваш счастливый день! Я как раз тот, кто вам нужен. Пойдемте.

И он скрылся за круговертью снега вслед за полицейским.

– Давайте-ка по машинам, не нравится мне все это, – сказал Серега. Никто ему не возразил.

Вдруг Динка, уже садясь в машину, закричала:

– Мой вертолет! Его ж засыплет снегом. Я сейчас!

И она выскользнула за дверь.

– Куда! – Северин высунулся из машины.

Дина, стоя на коленях, копалась в снегу. Внезапно

парень с ужасом увидел, как за ее спиной из белесой мглы проступают темные силуэты. Зверь глубоко внутри заворочался и оскалил зубы. «Враги!» – прорычал он. И мир вокруг Северина исчез в ослепительной вспышке.

Когда чувства вернулись, мир был темным, холодным и мокрым.

«Я лежу лицом в снегу», – догадался парень.

Вокруг царила странная, неживая тишина. Северин осторожно приподнял голову. Перед глазамиплыли цветные линии и пятна, сливаясь с белыми снежинками. Метель закончилась, но снег, густой и мокрый, по-прежнему валил с неба.

Северин с трудом поднялся.

Ему казалось, что он снова очутился в каком-то странном месте, где нет ни времени, ни звуков. Но внезапная догадка отогнала наваждение.

«Я просто оглох! Что это было? Граната?»

Парень огляделся. Вот и знакомые машины.

Водитель уткнулся лицом в руль, окно разбито. Северин заметил Сашу. Голова ее была откинула, а лицо окаменело, как у человека, спящего глубоким сном, или... или как у мертвого.

Северин распахнул дверцу, боясь, что уже поздно, дотронулся до шеи девушки. Пульс прощупывался. И она, и Глеб, и Ян, к счастью, оказались живы. Но без

сознания.

«Штурмовая граната, – понял он. – Светошумовая скорее всего. В прошлый раз они использовали газ».

Но картинка не складывалась. Чего-то не хватало...
Вернее, кого-то...

– Дина! – закричал он, но не услышал даже звука собственного голоса.

Несмотря на полуослепшие глаза и густой снег, парень все же различил за белой пеленой удаляющиеся темные фигуры. На плече у одного из убегающих лежало что-то странное, похожее на мешок. Взгляд выхватывал отдельные детали: темные волосы, болтающуюся, как у тряпичной куклы, голову... Северин различил канареечно-желтый пуховик с черепом и костями на спине, тот самый, который Динка вытребовала у Евгения Михайловича на прошлый Новый год и носила теперь все холодное время почти не снимая.

«Нас ждет славная охота», – прорычал зверь внутри него, и Северин прыгнул, чувствуя в полете, как изменяется его тело.

Огромный волк коснулся лапами земли и бросился в погоню.

Обычно, когда он преследовал жертву, то ощущал, что мир сам ложится ему под лапы, но сейчас все было по-другому. Вновь началась метель. Снег

словно пытался облепить, задержать его. Ветер, несущий запахи торфа, затхлой воды и гнили, стремился сбить со следа. И за всем этим стояла чья-то направленная, враждебная воля.

Волк с синими глазами зарычал.

Он едва не потерял их, похитители уходили в сторону от деревни. Гигантскими прыжками зверь мчался по полю, ведомый едва заметной цепочкой следов, сразу же заметаемых снегом.

Мир слился в сплошную серо-белую полосу.

За небольшой речушкой похитители остановились.

«Глупцы!» – расхохотался Северин, но из горла вместо смеха вырвался хриплый, торжествующий вой. Раздалось несколько сухих щелчков. Он увернулся от глупого свинца, собираясь одним прыжком перемахнуть речушку.

Не получилось.

Скользкая коричневая лапа, украшенная внушительными когтями, сомкнулась на задней лапе волка, и Северин рухнул в теплую, пахнущую железом и тухлыми яйцами воду.

Перед ним появилось морщинистое не то человеческое, не то жабье лицо.

«Кикимора», – вспомнилось Северину слово из какой-то странной, прошлой жизни.

Он лязгнул зубами, желая избавиться от помехи.

Кикимора резко отпрянула и, вцепившись когтями задних лап в бока, потянула его вниз. Вода попала в пасть, обожгла легкие. Северин вырвался и попытался достать болотную нечисть теперь уже всерьез, но зубы лишь скользнули по скользкой, пахнущей рыбой шкуре. Тварь обладала удивительным проворством.

Он глотнул побольше воздуха и перестал сопротивляться. Кикимора заверещала, радуясь легкой победе.

Когда вода сомкнулась над ним, волк рванулся вперед и впился в скользкое, морщинистое тело. Захрустели кости, в пасть хлынула вонючая жижа. От вибрирующего визга твари, казалось, разламывается голова.

Когда кикимора перестала шевелиться, он оттолкнулся лапами от дна и как пробка вылетел на невысокий покрытый сугробами берег.

Отдышавшись и поев немного снега, чтобы отбить гнилостный вкус нечисти, волк продолжил погоню.

Необычная метель добросовестно замела все следы. Но Северина это уже не беспокоило. Внутри него возникло какое-то новое чувство, чутье, которое подсказывало ему, куда надо бежать. Прежде бесполезные части пейзажа – старый почерневший пенек, сверкающий танец снежинок, расположение

сугробов в поле – стали верными приметами, показывающими, куда ушли его враги.

В стороне от деревни лежало кладбище. Волк проскользнул в дыру в ограде и осторожно принялся. Теперь его чувства изменились. Он видел.

Видел голубовато-серую дымку покоя и печали, окутывающую могилы, где поколения жителей деревни находили последний приют. Видел упругие и трепещущие оранжево-алые языки сдерживаемой ярости и готовности к бою, исходившие от разрушенной церкви, где прятались похитители. Видел ярко-зеленый, как весенняя трава, цвет Динки. Сейчас он был приглушен, похоже, девочка была без сознания.

Человеческая часть его разума удивилась и встревожилась от таких перемен, но зверь воспринял их как должное. Крадучись волк направился к развалинам церкви.

Его уже ждали.

«Что ж, тем хуже для них», – сказал себе Северин. Они убили его возлюбленную, напали на его друзей, и он не собирался давать пощады. Люди караулили оба прохода в церковь, но добраться до них вполне возможно. Только преодолеть ограду. Барьер высотой в человеческий рост – не препятствие для настоящего

хищника. Северин оттолкнулся от земли и взмыл в воздух. Огненные хвосты выстрелов потянулись к нему, несколько пуль вошло в тело, и большой синеглазый волк неловко рухнул на снег.

Враги были совсем близко. Он чуял их запах, слышал странное бормотание: «От серого, от зубастого, что две шкуры носит...»

Лежа на побуревшем от крови снегу, волк затих, зная, что люди не видят его из-за перекрывавших обзор кустов. Теперь нужно проявить осторожность...

Он медленно пополз в сторону церкви, выжидая, когда придет удобный момент. И он пришел.

Вот человек, карауливший проход, зевнул, отвлекся на что-то.

«Пора!» – понял волк. Один рывок – и он будет в церкви.

«Они побоятся задеть друг друга, начнется неразбериха», – подумал Северин и прыгнул, но вдруг будто налетел на невидимую стену.

Не нем скрестились лучи нескольких фонарей.

Северин рванулся снова. И его снова отбросило назад.

Между ним и врагами не было ничего. Слабый запах соли подсказал ему, что обычная поваренная соль насыпана на входе в храм. Именно она не пускала его внутрь, перегораживая путь.

«Колдовство», – понял волк и зарычал.

Один из похитителей вышел вперед. Высокий, с желтыми немигающими, как у хищной птицы, глазами. Северин обратил внимание, что он заметно хромает на левую ногу, а левая рука, сухая, скрюченная, это заметно, несмотря на толстую телогрейку, была прижата к груди.

– Шел бы ты отсюда, парень, – сказал желтоглазый. – Ты силен. Но мы тебе не по зубам.

Северин зарычал, изнутри поднималась пелена звериной ярости. Такой, от которой теряешь голову. Забываешь, кто ты есть. Забываешь все, лишь бы добраться до горла врага.

Снова раздались выстрелы. Волк пытался ворваться то в один, то в другой проход, пытался перепрыгнуть через стену. Снова и снова невидимая стена отбрасывала его. Люди стреляли и стреляли. Раны на теле волка не успевали закрыться и появлялись все новые и новые. Сердце, пытаясь удержать в теле драгоценную жизненную влагу, билось все медленнее и медленнее. Движения волка стали вялыми и заторможенными. Ярость уступила место чудовищной, отупляющей усталости.

«Я должен. Я должен спасти... убить...» – мысли Северина путались.

Он уже не замечал, что стоит, пытаясь удержаться

на разъезжающихся лапах, в луже собственной крови. Не замечал, что желтоглазый, опираясь на суковатую палку, покинул церковь и подошел к нему. Тяжелый армейский ботинок обрушился на голову волка и сбросил его в разверстую пасть раскопанной, видно, для кого-то впрок, могилы. И густой белый снег укрыл его теплым, пуховым одеялом.

Глава 15

Проваленное задание

Они отыскиали Северина у полуразрушенной церкви. Отыскиали чудом. Вернее, благодаря способностям Яна, который даже сейчас нашел время для неуместной шутки, заметив, что, мол, теперь всегда будет говорить: «Да это легче, чем найти оборотня, занесенного магическим снегом».

Никто не засмеялся, что было вовсе не удивительно, учитывая серьезность ситуации и состояние всех участников неудачного захвата.

Северин лежал в яме, предназначенной стать кому-то могилой. Но, к счастью, не ему. Когда Глеб и пара омовцев подняли парня наружу, стало ясно, что он отделался малой кровью – всего несколько ссадин на щеке и подозрительные дырки на одежде.

– Такое ощущение, что его изрешетили пулями. Быть такого не может! – пробормотал один из омовцев, осматривая тело. – Если бы в паренька действительно стреляли, он бы истек кровью и уже давно умер. А тут и крови-то совсем немного... Такое ощущение, что его раздели, потом долго поливали автоматным огнем его одежду, а затем одели вновь.

Бред какой-то. Ничего не понимаю. А ну вызывай вертолет!

Его напарник тут же забубнил в рацию.

Александра поежилась и подняла глаза к небу в ожидании прибытия спасательной службы. Небо, кстати, странным образом очистилось, теперь на нем не осталось ни единого облачка, и даже поверить было сложно, что недавно здесь бушевала настоящая метель.

До чего же неудачная операция! А ведь Саша с самого начала предчувствовала нечто подобное и не хотела ехать. Но кто к ней прислушается?! Девушка закашлялась. Ну вот, теперь у них не команда, а банда задохликов. После действия гранаты звенело в ушах, а в голове до сих пор не прояснилось. Вдобавок к тому ужасно мутило и болел желудок. Неудивительно. Вот уж отличились! Молодцы, устроили засаду...

«А ведь получилось, что засаду устроили не мы, а нам... И считая, что охотники тут мы, вся команда угодила прямиком в расставленную ловушку! — поняла вдруг девушка. — Интересно получается!..»

Она покосилась на своих товарищей. Глеб хлопотал вокруг раненого, еще не пришедшего в сознание Северина, Ян кружил вокруг церкви, словно приняхивался, а омоновцы стояли чуть в стороне и курили.

Трудно поверить, что кто-нибудь из них причастен к сливу информации, но как-то же она просочилась к врагам. Их ждали, это очевидно.

Ход ее мыслей прервал нарастающий гул. Вот наконец и вертолет.

Вскоре медики уже осматривали пострадавшего.

– Странно, – говорил, качая головой, высокий бородатый врач с огромными, вовсе не врачебными, на взгляд Саши, руками. – Дырки на одежде есть, шрамы есть, а ран нет. Они словно затянулись в одно мгновение. Никогда такого не видел.

– А сегодня у нас вообще день открытий, – нервно хохотнул его чернявый помощник – словно нарочно подобранный в пику врачу: маленький, худой хлюпик. – И это уже не первые несуществующие раны, которые мы сегодня видим.

Ян, околачивающийся поблизости, ощутило напрягся.

– То есть?.. – переспросил он напряженно.

– Да эти ваши, которые на штурм ходили, – чернявый неодобрительно покачал головой, достал из кармана сигарету, покрутил ее в желтых от никотина пальцах, но, так и не закулив, снова сунул в пачку. – Нас же к ним тоже вызывали. Мол, раненых у них много. Мы прибыли, а ран-то нет! Парни ваши лежат, стонут, мучаются, а ран нет! Даже

одежда в отличие от вот этого, – он небрежно кивнул на лежащего на носилках Северина, – нетронута. Парадокс!

– Болтаешь много, – буркнул неодобрительно громила-врач, теребя бороду. – Я сразу сказал, что эти ребята не по нашей части.

– Думаете, массовый гипноз? – удивился Глеб.

– Мое дело – ваши дырки штопать, – отрезал врач, – а не предположения строить. Кому надо, тот и разберется. Ладно, грузите парня, поставим ему капельницу – пусть витаминчики для поддержания сил прокапаются.

Вскоре вертолет улетел, а за остальными ребятами подъехала машина.

– Ну и что ты об этом думаешь? – спросил Глеб Яна, оборачиваясь к нему с переднего сиденья.

– Ничего хорошего не думаю, – тот зябко дернул плечами. – У этих ребят есть хорошие... м-м-м... специалисты. Вернее, очень хорошие, если они сработали так качественно. Да и сама задумка на пять баллов – применить против омонцовцев магию, а к нам с физической силой подкатиться... И ведь как удачно все вышло, будто так они и планировали...

– Они и планировали! – не выдержав, вмешалась Александра. – Разве непонятно?..

Глеб тихо выругался.

– А ведь и вправду планировали. Они нам эту встречу как кусок сыра в мышеловку подбросили. Мы и повелись... И еще Динку потеряли... Может быть, Северин, как очнется, что-то расскажет...

Всю оставшуюся до школы дорогу ребята молчали. Саша смотрела на проносящиеся мимо заснеженные деревья. Мысли казались неподъемными чугунными шарами и медленно перекатывались в голове, наполняя ее тяжелым тревожным гулом.

Директор ждал их на крыльце школы, и лицо его было таким мрачным, что даже казалось чужим.

– Похоже, это не ваш год, – хмуро заметил он, оглядывая ребят. – И это задание, уже второе подряд, закончилось неудачей... Или это тоже было стратегическое соображение, как тогда, с иконой?..

Глеб виновато опустил голову.

– Ну, проходите, орлы, – Евгений Михайлович кивнул в сторону двери, – расскажете о своих подвигах.

Рассказывать было почти нечего, однако они подробно изложили все немногое, то, что видели и знали, добавив заключение Яна по поводу применения противником воздействующей на сознание магии, а также соображение Александры по поводу вероятной утечки информации.

Директор слушал их, и на лице его не отражалось

никаких эмоций, словно перед ними было не живое человеческое лицо, а маска. О чем он думает, верит или нет – не поймешь.

– Вот что я скажу, – произнес он, когда Глеб замолчал, – об операции до ее начала не было известно никому, кроме меня и вас. Омоновцев собрали в последний момент и проинструктировали уже по дороге, поэтому утечка не могла произойти по их вине.

– Вы хотите сказать, что один из нас предатель? – уточнил Глеб, нахмурившись.

– Вам виднее, но факты таковы, – Евгений Михайлович встал с кресла и направился к выходу. – Навещу Северина. Говорят, он пришел в себя.

Директор ушел, а в комнате воцарилась тишина. Их было всего трое. Неужели предатель среди них?

Саша снова посмотрела на Глеба, затем остановила взгляд на Яне. Тот откашлялся, затем встал с кресла и отошел к окну.

– Кажется, я догадываюсь, кого вы подозреваете, – сказал маг, глядя куда-то на улицу и не утруждая себя тем, чтобы обернуться к собеседникам.

– А ты можешь дать слово, что не виновен? – спросил Глеб напряженным голосом.

– А ты мне поверишь, если я дам это слово? – Ян наконец повернулся к ним, и по его лицу, наполовину

закрытому челкой, тоже нельзя было прочитывать никаких эмоций.

Глеб не ответил, и все снова замолкли.

* * *

Северина они увидели только на следующий день. Он появился в столовой очень мрачный и бледный, однако было трудно поверить, что вчера в него всадили не менее дюжины пуль.

За столом Северин немного повозил ложкой в тарелке с овсянкой, но есть не стал. Подробности неудачной засады, пересказанные товарищами, он выслушал молча, а потом тяжело встал и вышел из-за стола.

– Не могу больше! – сказал он, отшвырнув стул, с грохотом рухнувший на пол.

– Северин! – Глеб, подойдя к другу, положил руку ему на плечо. – Успокойся, мы найдем Динку, только...

– Никаких только! – парень упрямо тряхнул головой. – Я найду ее и найду этих тварей, чего бы это мне ни стоило!

– Погони, не пори горячку...

– А что, сидеть и ждать? Позволить им творить все, что они хотят? Хватит! У меня уже был к ним счет! – он упрямо тряхнул головой.

– Погоди, давай обсудим, что именно ты собираешься сделать, – Глеб все еще не терял надежды воззвать к разуму друга, но Александре казалось, что сейчас в Северине гораздо больше звериного, чем человеческого.

– Я их найду. По запаху. И не останавливайте меня! Я дважды слажал, как последний щенок, – из горла его вырвался то ли стон, то ли рык.

– Хорошо, – Глеб махнул рукой, догадавшись, что переубедить парня он не сможет. – Но все же подумай о нас и об эффективности. Вовсе не надо лезть на рожон и допускать возможность проиграть уже в третий раз. Лучше найди их и позови нас. Мы учтем прошлые ошибки. А тебе пригодится наша помощь, особенно его, – он кивнул на спокойно слушающего беседу Яна, – среди тех есть способный колдун.

Глаза Северина на миг прояснились, в них наконец появилось что-то человеческое.

– Да, ты прав, – пробормотал он, не глядя на Глеба, – главное – одолеть их и вернуть Динку...

С этими словами Северин вышел из столовой.

– Дисциплинка! – присвистнул Ян.

Завтрак тоже оказался скомкан, и Александра поспешила уйти к себе. Делать пока что особо было нечего, и девушка загрузила компьютер. В почтовом ящике оказалось письмо, отправленное с

незнакомомого адреса.

Саша с любопытством открыла его и изумленно уставилась на экран.

«ЕСЛИ ХОТИТЕ ВЕРНУТЬ ЧЛЕНА ВАШЕЙ КОМАНДЫ, ДОСТАНЫТЕ ОДИН ИЗ ДОБЫТЫХ ВАМИ АРТЕФАКТОВ. ВАШЕ НАЧАЛЬСТВО ОБМАНЫВАЕТ ВАС И НЕ ДОРОЖИТ ВАШИМИ ЖИЗНЯМИ. ВЧЕРА МЫ ПРЕДЛАГАЛИ ТАКОЙ ЖЕ ОБМЕН ВАШЕМУ ДИРЕКТОРУ, И ОН НА НЕГО НЕ ПОШЕЛ. ДОСТАНЫТЕ КНИГУ ИЛИ СЕКИРУ, ИНАЧЕ ДЕВЧОНКА УМРЕТ».

И никакой подписи.

Александра еще пялилась в экран, когда в комнату, забыв даже постучать, ворвался Глеб.

– Ты уже видела это?! – взволнованно крикнул он.

Девушке не требовалось спрашивать, о чем это он, и она молча кивнула.

Глеб стоял у ее стола, нахмурившись, такой серьезный... губа чуть закушена, но длинные тонкие пальцы спокойно лежат на столешнице. Девушка обратила внимание, что ногти у Глеба в полном порядке, несмотря на то, что им всем пришлось пережить. Он следит за собой, а это свойственно далеко не всем парням. Как же несправедливо, что этот ухоженный, красивый парень принадлежит не ей! Он стоит совсем близком – только протяни руку

– и в то же время так далеко, словно находится в параллельной вселенной.

Девушка вспомнила мягкость его губ, и в груди поднялась волна, обжигающая и ледяная одновременно. Мироздание дало трещину, в его выверенные формулы вкралась роковая ошибка. На деле Глеб должен принадлежать ей, только ей!..

– Почему ты на меня так странно смотришь? – спросил Глеб, возвращая девушку в реальный мир.

– Задумалась, – поспешно ответила Александра, – и что нам теперь со всем этим делать? – она кивнула на монитор.

– Во-первых, поговорю с Евгением Михайловичем, а во-вторых, будем ждать известий от Северина. Я заглядывал к нему, он все-таки ушел разыскивать Динку. Хорошо хоть этого письма не видел... Его, видно, нам всем разослали... Я тоже считаю, что оставлять у них Динку нельзя, но где гарантия, что, отдав артефакт, мы получим ее обратно? К тому же, заполучив желаемое, они смогут принести еще большие проблемы... Но действовать пока мы никак не можем. Черт, знать бы, что с Динкой все в порядке... Евгений Михайлович наверняка отправил своих людей на поиски. Мы тоже не можем сидеть сложа руки...

– Наверное, ты прав, – Александра старалась не

смотреть на Глеба, чтобы невольно не выдать себя, и машинально щелкала клавишей «мыши».

– А вот еще что, – Глеб присел на край стола. – Они явно хотят нас стравить, настроить против Евгения Михайловича и друг против друга. Я все думаю, может, предателя среди нас и не было?..

– А откуда же они узнали о готовящейся засаде? – вяло спросила Саша. От злости пульс бешено стучал у нее в висках.

– Нельзя исключать, что они как-то догадались, что мы вышли на них, что ящик взломан, а потому сделали вид, будто ничего не подозревают, и готовили нам ловушку в то время, когда мы считали, что сами охотимся на них, – резонно предположил Глеб. – Нельзя исключать и магическую версию. Ян же говорил...

– А ты ему веришь? – девушка была рада хоть немного выплеснуть бушующее в груди бешенство. – Он сильный маг, и что, если именно он организовал ту засаду и воздействовал на сознание омовцев? Ты же видишь, какой он! Ян не скрывает отсутствие хоть каких-то принципов. Ненавижу! Убила бы таких! – она говорила все горячее и горячее, а затем ударила кулачком по столу.

– Саша, что с тобой? – испугался Глеб.

– Ничего! Со мной – ничего! Я вообще, знаешь

ли, никто. Меня можно поманить, а потом бросить и сделать вид, что ничего не произошло! Меня вообще можно не замечать!

Глеб на миг опустил голову, а потом посмотрел девушке в глаза.

– Саша, я очень виноват перед тобой. Ты замечательная...

– Замечательная?! – перебила она и, вскочив с кресла, едва не вцепилась ему в лицо ногтями. – Так говорят в тех случаях, когда собираются послать нафиг! «Ты же умница», «ты же все понимаешь», «ты за-ме-ча-тель-ная»! – передразнила она яростно.

– Прости меня, – терпеливо повторил Глеб и шагнул от нее в сторону. – Я лучше пока уйду.

И тут в кармане его рубашки завибрировал мобильник и разразился какой-то лирической мелодией. В тот же миг отстраненное, чужое лицо Глеба переменялось как по мановению волшебной палочки.

«Это она!» – поняла Александра.

Глеб, держа телефон в руке, поспешно вышел из комнаты, а Саша подошла к двери и чуть приоткрыла ее, прислушиваясь к доносившемуся из коридора голосу парня.

– Не расстраивайся, Оля, я сейчас приеду к тебе, – говорил Глеб так мягко и ласково, как никогда не

разговаривал с самой Александрой. – Сделаем что-нибудь с твоей заграничной учебой... Нет, больше я тебя никогда не отпущу! Слышишь!.. Да, жди меня, уже выезжаю. Я люблю тебя...

Из-за своей двери Саша видела, как Глеб на миг прижал трубку к губам, словно целуя, а потом быстро направился в свою комнату.

На принятие решения ушло едва ли больше секунды. Да и что там решать, девушка уже знала, что именно будет делать.

– Але, – набрала она номер, – такси? Мне срочно нужна машина. Да, срочно! Заплачу по двойному тарифу. Записывайте адрес...

Глава 16

Девушка на мосту

Теперь она знала все и видела соперницу собственными глазами. Ничего особенного – рыженькая, белокожая. В общем, миленькая, но совершенно обыкновенная.

Она сама другая и гораздо больше подходит Глебу. Даже тот, единственный поцелуй показал, как хорошо им вместе. Приворожила его, что ли, эта рыжая?..

Александра наблюдала за ними, скользя, как тень, от дома к дому. Она видела, как парочка дошла до подъезда. Здесь Глеб обнял девушку, и они принялись целоваться. Это было ужасно. Нет, хуже того, это было **несправедливо!**

«Нет, не сейчас... только не сейчас. Сейчас я буду выглядеть смешно. Нужно потерпеть еще совсем немного...» – уговаривала она себя, сжимая кулаки в карманах куртки так, что на ладонях остались отметины от впившихся в кожу ногтей.

Голубки наконец расстались. Глеб направился к мотоциклу, а рыжая смела снег с лавочки и села на нее. Лицо при этом у девушки было задумчивое и даже вдохновенное. Она не спешила заходить

в дом, и Саша тоже не спешила заканчивать наблюдение: а вдруг ей представится шанс... Нельзя ими разбрасываться: упустишь свой счастливый билет и больше никогда его не увидишь. Судьба не любит разинь.

Тем временем рыжая поднялась со скамейки и медленно пошла куда-то.

Александра следовала за ней уже почти не скрываясь, но девушка не чувствовала слежки и даже не думала оглядываться.

Хотя времени было еще немного, стояли сумерки, лишь слегка разбавленные мутновато-акварельным светом фонарей.

Рыжая, а вслед за ней и Александра прошли по набережной, вышли на Каменный мост. Здесь девушка остановилась и, облокотившись о перила, задумчиво уставилась на темнеющую воду.

Саша огляделась. Прохожих было немного. Чуть дальше смеялась и шумела небольшая компания. Сразу видно, людям безразлично все, что происходит вокруг. Лучше времени и не придумаешь. «Сейчас!» – поняла девушка. Вода, именно вода сослужит ей на этот раз хорошую службу. Это даже забавно, эдакая игра судьбы, известной любительницы всяческих парадоксов.

Сердце девушки забилось, а в вены словно

впрыснули сильнодействующее вещество: мир стал более красочным и выпуклым. Такое случилось с ней, пожалуй, только единожды, когда отец на день рождения подарил ей и сестре-близняшке удивительные подарки – по настоящему скутеру, в точности такому же, как у взрослых. Тогда она чувствовала такое же радостное возбуждение и ощущение настоящего чуда. Правда, тогда ощущение оказалось испорчено...

В памяти ярко вспыхнула картина: свернутый в сторону руль, деформированный металлический бок и боль в разбитой окровавленной коленке, на которую, впрочем, не обращаешь внимание, потому что все заслоняет ощущение фатальной несправедливости. Два новеньких скутера, столкнувшись, превратились в груды бесполезного металлолома, а самый большой праздник превратился в самый большой облом. И все из-за нее, из-за сестры – постоянного источника всех ее детских неприятностей. Только бешеная сестрица могла разогнаться и врезаться в ее новенький блестящий скутер на всей скорости.

«Нет, сейчас все будет по-другому!» – пообещала себе девушка и медленно пошла туда, к рыжей.

Она боялась, что соперница почувствует что-то. Снег предательски скрипел под ногами, и Саше

казалось, что она идет медленно и слишком шумит... Но девушка у перил была погружена в собственные мысли. Теперь, когда Александра оказалась от нее всего в нескольких шагах, она заметила, что рыжая мечтательно улыбается.

Вода Москвы-реки была спокойна и темна. Где-то ближе к берегу ее сковывал лед, однако здесь, посредине, оказалась широкая чистая полоса.

Саша еще раз взглянула по сторонам, чтобы убедиться в том, что и место, и время выбраны удачно. Сама судьба привела ее сюда. Или сейчас, или никогда.

«Сейчас!» — снова подумала Александра и, преодолев последние несколько шагов, остававшиеся до рыжей, нагнулась и с силой толкнула девушку, и так наклонившуюся над перилами.

Короткий вскрик потонул в очередном залпе дружного смеха, донесшегося со стороны, где стояла веселая компания. Дело было сделано!

Саша мельком взглянула в жадную черную воду. Ничего не видно. Но это не беда — соперница обречена. У нее нет ни одного шанса на выживание. Сейчас она еще пытается барахтаться, но тяжелая зимняя одежда неотвратимо тянет на дно, ледяной холод проникает в кожу, а легкие разрывает

хлынувшая вода. Не самое приятное ощущение, далеко не самое приятное! О, она сама прекрасно знала, как это – умирать, погружаясь все глубже, понимая все, что с тобой происходит. Судьба действительно изрядная шутница.

Круг замкнулся.

Все так же светили фонари, равнодушные, проносились мимо машины и смеялись люди, а девушка легкой походкой пошла прочь. Каждый, видя ее улыбающееся лицо, думал, что у нее-то в жизни все замечательно.

* * *

Глеб уже почти доехал до школы, когда его кольнуло. Неприятное чувство, словно куда-то в область грудины воткнули толстую швейную иглу. Ощущение оказалось таким болезненным, что мотоцикл повело, и только чудом удалось избежать столкновения с мчащейся красной машиной. Глеб даже успел увидеть искаженное страхом лицо сидящего за рулем мужчины, но, к счастью, вильнул и, выжав газ, пронесся мимо, представляя, какими словами награждает его сейчас шофер.

После первой атаки боль сделалась тише, хотя не отступила, засев в груди занозой. Что-то не так, что-

то неправильно. Но вот что?..

Вот и ворота школы. Глеб остановился перед будкой охранника, поздоровался со сменщиком Сергея и спросил, все ли ребята на месте.

– Никого, – пожал плечами охранник. – Саша, а потом и Ян уехали, кажется, почти сразу после тебя.

Это было скверно. Что, если неприятность приключилась с кем-то из них?

Но для начала Глеб набрал Ольгин номер. Он не отвечал. Странно, очень странно... Глеб набрал Сашу.

– Привет, ты где? – спросил он, едва девушка сняла трубку.

– Уже еду, – отозвалась она.

– У тебя точно все в порядке? – Глеб задал этот вопрос, хотя уже понял по голосу, что ничего страшного с Александрой не произошло.

– У меня все просто великолепно! – отозвалась она.

– Хорошо, – парень нажал на отбой и тут же набрал Яна. Тот ответил не сразу, и голос его в отличие от Сашиного был похоронным. И тем не менее Ян тоже буркнул, что у него все в порядке, но есть срочное, не терпящее отлагательства дело, и сам отключился, оставив Глеба в легком недоумении.

Глеб вошел в холл, бросил на столик мотоциклетный шлем и, даже не снимая куртки, сел в

кресло. Ощущение тревоги не пропадало.

«Только бы ничего не случилось с Северином и с Диной!» – повторял Глеб, чувствуя себя ужасно одиноким в пустом здании школы. Если подумать, Динка, оказавшаяся в руках врагов, и Северин, в одиночестве пустившийся на ее поиски, подвергались сейчас наибольшей опасности. И ведь даже не свяжешься с ними!..

Парень вскочил и принялся мерить шагами комнату, не замечая, как тает на ковролине принесенный на ботинках с улицы снег. Он боялся за друзей, но все же смутно чувствовал, что нехорошее происходит вовсе не с ними.

Глеб опять набрал номер Ольги – и снова тишина. Бездна, пугающая...

Но что могло с ней случиться? Он же проводил ее до подъезда...

В волнении прошло еще около получаса. Глеб не находил себе места. Ольга так и не перезвонила. В конце концов, решившись, он набрал ее домашний номер.

Трубку сняли после первого же гудка.

– Послушай, мерзавец, – послышался в телефоне голос Ольгиного отца, полковника спецслужб. – Я уже говорил тебе не смей подходить к моей дочери! Ты, я уверен, именно ты, виноват в том, что с ней

случилось! Меня ведь предупреждали... Слушай, ты жив еще только потому, что я не хочу марать о такую мразь руки. Мне безразлично, на кого ты работаешь, чем занимаешься, но только если я увижу тебя – застрелю или задушу собственными руками!

В трубке раздались гудки. Ольгин отец так и не позволил Глебу сказать ни единого слова, но Глеб и без того чувствовал себя так, словно в сердце ему всадили пулю: сквозь гневный голос Ольгиного отца пробивались и другие звуки – громкие горестные женские рыдания. Это плакала ее мать.

С Олей случилось что-то страшное. Нечто непоправимое.

– Нет! Нет! – крикнул Глеб так, что стекла в шкафу задрожали, и упал на колени, ткнувшись лбом в кресло. – Нет! Нет! Нет! Нет! – повторял он как заведенный, словно надеясь переубедить, перекричать жестокое мироздание.

Сколько прошло времени, Глеб не знал. Очнулся он от ощущения, что в комнате есть кто-то еще.

Парень поднял воспаленные больные глаза и различил знакомый сгорбленный силуэт. Старый шаман пришел закусить его отчаянием и болью. Ну что же, такие чувства, должно быть, особо питательны для призраков. Парень снова опустил голову на сложенные руки.

Старик подошел ближе – Глеб не видел, но ощущал это, – остановился над ним...

– Прости, молодой шаман, – слышался голос – почти незнакомый Глебу из-за отсутствия всегдашнего нарочитого коверканья. – Я должен был сказать тебе сразу...

Слова доходили до парня как сквозь слой толстой ваты, поэтому и отреагировал он не сразу.

– Что сказать? – спросил наконец он. Язык вяло ворочался во рту, и каждое слово весило, казалось, целую тонну.

– Сказать, что ваша девочка уже не та. В нее вселилась мертвая. Это не она, это мертвая все делала... Я не мог сказать, она угрожала мне, сказала, что заставит вашего колдуна сделать так, чтобы я исчез из вашего мира, а я не хотел, вот и боялся...

Шаман горько вздохнул.

– Что? – Глеб медленно поднял голову. – Ты о чем? Что это ты говоришь?

– Я говорю, молодой шаман, что тело – это оболочка. Как сосуд из оленьей кожи, а внутри может быть как чистая родниковая вода, так и злая обжигающая вода пришлых людей.

Глеб пропустил все эти философские рассуждения мимо ушей и попытался вцепиться в меховую парку

старого шамана, но рука прошла сквозь него, как сквозь воздух, – неудивительно, если вспомнить, что сам старик давным-давно умер.

– Ты говоришь об... – парень замолчал, подавившись последним словом.

– Она не та, кем кажется, – кивнул шаман, – тело – старое, душа – мертвая, давно мертвая... Это она убила твою возлюбленную.

Глеб вскочил и тут же покачнулся – в голове звенело, а ноги едва держали его.

Теперь все становилось на свои места. Вот почему так разительно, почти неправдоподобно изменилась Александра! Но как же он мог не заметить, не понять этого! И... и что она сделала с Ольгой?!

Он хотел что-то сказать, но как раз в эту минуту хлопнула входная дверь, и из коридора раздался звонкий голосок:

– Я вернулась!..

Глеб содрогнулся.

– Не спеши, молодой шаман, – поспешно заговорил старик. – Помни, в ее теле чужая, мертвая душа. Тело не виновато. А ваш колдун, вероятно, еще может вернуть прежнюю душу. Я знаю, она еще не переплыла за море, застряла где-то между мирами. Раньше я бил бы в свой бубен и позвал бы ее, а сейчас, прости, не могу...

Он говорил все тише и тише и становился все бледнее, пока не исчез совсем.

Глеб медленно повернулся к выходу.

Она стояла в дверном проеме и улыбалась беспечно, словно маленькая девочка. Щеки разрумянились от мороза, глаза возбужденно блестели, волосы – всегда безупречно уложенные у Александры – растрепались. И платье какое-то слишком легкомысленное, с оборочками, словно бы подростковое. Как можно было пропустить, проглядеть все это?! Воистину, если боги хотят наказать, они делают человека слепым и глухим. А тот поцелуй?! Глеб почувствовал, как кровь отливает от его лица. Каким же слепым ослом он был! Как же мучительно стыдно!

Глядя на стоящую перед ним девушку, Глеб понимал, что это не Саша. Теперь-то он осознал это со всей неожиданной отчетливостью. Поздновато...

Под его взглядом улыбка сбежала с губ девушки, но она все же старалась держать себя в руках.

– Что-то случилось, Глеб? – спросила та, которая обитала в теле его подруги и верной соратницы.

Он кивнул. Да. Случилось. Она еще спрашивает. Ему вдруг захотелось обхватить руками эту тонкую шею и крутануть изо всех сил. «Тело не виновато», – вспомнились ему слова старого шамана. Глеб до

боли, до ломоты в челюстях стиснул зубы. Легко совершить ошибку, исправить которую невозможно так же, как невозможно повернуть реку вспять.

– Глеб, – она, кажется, все поняла, но продолжала на что-то надеяться и протянула к нему руки. – Глеб, я люблю тебя! Я сделала все это только ради тебя! Только для того, чтобы быть с тобой! Возле тебя! Пожалуйста, не прогоняй меня! Ну хочешь, ударь! Хочешь, накажи! Только не прогоняй!

Она выглядела так растерянно и жалко, что защемило сердце.

– Ты, наверное, в детстве фильм про трех мушкетеров любила, – послышался от двери насмешливый голос, тут же прервавшийся новым приступом кашля. – Узнаю эту сцену: Миледи давит на жалость д'Артаньяну, будучи пойманной после отравления его возлюбленной.

Ян стоял в дверях, и тонко очерченный рот кривила усмешка.

Та, что была в теле Александры, испуганно вздрогнула и беспомощно, по-детски закрыла глаза, надеясь, что, когда откроет их, ситуация изменится к лучшему.

* * *

Все кончено.

Лиза понимала это, и в груди черной волной поднималась злость. Разве она хотела чего-то особенного? Нет! Просто жить! Просто взыскать с сестрицы ее долг! Почему же все, что она пытается сделать, обречено на поражение? Ей так хотелось получить Глеба, отняв его даже не у той рыжеволосой, а у сестры, у Алекс! Та несла его образ в своем сердце, а для Лизы было важно забрать у сестрицы все, получить то, что той так и не удалось! Разве она, Лиза, не боролась за собственное счастье? И ведь почти что вышло...

Как же несправедливо! Почему жизнь всегда была к ней несправедлива!

И теперь – все кончено...

...или еще не все?..

* * *

Северин добрался до деревни уже почти к обеду. Распрощавшись с последней попуткой, он прошел туда, где на горизонте виднелся

обшарпанный купол старой церкви. Воспоминания о столкновении оказались еще слишком свежи и слишком болезненны, и парень почувствовал тянущую боль в уже закрывшихся, но еще помнящих о пулях ранах.

Он пошатнулся и схватился рукой за бок, вспоминая, как разъезжались на кровавом снегу ставшие вдруг непослушными лапы...

Как хотелось закрыть глаза, опуститься на снег, прижавшись к нему пылающим от боли лбом, но нельзя. Он и так потерял слишком много времени. Парень сжал зубы и шагнул вперед.

Снегопада сегодня не было, но серое низкое небо заволокли тучи, основательно укрыв за собой неласковое зимнее солнце. День казался мрачным, словно бы и не проснувшимся. От далекой деревни доносились невнятные звуки, в некоторых домах горел свет.

С трудом, словно преодолевая невидимое препятствие, Северин вошел в церковь. От натуги на его лбу выступил пот.

В храме было холодно и пусто, одна из стен полуразвалилась, в углу громоздилась груда битых кирпичей вперемежку с осколками бутылок и пустыми сигаретными пачками... Снег, лежащий на полу старой церкви, был истоптан, и Северин наклонился,

изучая следы. Да, они были здесь. Судя по всему, человек восемь, не меньше. Он повел носом, пытаясь уловить запах, но почувствовал только старые запахи церкви. Куда же направились похитители? За церковью их следы терялись – их надежно замела та самая метель, что сопровождала отступление врагов, увозивших с собой Динку.

Даже Северин не смог бы обнаружить их следы. Поискав немного в окрестностях, он повернул в сторону деревни, надеясь обнаружить что-нибудь там.

Деревенька была небольшая и, судя по всему, наполовину пустующая, по крайней мере в зимнее время, когда не наезжают из ближайших городов суетливые дачники. Парень осмотрелся и почти сразу обнаружил, что в одном из заброшенных покосившихся домов кто-то совсем недавно был. Северин снял висевший скорее для красоты, чем ради пользы, замок и шагнул в сени, за которыми находилась небольшая комната. В доме отчетливо пахло запустением, но к этому запаху слабо примешивались запахи людей... Парень прошел вдоль ободранных стен, оглядываясь и принюхиваясь. Очевидно, те, кто напал на «русичей», провели здесь в засаде целый день. Вполне логично, что приехали они до рассвета, чтобы не

попасть под наблюдение омоновцев, а затем, выбрав время, пока боевики сражались с собственными галлюцинациями, вызванными мощной магией, а может, и подкрепленные каким-нибудь помогающим воображению газом, атаковали ребят.

Но как же враги попали сюда? Уж точно не на перекладных, как Северин. Но и следов машины тоже не видно. Машину сложно здесь спрятать, да и не слишком удобно – по дороге редко ездили, она вся в глубоких колеях, завязнуть в которых легче легкого... Скорее уж что-то небольшое, маневренное, то, чему не страшны сугробы.

Изучение двора подтвердило догадку Северина – он заметил следы больших полозьев. Значит, снегоход. И удобно, и быстро, и маневренно.

Пока Северин осматривался, у забора собралась небольшая стая местных собак. Они явно боялись и поджимали хвосты, но все же следили за опасным чужаком. Худые, недокормленные, похожие скорее на обтянутые шкурой скелеты – из тех, кого называют Кабысдохами, произнося это псевдоимя раздельно: «Кабы Сдох», – они все же были готовы до последнего защищать свои владения. В отличие от людей животные не умели предавать.

Северин тихо рыкнул – не грозно, предупреждающе, – и собаки отпрянули еще чуть

дальше. Кто-то надрывно заскулил, но они все же не покинули свой пост.

– Да ухажу я, ухажу, нужны вы мне, – пробормотал парень и, выйдя из висящей на одной петле покосившейся калитки, направился обратно в сторону церкви. Картина произошедшего вчера стала немного яснее, но на главный вопрос – где искать Динку – он еще не получил ответа.

«Каждая минута на счету! – думал Северин, все кружа вокруг ветхого строения. – Ну хоть какая-то зацепка!.. Надо попробовать перекинуться – волк чувствует лучше, чем человек...»

Раньше переходы в волчий образ происходили у него сами собой, под влиянием мощной волной захлестывающей душу ярости. Теперь он закрыл глаза и попытался, сосредоточившись, воспроизвести это состояние. Тело напряжено. Искорка загорается где-то внутри, внизу живота, а потом поднимается, все разрастаясь и разрастаясь, пока не превратится в бушующее пламя.

Грудь Северина обожгло, тело выгнулось дугой. Он почувствовал боль в перерождающихся мышцах – такую острую, что едва можно терпеть. Но сильнее боли оказалась радость. Получилось! У него получилось!

И вот уже синеглазый волк мягко опустился в снег

на все четыре лапы, настороженно принюхался... Враги были здесь. Он ясно чувствовал это даже не с помощью обоняния, а каким-то дополнительным животным чувством, он просто знал – и все.

След после них остался едва уловимый, но Северин не позволил ему скрыться, поймал, как за ниточку, выпущенную из клубка, и принялся разматывать. Сначала неуверенно, а потом все увеличивая скорость, он понесся вперед, перепрыгивая через сугробы, огибая овраги, лавируя между деревьями.

В какой-то момент след вывел Северина на трассу. Мимо с ревом проносились машины, запах бензина, казалось, мог убить все живое, но синеглазый волк не обращал на это внимание. Теперь он несся по обочине, стремительный, как выпущенная в цель стрела.

* * *

Водитель ехал уже почти сутки. До Москвы оставалось всего ничего – каких-нибудь сто тридцать километров, и тяжело груженная зеленая «газелька» легко скользила по трассе. Надо бы отдохнуть, но чем быстрее приедешь – тем лучше, а сменщика не было: конечно, без напарника тяжело, зато и денег больше.

Дорога ложилась под колеса ровной серой лентой, своей монотонностью нагоняя сон. Мужчина тряхнул головой и попытался было сосредоточиться, но тут увидел ее. Огромную серую собаку с пушистым хвостом. Или даже не собаку, а волка? Нет, волки вроде мельче... Но самое странное заключалось даже не в размере животного, а в том, как легко оно неслось с правого бока машины, не отставая ни на пядь.

Судя по спидометру, скорость у животного была не менее семидесяти километров в час.

Мужчина снова тряхнул головой, но навязчивое видение и не думало развеиваться.

«Совсем устал, – подумал он, – слышал ведь от коллег байку, что если увидишь серую собаку, несущуюся со скоростью машин, значит харэ – срочно отдыхать!»

Он еще колебался, думая о деньгах и о семье – жена не работает, детей на шее двое, в общем, обещанная премия за срочность окажется весьма кстати... Но собака не пропадала даже при прибавлении скорости, а еще на миг оглянулась, и мужчина увидел неожиданно ярко-синие, совершенно человеческие глаза.

«Нет, черт с ней, с этой премией. Делаю остановку», – решил он и притормозил, съезжая

на обочину. И в этот момент огромный черный джип вылетел с левой полосы как раз в то место, где находилась бы «Газель», не затормози ее водитель заранее.

Мужчина вытер со лба внезапно выступивший пот. А ведь если бы не собака, катастрофы не миновать, и его семья и вовсе осталась бы без кормильца.

Вот и не верь после этого в приметы!..

* * *

– Как тебя зовут и кто ты? – спросил Ян.

Девушка бессильно опустилась на диван. Кажется, она разом потеряла всю волю к сопротивлению.

– Лиза, – устало, едва слышно произнесла она. – Мы с Алекс сестры. Близняшки.

Ян скинул куртку.

– Давай, раздевайся и занимай свое место в партере, – сказал он Глебу. – Или ты опасаясь, что здесь пойдет снег?

– Ты еще не знаешь, что она сделала! – Глеб кивнул в сторону тихой, как мышка, Саши... нет, не Саши – Лизы.

Ян подвинул кресло, сел, повозился, устраиваясь поудобнее, и только после этого спокойно, даже равнодушно ответил:

– Ну почему же, прекрасно знаю. Давай, занимай место, когда еще вот так послушаешь исповедь настоящего призрака.

Воздух в легких у Глеба превратился в расплавленный свинец и, кажется, прожег в груди большую дырку.

– Ты никогда не терял любимых? – проговорил парень, глядя в безмятежную рожу, наполовину закрытую рваной длинной челкой.

– Как потерял – так и найдешь, – Ян зевнул.

Глеб, еще не веря в такой цинизм, шагнул к нему, остановился перед креслом и уже поднял руку, чтобы в кровь разбить эту ухмыляющуюся физиономию, словно провоцирующую на удар. Может, если бить по ней изо всех сил, превращая ее в кровавое месиво, станет хотя бы немного легче?

Нет, не станет. Глеб осознал это с пугающей неотвратимостью.

Ничего нельзя изменить.

Он сам наполовину уже принадлежал прошлому, и теперь там осталось все, что ему дорого. В настоящем нет ничего, потому что нет ее, Ольги, а остальное... а остальное не имеет никакого значения.

Глеб вспомнил, как они шли по мосту через Москву-реку, безумно счастливые и беззаботные. Он тогда попросил Ольгу приблизить свою руку к своей, а

потом достал из кармана завалявшуюся монетку и положил ее туда, где пальцы соприкасались.

– Теперь убери руку, – сказал он тогда.

Девушка удивилась, но выполнила его просьбу, и монетка тут же упала в пыль.

– Видишь, – Глеб улыбнулся, – нам с тобой нужно всегда быть вместе. Эта монетка – как наше счастье, оно с нами, только пока наши руки соединены.

Он сказал так в тот волшебный летний вечер, но сам убрал руку, оставив Ольгу одну, и это его и только его вина, что счастье их упало в пыль и разбилось... Навсегда.

Глеб вспоминал рыжие волосы девушки, блестящие в свете фонарей расплавленным золотом, ее глаза цвета безоблачного неба и мягкую и в то же время притягательную улыбку. С любимыми не расставайтесь!.. Он – расстался, не зная, что расстается навсегда.

Тем временем Ян, оказавшийся уже на ногах, стащил с застывшего Глеба куртку и усадил его, такого же безвольного, как и Лиза, в то самое кресло, которое только что занимал сам.

– Мечта некроманта, – пробормотал он, оглядывая обоих, – один князь, погибший в битве при реке Сити, другая – мертвая девица... Ты, кстати, Елизавета, как погибла?..

– Утонула, – словно автомат ответила девушка.

– Ага, – кивнул Ян, – так и запишем: другая – утопленница, и оба выглядят как классические зомби. Лепота, как сказал бы друг наш Иван Васильевич⁹!..

Ян разразился новым приступом сухого кашля.

Это словно послужило знаком для Лизы. Она вдруг подняла голову и взглянула на Яна.

– Ты, конечно, думаешь, что я чудовище, а моя сестренка – золотая? – спросила она, глаза девушки сверкали в полутьме комнаты так ярко, словно были пламенеющими угольками.

Ян пожал плечами и не прокомментировал заявления, ожидая продолжения. И оно действительно последовало.

– Все всегда верили моей драгоценной сестрице, а не мне! – зло крикнула она, поднимаясь с дивана. Теперь девушка стояла напротив Яна, собранная, сжатая, как пружина, словно готовая к прыжку тигрица. – Это несправедливо! Ты наверняка не знаешь, что и умерла я из-за нее! Из-за ее вечного любопытства! Подумаешь, она хотела полюбоваться на бурю! Драгоценная Алекс была уверена, что весь мир создан для ее удовольствия, и даже буря началась исключительно ради того, чтобы доставить нашей принцессе приятное! Она осталась на палубе

⁹ Имеется в виду царь Иван Васильевич, прозванный Грозным.

яхты, несмотря на запрет отца, а потом ее смыло волной. И отец пытался спасти ее, оставив штурвал. И что бы, ты думал, случилось после этого?!

– Думаю, яхта перевернулась, – сказал Ян по-прежнему спокойно. – И никто не спасся...

– Никто, кроме Алекс! – Лиза словно выплюнула это имя. – Ей всегда везло! И всегда, всегда за нее отдувалась я!

Глеб приподнял голову, с трудом оторвав ледяной лоб от скрещенных рук.

– И ты решила восстановить справедливость? – хриплым, сорванным голосом спросил он. – И твоя справедливость заключается в убийстве ни в чем не повинной девушки?..

– Ты имеешь в виду свою рыжую? – Лиза нервно засмеялась. – А ты знаешь, как она погибла? Не знаешь! Она утонула! Представляешь! Ха-ха-ха! Утонула в Москве-реке! Рассказать кому-нибудь – обхохочется!..

Глеб встал и не сильно, но хлестко ударил девушку по лицу, прерывая начинающуюся истерику.

– Что же ты, глупая, натворила... – прошептал он.

Лиза схватилась за щеку и заплакала.

– Ты так и не повзрослела, – снова заговорил Глеб, – так жестоки бывают только дети. Глупые самовлюбленные дети. А ты убийца, понимаешь,

убийца!..

– Ну... формально – нет, – вдруг процедил Ян, ненавязчиво разводя противников подальше друг от друга.

Глебу показалось, что он ослышался.

– Что значит «формально – нет»?

– Ну, «формально» – значит внешне, не вникая в суть. Если считать по намерению, то Лиза хотела убить, а значит, все равно что убила... – принялся объяснять Ян.

Глеб потерял виски, пытаясь сосредоточиться. Мозг отказывался воспринимать всю поступившую к нему сегодня информацию.

Девушка отреагировала первой.

– То есть она не утонула? Она жива? – переспросила Лиза, перестав плакать. Тушь была размазана, образуя черные круги под глазами, перечерчивая щеки косыми потеками.

– То есть она не утонула... – Ян сделал очередную театральную паузу.

Но Глеб уже не мог терпеть. Он подскочил к магу и, схватив того за ворот очередного черного балахона, потряхнул что было сил.

– Хватит вилять! – рявкнул он. – Говори нормально!

Ян тяжело вздохнул, закатил к потолку глаза, изображая невинную жертву.

– И это благодарность? – спросил он. – О, мир полон самой черной неблагодарности! Я, рискуя жизнью и своим собственным, не до конца еще, заметим, восстановившимся здоровьем, спасаю твою красавицу из ледяной воды... А мне тут воздают такие почести.

– Так Ольга жива?! – Глеб снова встряхнул его так, что зубы Яна клацнули.

– И в третий раз скажу тебе, что жива! – проговорил тот. – Только... гм-м... отпусти, пожалуйста, мой ворот, пока совсем не придушил своего лучшего друга и спасителя.

Глеб разжал пальцы. Ян покачнулся, с трудом удержавшись на ногах, и снова закашлялся.

– Но как же... – Глеб никак не мог прийти в себя после этих переворачивающих с ног на голову и обратно известий. – Я же слышал, как плакала ее мама...

– Еще бы ей не плакать, – Ян, откашлявшись, потер рукой шею, на которой и вправду остался красный след, – не каждый день дочь в реку сбрасывают. Они, может, к моржеванию не привыкли.

Глава 17

Глазами зверя

Большой город он увидел издали – по нездоровому красно-сизому свету, стоящему над ним днем и ночью, по сгустившемуся еще более, обжигающему легкие воздуху.

Вся натура Северина восставала против этого места, даже лапы стали переступать медленнее и отяжелели, будто налитые свинцом. Бежать в эту огромную, дурно пахнущую ловушку отчаянно не хотелось, но его путь лежал именно туда, а значит, приходилось преодолевать себя.

Тяжело, напрягая все силы и уставая гораздо больше, чем за весь предыдущий путь, который огромный волк преодолел довольно легко, Северин потрусил к городу.

Навязчивые запахи били в чувствительный нос со всех сторон, сигналили машины... люди, дома окружали его железным кольцом. От этого болела голова, а во рту ощущался привкус ржавчины. Как в этом мире вообще можно жить?..

Искушение повернуть в лес обрушилось на него с новой силой – нельзя... Уже стемнело,

но фонари горели нездорово-ярким светом, слепя глаза, еще больше сбивая его с толку. Северин понял, что больше не чувствует следа, и ужас охватил его, оказавшегося в смертельной ловушке. Одинокого, потерявшегося, беспомощного перед лицом огромного равнодушного города, способного легко размолоть свою жертву гигантскими челюстями вечно забитых автострад, запутать среди дурно пахнущего змеиного клубка улиц, ослепить огнями фонарей и встречных фар. Уничтожить, убить, высосать...

Северин заметался по улице, немного поджимая хвост. Теперь он не чувствовал себя хозяином, владыкой, а оказался букашкой на каменной ладони города.

Люди на улицах текли мимо ручейками, а порой и целыми речушками. На синеглазого волка почти никто не реагировал.

– Погляди, какая здоровенная собака, – слышал он иногда – и все.

Мало кто из горожан мог признать волка.

Он заметил ее у остановки – небольшую девочку в красном пуховичке и красной же вязаной шапочке с помпоном. Девочка, единственная из всех, заметила его и оказалась ему рада.

– Собачка! Хорошая! Иди сюда! Можно тебя

погладить, ты такая красивая! – девочка протянула к нему руку в узорчатой вязаной варежке. От нее исходило такое надежное, спокойное тепло, что Северин, не задумываясь, откликнулся на зов. Ему требовалась хоть чуточка ласки.

Девочка была ниже его ростом, но без всякой опаски потянулась, чтобы обнять за шею. Краем глаза Северин заметил человека. Мужчину, усердно изучавшего сейчас расписание.

– Настя, ну где ты? – мужчина повернулся к ним, и в тот же миг Северина ударила тошнотворная волна его страха.

Человек побледнел.

– Настя, постарайся подойти ко мне. Только очень, очень медленно. Понимаешь? – хрипло проговорил он. – И не бойся.

– Я не боюсь! Папа, посмотри, какая красивая собачка...

– Немедленно сюда! – рявкнул мужчина.

Синеглазый волк оскалил зубы, и человек поспешно шагнул назад.

– Настенька, доченька, иди сюда, пожалуйста! – он уже не грозил, а умолял.

Девочка тяжело, совсем по-взрослому, вздохнула и, шепнув Северину напоследок: «Ты все равно лучше всех!» – пошла к отцу, следящему за каждым

шагом дочери с таким волнением, словно она шла по хрупкому стеклу.

Когда девочка оказалась возле него, мужчина с явным облегчением вздохнул и, рванув дочку за руку, поставил ее к себе за спину, а затем... затем достал телефон.

– Это служба спасения? – заговорил он в трубку. – Здесь собака. Огромная бешеная собака, она едва не напала на мою дочь. Вышлите, пожалуйста, специалистов по отстрелу. Диктую адрес...

Дальше Северин слушать не стал – клацнув зубами и рыкнув, чтобы человек, обвинивший его в агрессии, уж совсем не чувствовал себя обиженным, он рванул с места и побежал прочь. В голове кружились смутные воспоминания. Ребенок, взрослый и он сам... это уже когда-то было, но как-то совершенно по-другому...

Он бежал дальше по улице, все такой же потерянный и одинокий в чужом враждебном мире.

– Посмотри, какая собака, – слышался вдруг женский голос. – Жаль, нет с собой фотоаппарата. Если бы сейчас была полная луна, я бы решила, что это оборотень!

– Это не собака, а волк. Ну или помесь собаки с волком, – возразил мужской голос. – Посмотри на хвост и на уши.

– Вот и отлично! Волк даже больше в оборотни

годится! – рассмеялась его собеседница. – А какие у него глаза! Совсем человеческие! Нет, все-таки я думаю, он оборотень!..

– Угу, – усмехнулся молодой человек.

Северин покосился на разговаривающих. Девушка в черном кожаном зимнем пальто и молодой человек в коричневой дубленке пялились на него, стоя у освещенной витрины какого-то магазина.

«Забавные», – подумал Северин и, прежде чем побежать дальше, еще раз окинул парочку взглядом синих глаз.

Он бежал и бежал, а люди все шли, все сигналили встревоженно машины, и Северин понял: еще немного, и он сойдет с ума и навсегда останется здесь, забыв о своей миссии, превратившись в ночную тень, пугающую случайных прохожих.

«Велес! – мысленно воззвал он к тому, кто дал ему частичку своей крови. – Помоги, Велес!»

Этот отчаянный безмолвный крик вырвался у Северина почти вопреки собственной воле, без всякой надежды на ответ... Но он пришел – опустил на холку, словно большая теплая, надежная ладонь. Северин ощутил чье-то легкое, едва уловимое и все же спасительное присутствие. Город больше не давил на него, не всасывался в кровь ядовитыми испарениями. В голове внезапно прояснилось, а мир

вокруг замер, словно оператор нажал на «стоп».

«Ищи и найдешь, – прозвучал откуда-то из глубины самого его существа лишенный всяких интонаций голос. – То, что тебя ведет, – это не запах».

Волк тряхнул ушами, и мир вновь пришел в движение. Но теперь Северин наконец понял то, что ускользало от него до сих пор. Всю дорогу он действительно шел вовсе не на запах, просто то, что он чувствовал, было удобнее всего облечь в привычные для сознания категории.

Отыскать Динку не сложно – нужно действительно только захотеть.

Больше Северин уже не сбивался со следа. Внутренний компас работал четко, без перебоев. Вот уже показалась группа домов, один из них – его цель.

Волк проскользнул между строениями, за тонкими стенами которых жили, дышали и двигались люди, и очутился с задней стороны нужного дома.

* * *

– Я должен ее увидеть! – Глеб рвался, решительно схватился за куртку.

Ему хотелось увидеть Ольгу сейчас, немедленно. Прикоснуться к ней, заглянуть в глаза, и только тогда можно поверить, что она жива, что с ней все в

порядке.

– А ее родители будут тебе рады?..

Слова Яна, словно автоматная очередь, ударили в спину, и Глеб сразу сник. Нет сомнений, что к Ольге его даже не пустят, что он ни сделает. Единственный вариант – прорваться силой, и парень даже с полминуты действительно рассматривал эту возможность.

– К тому же, думаю, она уже спит, – добавил маг уже не так ехидно, – все-таки ей пришлось пережить не слишком приятные мгновения.

Это был аргумент, и Глеб кивнул, однако сидеть на месте он просто не мог, а поэтому ходил кругами по комнате, забрасывая Яна бесконечными вопросами: как она себя чувствовала, что сделала, что сказала. Маг отвечал на них на редкость терпеливо, хотя ничего особенного, конечно, сообщить не мог.

Понемногу Глеб успокаивался, а в теле появилось странное пощипывание, словно это его самого только что выудили из ледяной реки и принесли в теплое помещение, где он постепенно оттаивает.

Ян, следивший за его суматошными перемещениями с ироничной усмешкой и в то же время почти благожелательно, вдруг тихо выругался и метнулся к двери. И в тот же миг Глеб понял причину этого: Лиза исчезла... Пользуясь тем, что о ней на

время забыли, девушка просто сбежала.

– Вот хрень полосатая! – выругался Глеб, сам не зная, откуда взял эти причудливые слова, и тоже вслед за Яном бросился на улицу.

На дворе было темно и холодно. Ян уже добежал до будки охранника, и Глеб услышал, как он спрашивает: «Где Лиза... Тьфу, то есть Александра?»

Охранник с интересом оглядел обоих парней.

– Убежала куда-то, – ответил он недоуменно. – Просила передать вам привет.

– Юмористка! – Ян закашлялся, а Глеб почувствовал смутное удовлетворение, что теперь маг на собственной шкуре испытал неуместность некоторых шуток. Может, это его исправит? Хотя вряд ли.

– Она пошла вон в ту сторону, – охранник махнул рукой налево. – Я посмотрел, потому что удивился...

Дослушивать его объяснения никто не стал: и ребята бросились бегом в указанную сторону.

Холодный воздух обжигал легкие, но Глеб не сбавлял темпа. Ян отставал и отчаянно кашлял, но тем не менее как-то еще держался... И вот наконец, словно долгожданная награда, едва видный, показался человеческий силуэт.

«Она!» – понял Глеб и ускорил бег, увеличивая дистанцию между собой и Яном.

Лизу он догнал вовремя. Как раз в тот момент, когда девушка уже собиралась садиться в подъехавшую машину. Догнал и схватил за руку.

Лиза взвизгнула и попыталась вырваться. Разумеется, безуспешно.

– Помогите! – закричала она, явно рассчитывая на водителя. – Помогите, он хочет меня изнасиловать!

Водитель, пожилой лысоватый мужчина, тут же выскочил из кабины, держа в руке неизвестно откуда взявшуюся бейсбольную биту.

– Отпусти девушку! – крикнул он Глебу.

– Она вас обманывает, – тот перехватил Лизу поудобнее. – Эта девочка, к сожалению, большая выдумщица. Ее не пускают на дискотеку, вот она и задумала сбежать.

Глеб импровизировал на ходу, и, видимо, удачно, потому что на лице водителя появилось сомнение.

И как раз в этот момент на сцене появилось новое действующее лицо – Ян, запыхавшийся, полуодетый. Он остановился в нескольких шагах от собеседников и снова раскашлялся, судорожно пытаясь восстановить дыхание. Впечатление он производил далеко не лучшее, и водитель снова нахмурился.

– Эй, ребята, что-то я вам не очень верю. Девушка вас боится, – сказал он, поглядывая на Лизу, которая

с новой силой принялась отчаянно вырываться из рук Глеба.

— Мы учимся в частной школе, — снова заговорил Глеб, пытаясь ненавязчиво загородить собой не внушающего доверия Яна, — если сомневаетесь — пройдемте до ворот. Наш охранник покажет вам удостоверение и засвидетельствует, что Саша... — парень поморщился, потому что как раз в этот момент Лиза впилась зубами в его руку, — что Саша учится с нами...

В свете фар было прекрасно видно, что рука Глеба, прокушенная вырывающейся девчонкой, кровоточит, и водитель покачал головой.

— Ну, молодежь... — пробормотал он, — совсем бешеные! Мое дело сторона. Она вот, — он кивнул на Лизу, — такси вызывала...

Глеб полез в карман и, нашарив тысячную купюру, протянул ее мужчине.

— За ложный вызов, — сказал он. — А до нашей школы все же проедьтесь, чтобы не сомневаться...

* * *

Северин, теперь уже не волк, а снова человек, стоял, прислонившись спиной к дереву, и смотрел на освещенное окно, за которым, как он знал

совершенно точно, находилась Динка. В его груди поднималось странное чувство: будто там, за стеклом, даже не Динка, а Арина, и теперь ему выпал второй... последний шанс ее спасти.

Навряд ли похитители ждут нападения отсюда, со стороны двора, и тем более так скоро, значит, у него есть все шансы. Пожалуй, не стоит звать Глеба и других ребят. Нужно сделать все сейчас, без промедления. Он сам спасет девушку, потому что это его и только его долг!

Наружной лестницы, к сожалению, не оказалось. Зато была водопроводная труба и балконы, карабкаясь по которым можно добраться до нужного третьего этажа. Не так уж высоко, если подумать. Задача осложнялась, правда, тем, что сейчас зима, и все металлические поверхности, обледеневшие и покрытые снегом, очень скользкие. Зато внизу сугроб, и, если что, падать не слишком больно.

Эти размышления не отняли у парня много времени. Минута – и он уже был у трубы. Сбросив лишний балласт – тяжелую зимнюю куртку (тут уж не до простуды!), – Северин приступил к подъему, радуясь, что так много времени уделял спорту. Теперь ему потребовались, пожалуй, все его умения.

Путь наверх был тяжелым и изматывающим, пару раз парень едва не падал, однако все же продолжал

подниматься. Медленно, но неуклонно, не чувствуя ни холода, ни боли в оцарапанных пальцах. «Вижу цель, не замечаю препятствий», – кажется, так говорили в одном хорошем старом фильме.

Вот и нужный балкон. Перемахнув через перила, Северин немного отдышался и, стараясь не производить ненужного шума, заглянул через стекло внутрь комнаты. Сквозь неплотно сдвинутые шторы ему открывался лишь маленький ее кусочек. Северин увидел диван и сидящую на нем Динку. Та увлеченно склонилась над экраном маленького ноутбука. Ну, слава богу, с ней все в порядке. Но наверняка в комнате есть кто-то еще, а значит, нужно соблюдать максимальную осторожность. Даже не потому, что его собственная жизнь подвергается риску. Гораздо хуже другое. Например, случайная пуля, угодившая в ту, кого надо спасти. Северин знал это как никто другой.

* * *

– Ну что, деточка, возвращаемся с того же, с чего начали. Будем считать, что этого моциона по морозу не было, – Ян преувеличенно галантно указал девушке на кресло.

Она не села, оставшись стоять напротив Глеба.

– Вы ничего не знаете про Алекс, – сказала Лиза,

заглядывая ему в глаза. – Она испортила мне все детство. Если я строила в песочнице замок, она его обязательно разрушала. Она была злой и очень противной, а еще всегда умела сделать так, чтобы мама ругала меня, а не ее.

Глеб усмехнулся, и девушка с сожалением покачала головой:

– Вы мне не верите...

– Попробуй угадать почему, – хмыкнул Глеб. – Кстати, а о готовящейся операции нашим конкурентам ты рассказала?

– Ничего я не рассказывала! – воскликнула Лиза обиженно. Либо она была очень хорошей актрисой, либо говорила правду – Глеб не замечал в ней волнения или других мелких признаков, по которым его учили распознавать вранье. – Вспомните, это ведь я первой сказала, что там была подстава...

– Ну, во-первых, – произнес Ян, лениво потягиваясь, – это было очевидно, а во-вторых, как известно, нет лучше способа оказаться вне подозрений, чем возглавить поиски. Так самые умные колдуны всегда стояли во главе организаций, охотящихся на колдунов.

– Тебе лучше знать! – огрызнулась девушка и снова перевела умоляющий взгляд на Глеба. – Я виновата, да, прости меня, пожалуйста! Теперь я

не буду поступать так и всеми силами постараюсь заслужить прощение! Я сделаю все, что захочешь! Мне можно доверять больше, чем Алекс!

Она попыталась схватить его за руку, но парень отдернулся.

– Глеб, пожалуйста, я действительно люблю тебя!

– Кстати, а сколько тебе было лет, милашка? – вновь вмешался в беседу несносный Ян. – Десять-то было?

– Почти одиннадцать, – ответила Лиза. – Но, Глеб, – она по-прежнему обращалась только к нему, – ты не знаешь, как там, по ту сторону, мучительно и пусто! Каждая минута там длится целый век! Пожалуйста, что угодно, только не отправляйте меня туда!

– А Саша?.. Ты ее отправила на свое место, не сомневаясь ни секунды, – напомнил Глеб, хмурясь.

Девушка растерянно посмотрела на него.

– Алекс? Ну я же говорила, что Алекс виновата передо мной! Она сама это знала и чувствовала вину, иначе мне бы никогда не удалось занять ее место!

– Хватит, – устало произнес Глеб, – достаточно оправданий. Ты заняла чужое тело и после этого еще раз пыталась посягнуть на чужую жизнь. У меня нет резона тебе верить, тогда как Сашу мы знаем давно, и она всегда вела себя безупречно.

– Всегда ли? – тут же подхватила Лиза. – И судьи

кто? Кто дал тебе право судить, кто из нас – я или Алекс – больше достойна жизни! Ты не веришь мне и даже не хочешь меня нормально выслушать!..

– Довольно, – Ян хлопнул ладонью по столу. – А судьей буду я, и я не собираюсь разводить здесь целое заседание. Глеб, постереги ее, пожалуйста, и, мой тебе совет, залепи свои уши воском – как Одиссей, проплывающий на корабле мимо острова сирен. Эта маленькая птичка и вправду ужасно не хочет возвращаться туда, откуда пришла, и будет петь тебе свои песенки, надеясь переубедить.

– Я постерегу ее, – пообещал Глеб, кинув на Лизу такой взгляд, что та поняла – все бесполезно...

* * *

Пока Северин пытался прикинуть, как попасть в комнату, проблема решилась сама собой.

– Курить охота ужас как, – услышал он чей-то голос, – выйду на балкон подымлю.

Северин вжался в стену, ожидая появления врага. Это было лучше, чем пытаться поддеть чем-то шпингалет двери или выбить стекло и ринуться в комнату, рассчитывая на неожиданность атаки.

Дверь скрипнула, и появился не слишком высокий темноволосый парень, на ходу раскуривающий

сигарету.

Момент оказался на редкость благоприятным, и Северин сумел им воспользоваться. Быстрым и точным движением нажав парню на особые точки на шее, он отключил противника и тут же кинулся внутрь.

В комнате оказалась лишь Динка. При его появлении она едва не вскрикнула от неожиданности, но Северин молча покачал головой. Девочка его поняла и так же молча кивнула в сторону кухни и показала один палец, что означало еще одного противника.

Всего двое – не так уж много.

Стараясь двигаться предельно тихо, парень скользнул на кухню. Второй охранник делал себе кофе, бросив оружие на стол и, более того, позволив себе повернуться к нему спиной. Совсем они здесь мышей не ловят – один курит, другой кофеи гоняет, ну и дисциплина! Даже удивительно, как они с такими горе-сотрудничками умудрились дважды... нет, даже трижды одерживать победу?..

Справиться и с этим охранником для Северина не представляло особого труда. Он вырубил любителя кофе таким же образом, как и его напарника, а затем подобрал пистолет и вернулся к Динке. Она была уже готова, даже свой кислотно-желтый пуховик натянула.

– Я знала, что ты меня найдешь! – заявила она,

улыбаясь. – Поэтому и не особо тревожилась. Ну что, пойдём? Только давай опять через окно, а то там, во дворе, должны их люди сидеть. Не хотелось бы шума, – девочка покосилась на пистолет в руках Северина.

– С тобой все в порядке? – он с тревогой вглядывался в её лицо. – Они тебя точно не обидели?

– Они?! – Динка презрительно рассмеялась. – Да попробуй меня обидь! Я сама кого хочешь обижу!.. Хотя... Представляешь, эти негодяи перекрыли мне всякую возможность доступа в инет. Комп под игрушку дали, а инет перекрыли – видимо, у них специалист какой-то работает. Я уже и так старалась, и эдак – даже вайфай соседский не ловится!

Северин с облегчением вздохнул: нет сомнений, с Динкой все в полном порядке. Его миссия удалась. Может, все-таки выскочить во двор и добраться до тех мерзавцев, что караулят снаружи? Хорошей драки так и не получилось, и бушующий в крови адреналин не нашел себе выхода.

– Пойдем, а, пока сюда кто-нибудь не пришел! – Динка дернула его за рукав, и Северин усилием воли взял себя в руки: нельзя рисковать ее жизнью и подвергать девочку хотя бы минимальной опасности. Он еще разберется с врагами. Потом. Когда окажется один.

– Ну пойдём, – примирительно согласился он, – только спускаться будет тяжело.

– Кому как! – девочка хихикнула. – Вуаля! – она ловко, как заправский фокусник, вытащила откуда-то толстую веревку. – Видишь! У них тут буксировочный трос завалялся. Может быть, я бы и сама сбежала... Но специально тебя ждала – чтобы не разочаровывать. Ты же хотел меня спасти?..

Слыша такую ребяческую браваду, Северин усмехнулся. Хорошо, что у Динки достаточно здравого смысла и она не пыталась сбежать – где уж девчонке справиться с двумя здоровыми мужиками, да и лазить по балконам вовсе не женское дело.

– Пошли, предусмотрительная, – он вышел на балкон и стал привязывать веревку к перилам.

– Живой? – Динка подозрительно посмотрела на ещё лежащего в отключке охранника.

– Живой, что ему сделается! – отмахнулся Северин.

– А вот что! – Динка заехала ногой лежащему по ребрам. – Это лично от меня. На память. Будет знать, как киднеппингом заниматься!.. Кстати, может, занести его в комнату, а то вдруг замерзнет и умрет?..

Северин посмеялся нелогичности ее поведения, но все же выполнил просьбу, и вскоре они с Динкой уже шли по направлению к ближайшему метро. Кажется, это была станция «Коломенская».

Глава 18

Птица на горизонте

В комнате горели свечи, отражаясь в темном окне. Они казались заблудившимися душами, бесприютно блуждающими в пустом холодном пространстве. Пахло ладаном и чем-то еще, тревожащим и непонятным.

При виде этой картины Глебу стало немного не по себе, Ян же, напротив, явно чувствовал себя в своей стихии. Глеб даже заметил, что все время, пока шла подготовка к обряду, маг ни разу не закашлялся.

Атмосфера сгустилась, казалось, было слышно, как со звоном падают на пол секунды.

Большое зеркало, задернутое плотной черной тканью, ожидало своего часа.

– Не надо! Пожалуйста, не надо! Отпустите меня! – Лиза рванулась из его рук и истошно, на одной ноте, завизжала.

Ее крик резанул по туго натянутым нервам острым ножом. Глеб вздрогнул и действительно едва не выпустил девушку, проявлявшую неожиданную для ее худенького тела силу.

– Поставь ее напротив зеркала, – сухо велел Ян,

никак не прокомментировав Лизину истерику.

Сказать – легче, чем сделать. Девушка все вырывалась, норовя снова укусить. Вид у нее был совершенно дикий – глаза в ужасе расширены, зрачок – во всю радужку, волосы растрепаны, рукав у платья в ходе борьбы порвался.

– Отпусти! Я не хочу туда! Аааааа! – снова завизжала, забила она.

Глеб покосился на Яна. Тот невозмутимо (у него что, беруши вставлены, что ли?) продолжал чертить на полу что-то вроде пентаграммы, иногда сверяясь с небольшой книжицей.

Вот тебе и начертательная геометрия в действии.

А что, если не сработает?.. Эта мысль впервые пришла в голову Глебу, и он напрягся. Как они узнают, удалось ли колдовство? Что, если Сашу уже не вернуть?.. Что тогда им делать и как быть с Лизой?..

Девушка плакала. Тушь с ее ресниц давно уже смылась, и она выглядела так беззащитно, так по-детски, что больше всего на свете хотелось ее утешить, пообещать, что все будет хорошо. Приходилось постоянно напоминать себе, что она бывает и другой. Разве ребенок отправил бы Сашу в объятия смерти? Разве ребенок толкнул бы с моста Ольгу? Нет, нельзя ни за что поддаваться этой жалости... и все же не поддаваться ей было

совершенно невозможно.

– Кажется, все, – Ян придирчиво оглядел результат своей работы, чуть подправил какой-то странный символ и обернулся к Глебу. – Давай ее сюда, в круг. Отсюда она не вырвется.

– Я любила тебя... – хрипло и очень тихо сказала вдруг Лиза.

И от этих слов и от безнадежности, что звучала в ее голосе, Глеб почувствовал в груди ослепительно сильную боль.

Простых решений не бывает. Он всегда знал это, и вот, пожалуйста, очередной наглядный урок.

– Я прощаю тебя, – ответил он так же тихо, – надеюсь, и Ольга, и твоя сестра тоже простят.

Он коснулся губами ее ледяной, скользкой от слез щеки. Девушка всем телом вздрогнула, на миг замерла, а потом, не глядя на него, шагнула в круг, который Ян тут же замкнул очередной зажженной свечой.

Теперь Лиза не смотрела ни на кого из них – только перед собой, в еще занавешенное зеркало, будто уже видела недоступное для других, то, что находилось за гранью.

– Я пойду за Сашей, – сказал Ян. – Идти туда далеко, но ничего, справлюсь. У шаманов на этот предмет хорошие практики. Жаль, нет бубна...

– Почему же нет, – спохватился Глеб, все еще наблюдавший за застывшей в кругу Лизой. – Думаю, старый шаман не будет против – давно уже про свой бубен не вспоминал...

Бубен, как помнил Глеб, хранился в кабинете Евгения Михайловича. Не слишком, конечно, хорошо лазить по директорскому кабинету, но сейчас, похоже, как раз подходящий случай.

Охранник Серега, которого уже посвятили в курс дела, неодобрительно покачал головой, но ключ выдал: вы, мол, взрослые детки, в общем, сами разбирайтесь.

И вскоре Глеб уже вернулся с инструментом.

Лиза стояла точь-в-точь в той позе, что он ее оставил. Казалось, она уснула.

– Ого, как раз то что надо, – Ян довольно осмотрел принесенный Глебом бубен и для пробы тихонько ударил по нему рукой. – Славная вещь, не забыла еще о своем прошлом, а ведь столько времени прошло... Я сейчас настроюсь, подготовлюсь к путешествию, а ты следи, чтобы все было нормально. И главное, чтобы меня никто не отвлекал – второй раз пойти туда уже не получится. Понимаешь? И следи, чтобы свечи не погасли. Я на них ориентироваться при возвращении буду. Заблудиться в тех местах – проще простого.

Он говорил сухо, скорее деловито, но Глеб чувствовал напряжение в голосе мага. Видно, задача действительно предстояла отнюдь не простая.

– Буду следить, – он кивнул. – Удачи. И... возвращайся, пожалуйста.

Ян молча кивнул. Его лицо сделалось равнодушным и каким-то рассредоточенным. Он дернул за край плотной черной тряпки, открывая зеркальную гладь, и медленно опустил на пол неподалеку от круга.

* * *

Солнце нещадно палило, выжигая все – до самой глубины души. Да и осталась ли у нее вообще душа? Ничего не осталось.

Девушка устремила взгляд вниз, в одну из дыр, где темнела вода.

Насколько стало бы легче, если бы эта пробитая яхта наконец затонула. Конец мог быть любым – лишь бы только он вообще наступил!..

– Кто я? – спросила девушка вслух, и ее хриплый голос потонул в плотной тишине, которая всегда полновластно царила в этом месте.

Вопрос был бессмысленен. Слова вообще утрачивали свой смысл, становясь простым набором

странных пустых звуков. Кажется, девушка наконец осознала это, потому что смирилась и вновь погрузилась в сонный покой, подобный смерти. А может, и являющийся этой самой смертью. Даже появление на горизонте черной птицы на этот раз ее не взволновало – к чему волноваться, когда все напрасно и изменений не будет? Мир закольцован и обращен в ничто, а значит, ничего нет ни по эту, ни по ту сторону кольца. Великая пустота, иссасывающая и беспощадная.

Птица все приближалась, и девушка следила за ней отрешенным, почти ничего не видящим взглядом.

Ворон (теперь было заметно, что птица – именно большой черный ворон) летел медленно и как-то неуклюже, чуть заваливаясь набок, словно воздух являлся для него препятствием, и требовалось постоянно напрягать все силы, чтобы прорываться сквозь него.

Глядя на птицу, девушка даже подумала, что она умирает и умрет совсем скоро, если продолжит в том же духе. Ни жалости, ни каких-либо иных эмоций не было. Она наблюдала – вот и все, слегка удивляясь настырности ворона – пора бы давно сложить крылья, не мучиться, а камнем рухнуть в соленую воду. Может, вода примет его и подарит ему забвение...

Но ворон все летел.

Вот он уже над старой яхтой, и из горла птицы вырвался хриплый страшный крик.

Девушке показалось, что птица хочет ей что-то сказать. Но разве птицам дано говорить? Может, и дано – таких тонкостей она уже давно не помнила...

Ворон еще раз судорожно взмахнул крыльями и рухнул вниз, к ногам девушки, теряя перья. Глаза у птицы покрывала сизая пленка.

Девушка подняла ворона – сама не зная зачем, погладила по взъерошенным перьям, и глаза птицы снова раскрылись. Она негромко каркнула.

«Она зовет меня, – вдруг отчетливо поняла девушка. – Зовет туда, где нет этого моря и этого солнца... Но разве такие места бывают?.. Да, бывают... Я, кажется, немного помню такие места. Там есть что-то еще... что-то очень важное...»

Птица закаркала, словно разразилась приступом кашля. Похоже, в руках у девушки ей стало лучше. Еще недолго они сидели, глядя на едва плещущиеся у ног волны, а потом ворон взлетел и, сделав круг над разбитой яхтой, закаркал.

– Лети, – сказала ему девушка, махнув рукой. – Ты же видишь, я не могу последовать за тобой, так улетай сам.

Краем сознания она еще понимала, что находится в этом месте нельзя, что это отчего-то плохо

для птицы. Ворон еще раз досадливо каркнул и, опустившись ей на плечо, легонько клюнул.

– Я не могу пойти с тобой! – девушка помотала головой, словно так было для птицы понятнее. – Моя яхта разбита. Она никуда не поплывет, понимаешь?!

Но ворон настаивал и еще раз, посильнее, ткнул ее клювом.

Девушка рассердилась.

– Улетай! – она стряхнула с себя глупую навязчивую птицу и прикрикнула на нее. – Кыш! Убирайся! Отстань от меня.

Ворон вспорхнул и, сев на обломанную мачту, расхохотался... странно, но эти хриплые каркающие звуки более всего походили именно на смех! На ехидный издевательский смех.

– Ну, погоди! – погрозила девушка, оглядываясь в поисках того, чем бы можно было запустить в птицу. Как назло, ничего! Она сунула руку в карман и вдруг поняла: там что-то есть. Небольшое, металлическое.

Монетка! Она сверкнула под лучами никогда не заходящего солнца особенным ярким светом, и девушка нахмурилась. С этой монеткой тоже связано что-то важное. Какое-то обещание, какой-то долг...

Ворон взволнованно замахал крыльями, словно подтверждая эту догадку.

– Ну что же ты никак не отстанешь?! – проговорила

девушка, едва не плача. – Ну летел бы обратно... к себе. Зачем я тебе? Вот зачем?

– Ка-ар!

И правильно, какой еще ответ можно ожидать от ворона, но все-таки... такое ощущение, что она нужна этой несчастной глупой птице и та не улетит отсюда одна. Умрет, но не улетит. Упрямая.

– Ну хорошо, – девушка вздохнула, – и как, по-твоему, я отсюда выберусь?

Ворон взлетел с мачты и сделал круг над яхтой, снова призывно каркая.

– Я не умею летать, – напомнила она, – крыльев у меня нет. Не хочешь же ты, чтобы...

Она не договорила, испуганная страшной догадкой.

– Ка-ар! – согласился ворон.

– Нет! Я не могу! – девушка вцепилась в мачту обеими руками, будто бы птица могла напасть и сбросить в пугающую воду.

Грудь сдавило, и стало больно, словно она вновь очутилась в ледяной воде, словно вновь шла ко дну, уже не понимая ничего, не зная, где верх, где низ, но еще зачем-то борясь, еще стараясь выплыть...

– Я не могу! Я не хочу! Оставь меня в покое! – закричала девушка и со злостью швырнула несчастную монетку.

Негромкий плеск... И в ту же секунду девушка сама

оказалась за бортом, отчаянно пытаюсь поймать этот маленький кружочек металла, имеющий бог ведаёт какую ценность в этом застывшем мертвом мире.

Наверное, это было сродни настоящему чуду, но она успела. Успела перехватить пропажу до того, как та опустилась на дно, а ещё вновь вынырнула на поверхность, с жадностью вдыхая раскаленный сухой воздух.

Ворон закаркал и, больше не глядя на нее, тяжело махая крыльями, устремился к горизонту.

Не оставалось ничего другого, как плыть за ним. Медленно и тяжело, не оглядываясь на обломки яхты, так долго служившие девушке убежищем. Она не знала, сколько продолжался их путь. Наверное, целую вечность. И она, и птица передвигались из последних сил, уже даже не веря в благополучный исход, когда девушка вдруг увидела огоньки.

Они располагались полукругом и манили к себе словно маяки. В этот миг ворон закаркал и вдруг камнем рухнул в море. Когда девушка подплыла к нему, его глаза были снова подернуты сизой пленкой, а из клюва сочилась кровь.

На этот раз, видно, силы у птицы иссякли окончательно, она умирала, да и девушка не могла больше поделиться с ней ничем.

«Мы умрем здесь оба – я и этот ворон... Не важно,

раньше или поздно. Но умрем. В двух шагах от спасения», – тупо подумала она, но все же подобрала птицу и, пристроив ее у себя на плече – так, чтобы не захлестывало водой, – продолжала медленно плыть.

По ее субъективным часам прошло еще несколько жизней, когда девушка вдруг нащупала ногами дно и побрела к берегу, спотыкаясь и покачиваясь. Уже на самой кромке воды она упала лицом в песок – и засмеялась, и заплакала одновременно, сотрясаясь в странной истерике.

– Мы выжили! Слышишь! Глупая птица! – кричала она между рыданиями, перемежавшимися приступами дикого смеха. – Вы-жи-ли!

Горло болело, просоленные губы давным-давно растрескались под солнцем, но девушка вдруг ощутила сумасшедшее, нереальное счастье.

– Мы выжили! – закричала она, запрокинув голову к бездонному тусклому небу. – Эй, вы слышите! Вы думали, что мы умрем? Так нет, не дождетесь!

Волны лениво лизали ее босые пятки. Там, за спиной, лежало сонное море – и спокойствие, и безвременье, – но нужно было идти вперед – туда, где горели путеводные огни. Где было что-то еще. Что-то отличное от смертельного покоя, и девушка знала: идти нужно непременно туда. Что бы ни случилось.

Она подняла мокрую и окровавленную птицу.

Возможно, та была уже мертва, но нельзя оставлять ее здесь. Никак нельзя. Нужно вынести ее – а там будь что будет!

С этой мыслью девушка, осторожно неся тельце ворона на руках, направилась по берегу в сторону огней. Ноги плохо ее держали. Несколько раз она падала, но всегда упрямо поднималась. Она преодолела и так слишком много – преодолееет и эти несчастные последние метры, чего бы это ей ни стоило.

Ее мир закончился неожиданно – огромным стеклом. За ним было что-то еще... Девушку слепили яркие огни, поэтому она никак не могла разглядеть, что именно там, в другом мире. Кажется, какая-то комната... и люди...

Вдруг прямо перед ней оказалось знакомое лицо. Это было ее собственное лицо! Бледное, застывшее, испуганное.

Девушка поднесла руку к своим волосам, и отражение скопировало ее жест. Сделала шаг к разделяющему их стеклу – и отражение подошло ближе. Протянула руку – и ощутила прикосновение чужих холодных пальцев.

Откуда-то из глубины сознания всплыло единственное имя.

– Ли-за! – хрипло выговорила она.

– Алекс! – полным боли вздохом откликнулось отражение.

Лиза и Алекс... Две сестрички-близняшки. Одна – резвая, шаловливая девчонка, всегда затевавшая опасные проделки. Другая – боязливая, серьезная, не по годам рассудительная.

Две сестрички-близняшки, и только один счастливый билет.

– Я виновата! Я очень виновата перед тобой! – произнесла девушка, прижимая к груди умирающую или мертвую птицу. – Все случилось из-за меня. Я так виновата! Сможешь ли ты когда-либо простить меня?

Боль заполняла все ее существо. Боль и раскаяние. Она столько лет... столько долгих, мучительных лет жила с этой болью, привыкнув не замечать ее, пряча ее в самый дальний уголок сознания, но вот она прорвалась – как горная река, сметающая на пути все плотины.

– Я прощаю тебя, Алекс...

Услышала она. Или только подумала, что услышала.

Глава 19

Полмили до дна

Саша... Александра... Наконец-то ей удалось вспомнить собственное имя.

И вместе с ним – все то, что память, закутываясь в спасительную пелену, так долго прятала.

Саша и Лиза – две сестры-близняшки, иногда их путала собственная мать.

Только характеры у девочек оказались совершенно разными.

Бойкая, дерзкая Саша и робкая, боязливая Лиза. Как часто Сашины проказы приводили к самым дурным последствиям. Вспомнить хотя бы подаренные на день рождения скутеры, которые Саша умудрилась разбить в первый же день. А Лиза – терпела и прощала, Александру даже раздражала такая покорность. «Ты трусиха! – кричала она сестре. – Не позволяй себя обижать! Давай, сделай что-нибудь мне в ответ!» А та упрямо качала головой, еще больше зля Сашу, начинавшую с утроенной силой провоцировать сестру на хоть какое-то ответное действие. Лиза терпела и страдала молча. Она даже не жаловалась маме, только

плакала...

А потом все изменилось, потому что случилась та самая катастрофа.

Собственно, Саша тоже должна была погибнуть. Она даже чувствовала дыхание смерти на своем затылке, чувствовала, как разрывает легкие хлынувшая туда вода. Но случилось самое настоящее чудо – ее спасли моряки случайно подошедшего к месту трагедии катера. Ее спасли – одну из всей семьи. Тогда Александра была уверена, что это спасение – не благо, а наказание. Опустившаяся в один миг на плечи тяжесть придавила десятилетнюю девочку к земле, отняв у нее все – даже свободу выбора, даже желание смерти.

Она изменилась, притихла. Вся былая неумная энергия словно утонула в тот страшный летний день. Осталось только чувство вины – то самое, что позволило Лизе вырваться из объятий смерти и поменяться телами.

Но теперь Саша получила прощение. Значит ли это, что она наконец свободна?..

Девушка пришла в себя от резкого запаха и громко чихнула.

Губы запеклись, а горло казалось насухо отжатой скрученной тряпкой. Дышать было больно, и воздух

казался ей раскаленным металлом.

Александра попыталась подняться с пола, на котором она, оказывается, лежала, однако тело едва подчинялось ей. Девушка даже не сразу сообразила, что в руке что-то зажато. С усилием разжав собственные пальцы, она обнаружила на ладони кругляшок – монета. Саша нахмурилась и поднесла его к глазам, разглядывая, а потом сунула в карман.

Глеб – это он совал ей под нос какой-то флакончик с резким запахом, приведший Сашу в чувство, – наблюдал за девушкой настороженно, не делая попыток помочь.

С трудом она все-таки приподнялась на локте и попыталась понять, где оказалась и что же произошло.

Стеллажи с книгами свидетельствовали о том, что это библиотека. Однако на полу было начерчено что-то мелом, стояли погасшие свечи. Александра обратила внимание на то, что они черны от копоти. Это зрелище казалось диким и нереальным, словно она по ошибке попала в какой-то мистический фильм, и сейчас из пентаграммы на нее ползет ужасное нечто. Впрочем, кажется, это она сама и есть это ужасное нечто, иначе почему она находится в пентаграмме. Интересно, что бы это значило...

И тут взгляд девушки остановился еще на одном присутствующем в библиотеке человеке.

Ян сидел, прислонившись к стене. Его глаза были закрыты, лицо – белее снега, а раскинутые по сторонам руки в широких рукавах свободного черного балахона напоминали крылья. Парень, как никогда, был похож на черную взлохмаченную птицу. На умирающую птицу.

– Ян! – девушка выкрикнула его имя хриплым, незнакомым себе голосом.

Она не могла оторвать взгляд от этой застывшей фигуры и попыталась поползти к парню, словно одно ее желание спасти отгонит мучительный призрак смерти.

Чья-то сильная рука подхватила ее, помогая подняться.

– Теперь я вижу, что ты действительно Саша, – Глеб помог ей встать и бережно придержал за плечи. – Давай оттащу тебя в кресло и займусь им сам. Он пошел за тобой...

– Я помню, – перед глазами все синело бескрайнее, пугающее в своей мучительной неподвижности море. – Мне нужно к нему.

Каждое слово давалось мучительно тяжело, и Глеб понял это, как и понял то, что ее желание – не простой каприз, а поэтому помог Александре добраться до

неподвижного Яна.

– Воды, – прохрипела она, и Глеб бросился за водой.

А девушка провела рукой по черным растрепанным волосам, убирая с бледного лба длинную челку. Волосы были жесткими, и Саше все казалось, что под рукой ее вороны перья.

– Ян! – тихо позвала она. – Вернись!

Он не отзывался, и ее затопило отчаяние.

– Ян! Ян!

Слез уже не было. Их сожгло безжалостное солнце в том мире, где ничего никогда не меняется. Нет, обман! Меняется. Потому что иногда туда прилетают черные птицы, способные обмануть саму смерть и увести тебя оттуда. Эти птицы смеются в лицо смерти и не боятся ее кривого оскала. Они слишком насмешливы и надменны, чтобы спрашивать о цене и тем паче торговаться, они легко платят собственной кровью.

В этот миг Александра поняла, что не задумываясь вернулась бы за ним туда, в безвременье.

– Ты не имеешь права умирать! – зло прохрипела она. – Я не вернула тебе долг! Слышишь, ты! Не смей!

И тут ресницы Яна дрогнули, и на девушку взглянули на удивление ясные серые глаза. Она узнала этот взгляд. Губы пошевелились, словно Ян

хочет что-то сказать.

Александра наклонилась, изо всех сил напрягая слух.

– Будешь... должницей... чтобы... не ушла... – сказал он, и глаза вновь закрылись.

«Жив!» – поняла Саша, пьянея от этой мысли. Жив! И это было главным!

Подоспел Глеб с водой и какими-то медикаментами и стал хлопотать над Яном. А Саша сидела рядом, чувствуя в теле небывалую легкость. Вот, оказывается, как это – жить после смерти.

– Эй, что тут у вас интересенького происходит?.. – послышался жизнерадостный Динкин голос. – Проводите антигуманные антинаучные эксперименты?

В дверях библиотеки появились Динка и Северин.

– Вижу, операция по освобождению заложника прошла удачно, – кивнул им Глеб. – Северин, подойди-ка, ты лучше меня в медицине разбираешься. Посмотри, что с ним.

Северин, сразу ставший серьезным, приблизился к Яну и долго щупал его пульс, смотрел зрачки, измерял давление.

– В общем, жить будет. Но интересно, что вы с ним делали. Такое ощущение, что из парня выкачали всю энергию, – наконец заметил он. – Сейчас стимулятор

всколю. Похоже, без него не обойтись. Ну и врача можно позвать – он, наверное, только начал скучать по своему клиенту.

Постепенно все приходило в норму, и вскоре Александра уже сидела в своем излюбленном кресле, пила горячий и очень сладкий чай и слушала рассказ Динки о похищении.

– Эти гады меня усыпили, – рассказывала Динка, с хрустом грызя маковую сушку. – И привезли в ту квартиру, где меня нашел Северин. Я, как только пришла в себя, конечно, стала требовать их босса. Так мне, прикиньте, и в этом отказали! Мол, цыц, малявка! Это я-то малявка! – с возмущением добавляла она. – И охранники какие-то тупые попались. Морды кирпичами. Глаз с меня не спускали, чтобы их, прости, Саша, понос пронял!..

– Да ты, кажется, не особо в плену страдала, – заметил Северин, слушавший девочку с мягкой улыбкой. – Наверное, как и дома, целый день в игрушки резалась.

– Ну резалась, – Динка недовольно покосилась на него. – Это, между прочим, был хитрый стратегический маневр. Я собиралась усыпить их бдительность и сбежать.

– Странно, что к моменту появления Северина похитители, как в рассказе О. Генри, сами выкуп не

предложили – лишь бы тебя забрали, – пошутил Глеб, и Динка надулась. Но не серьезно, а как-то нарочито, как ребенок, желающий показать свою мнимую обиду.

Саша молчала. Ей было необычайно тепло среди этих людей, которые уже успели стать для нее самыми близкими, единственными родными. Они принимали ее такой, как она есть, не спрашивали и не упрекали, хотя после появления у них Лизы наверняка имелись к ней вопросы.

– Я хочу сказать вам кое-что, – произнесла она, когда шуточные препирательства завершились. – Я... я была просто ужасным ребенком, и сестре частенько доставалось из-за меня. Сказать, что я была чудовищем, – значит ничего не сказать...

– Не надо, – улыбаясь, остановил ее Глеб. – Не надо рассказывать и не надо оправдываться.

– Но почему? – удивилась Саша.

– Потому что ты изменилась. Если что-то давным-давно и было не так, сейчас это уже не важно, честное слово. Мы верим тебе, правда?

– Еще бы! – Динка запрыгнула на подлокотники кресла и обхватила Александру за шею. – Мы тебя любим, честное-пречестное!

Северин, более сдержанный в проявлении чувств, кивнул, но девушка чувствовала его молчаливую поддержку.

Они действительно команда, и они не могут друг без друга.

– Ничего не понимаю, – вдруг сказал Глеб и, выйдя на середину комнаты, повернулся к друзьям. – Ну кто же из нас тогда предатель?..

* * *

Сквозь неплотно задернутые шторы в комнату заглядывала луна.

Ян, еще слабый после тяжелого путешествия, лежал на кровати, глядя в потолок. Сон бежал от него, как лань от охотника. Парень и сам не понимал, что разбудило его в этот глухой полночный час и откуда в груди взялось это странное ощущение – то ли томительное ожидание, то ли тягостное предчувствие.

Школа спала, и тишина казалась такой полной, что аж в ушах звенело.

«Скорее бы утро», – подумал Ян. Он не любил эти бесконечные ночи, которые нет-нет, да выдавались в его жизни. Проблемы со сном – пустяковый, на первый взгляд, диагноз и в то же время абсолютно мучительный. Самое смешное, что бессонница приходила даже тогда, когда он и без того чувствовал себя разбитым, вот как сейчас.

– Фигня, – пробормотал Ян, переворачиваясь на бок, – все фигня. Главное – остался живой, а ведь уже думал, что не выберусь...

Он отстраненно смотрел на косые тени голых веток, прижавшихся к стеклу, чуть подсвеченных сзади луной. Было красиво и очень готично.

Залюбовавшись этой картиной, Ян не заметил, как одна из теней, просочившись через стекло, скользнула к его кровати и замерла в изголовье.

– Ну, здравствуй, маг, – послышался вдруг тихий, похожий на скрип старых деревьев голос. – А я к тебе с предложением.

В этот миг луна вдруг нырнула за тучи, и комната погрузилась в абсолютную тьму...